This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1RFN 6

БИБЛИОТЕКА
1го
СТУДЕНЧЕСКАГО
ОБЩЕЖИТИЯ М.У.

US
AT

A7
Patenko, F.A
Opyt rukovodstva

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAY 6 1935

Ф. А. ПАТЕНКО
Профессоръ Судебной Медицины
Харьковскаго Университета.

340,6
7756
П-90

ОПЫТЪ РУКОВОДСТВА

КЪ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОМУ АНАЛИЗУ.

Для начинающихъ судебныхъ врачей
и студентовъ.

ВЫПУСКЪ I-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная улица, д. № 30-й).
1904.

12

На основаніи ст. 41, § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. 26 Мая 1904 года.

За Ректора Университета *Бріо*.

MAY 6 1935

Оглавленіе 1-го выпуска.

Подготовительная часть.

Глава 1.

стр.

Краткая исторія Судебной Медицины 3
Сущность и объемъ ея 7
Судебно-медицинскій анализъ 8
Опредѣленіе Судебной Медицины 11
Общія понятія о судебномъ процессѣ 12
Преступленіе и преступникъ при свѣтѣ антропологіи 13

Глава 2.

Экспертъ и его функціи 52
Дѣятельность эксперта на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи 54
Вторичная экспертиза 56

Спеціальная часть.

Отдѣлъ I.

Глава 1.

Судебно-медицинское изслѣдованіе 61
Обрядовая сторона 61
Трупныя явленія 65
Моментъ смерти 68
Первый рядъ трупныхъ явленій: охлажденіе (70), окоченѣніе (71), трупныя пятна (77), пергаментныя пятна (81).
Второй рядъ трупныхъ явленій: гніеніе (82), гнилостныя трупныя пятна (83), гнилостные пузыри (83), трупная эмфизема (83), гнилостныя полосы и сѣти (84), гніеніе внутреннихъ органовъ (84).
Исходы гніенія: распаденіе тканей (85), мумификація (86), омыленіе (92), гніеніе отдѣльныхъ тканей (96).
I. Дѣло объ убійствѣ выстрѣломъ изъ ружья дробью или крупною солью 104
II. Дѣло объ убійствѣ и зарытіи трупа въ известь 118

7756

17372.

Для судебнаго врача въ истинномъ и полномъ значеніи слова, недостаточно одного только знанія научныхъ фактовъ, относящихся къ этой обширной наукѣ. Необходимо главнымъ образомъ умѣніе обращаться съ этими фактами, умѣніе примѣнять ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ наука о Правѣ. А это можетъ быть достигнуто только съ помощью судебно-медицинскаго анализа, безъ котораго судебный врачъ представляетъ собою „нагруженное множествомъ товара судно въ морѣ, пущенное во время бури безъ руля, безъ снастей и парусовъ“ (О. Іоаннъ Кронштадтскій,—Дневникъ, 1892 г. стр. 24). Приходилось и мнѣ видѣть, втеченіе моего многолѣтняго служенія этой наукѣ, нѣсколько такихъ нагруженныхъ кораблей и маленькихъ, и большихъ.... приходилось переживать много мучительныхъ, страшныхъ минутъ за экипажъ и пассажировъ.... Это и привело меня къ мысли—сдѣлать первую попытку составленія такого руководства, которое облегчило-бы начинающему его первые шаги на пути судебно-медицинской экспертизы, а именно—останавливаясь на фактической сторонѣ лишь вкратцѣ и въ предѣлахъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, показать на болѣе или менѣе подробномъ разборѣ различныхъ уголовныхъ дѣлъ—какъ надо взяться за судебно-медицинскій анализъ въ томъ или въ другомъ случаѣ, съ чего начать, какъ вести его. Я вполнѣ сознаю громадную трудность выполненія такой задачи въ полномъ ея объемѣ—и

за такое выполненіе не берусь, а дѣлаю только первую слабую попытку въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе опредѣлились у меня собственнымъ долголѣтнимъ опытомъ. Если эта попытка не пройдетъ безслѣдно въ виду монументальныхъ трудовъ такихъ корифеевъ науки, какъ Тейлоръ, Девержи, Касперъ-Лиманъ, Гофманъ и др., если хотя одному изъ моихъ учениковъ когда нибудь придется сказать мнѣ скромное, но сердечное „спасибо"—я буду вознагражденъ за свой трудъ сторицею: за этимъ скромнымъ „спасибо" будетъ стоять великая награда—сознаніе, что и я, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, послужилъ Истинѣ въ одной изъ болѣе сложныхъ и совершенныхъ формъ ея.

Апрѣль 1903.
Харьковъ.

Подготовительная часть.

ГЛАВА I.

Краткая исторія Судебной Медицины. Необходимость ознакомленія хотя съ краткой исторіей каждаго изучаемаго предмета прекрасно выражена во вступительной лекціи проф. Kratter'a, прочитанной имъ 22 октября 1882 г. въ Gratz'ѣ: „каждый мыслитель, поставившій себѣ задачею проведеніе въ жизнь той или другой группы идей и достиженіе чрезъ это извѣстныхъ цѣлей въ будущемъ, долженъ прежде всего остановиться на прошедшемъ и настоящемъ того дѣла, которому онъ призванъ служить, такъ какъ только въ прошедшемъ и настоящемъ можно найти мѣрку для будущаго“ [1]).

Здѣсь я могу набросать конечно только эскизъ исторіи Судебной Медицины, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Судебная Медицина обязана своимъ существованіемъ общей медицинѣ, которая родилась, можно сказать, вмѣстѣ съ человѣчествомъ и присущимъ ему стремленіемъ къ самосохраненію. У самыхъ старыхъ культурныхъ народовъ, какихъ только мы знаемъ—у Индусовъ и Египтянъ медицина стояла уже на довольно высокой степени развитія. Можно было-бы думать, что по мѣрѣ формированія и развитія государствъ, какъ соціальныхъ организмовъ человѣчества, развивались также и тѣ особенныя отношенія медицины къ обществу, которыя мы теперь называемъ Судебной Медициной. Можно было-бы полагать, что и въ сѣдой древности, какъ и теперь, свидѣтельство врачей во многихъ случаяхъ должно было-бы являться необходимымъ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ здѣсь должно было-бы искать начало Судебной Медицины. Но въ дѣйствительности

она зародилась гораздо позже, и это объясняется совершенно инымъ строемъ общества въ древности и тогдашними особенными понятіями о правѣ. Такъ напр. смертельныя поврежденія и убійство разсматривались тогда, какъ частныя правонарушенія, и государство въ эти дѣла не вмѣшивалось, предоставляя преступника частной мести родственниковъ или друзей убитаго. У Грековъ и Римлянъ законъ не преслѣдовалъ преступленій въ области половой жизни: не было запрещено напр. производство выкидышей, а дѣтоубійство въ извѣстной формѣ было даже установлено закономъ.—Въ судопроизводствѣ не было никакихъ судебныхъ доказательствъ въ теперешнемъ смыслѣ слова, а все основывалось на жалобѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть мѣста Судебной Медицинѣ, если-бы даже врачи того времени и стояли на высотѣ своего призванія, чего въ дѣйствительности не было: въ Римѣ, до времени императоровъ врачеваніемъ, какъ своего рода искусствомъ, занимались рабы, свободные-же римляне презирали это занятіе, какъ достояніе своихъ рабовъ, и на самомъ дѣлѣ—знанія сказанныхъ врачей были такъ незначительны, что эти представители медицины не только не могли пользоваться общественнымъ довѣріемъ, но ихъ невѣжество давало поводъ обществу ограждать себя отъ ихъ леченія.

Но вотъ въ Римъ начинаютъ проникать новыя вѣянія съ Востока, и между прочимъ начинаетъ распространяться наука греческихъ и египетскихъ медицинскихъ школъ,—является безсмертный Galen, и съ нимъ совершенно измѣняется взглядъ на врача и на его общественное положеніе: врачъ получаетъ въ обществѣ мѣсто, соотвѣтствующее его научному образованію.

Правда—зачатки Судебной Медицины можно прослѣдить и раньше Galen'a; такъ—уже Hippokrates опредѣлялъ жизнеспособность семи—и восьмимѣсячныхъ плодовъ; Aristoteles—продолжительность беременности и т. п. Но во всякомъ случаѣ со времени Galen'a участіе врачей при

обсужденіи различныхъ медицинскихъ вопросовъ въ юридическомъ отношеніи встрѣчается чаще и чаще. Самъ Galen напр. зналъ уже разницу между легкими мертворожденнаго и живорожденнаго плода; онъ-же написалъ трактатъ о притворныхъ болѣзняхъ и ихъ распознаваніи. Врачъ Antistius осматривалъ 23 раны, полученныя Цезаремъ, и опредѣлилъ, что вторая рана въ грудь была смертельна т. е. онъ имѣлъ дѣло со случаемъ множественныхъ травматическихъ поврежденій и съ вопросомъ—какое изъ нихъ было безусловно—смертельнымъ.

Однако все это были отдѣльные случаи участія врачей въ уголовныхъ дѣлахъ, участія не узаконеннаго, а чисто случайнаго. Первое-же признаніе закономъ необходимости судебно-медицинской экспертизы встрѣчается въ кодексѣ Юстиніана, хотя и было ограничено только однимъ видомъ ея, а именно: беременныя женщины у Римлянъ пользовались большими правами и считались почти неприкосновенными; поэтому, если женщина, привлекаемая къ суду, заявляла, что она беременна, то предварительно она подвергалась медицинскому изслѣдованію для удостовѣренія этого обстоятельства.

Новая эпоха наступаетъ для Судебной Медицины съ появленіемъ на міровой сценѣ германскихъ народовъ и съ побѣдой христіанства надъ язычествомъ. Въ основу германскихъ законовъ были положены уже совершенно иные принципы, иные соціальные взгляды. Janowsky [2]) въ своемъ сочиненіи объ историческомъ развитіи Судебной Медицины говоритъ: „отъ сѣверо-германскихъ законовъ вѣетъ какимъ-то особеннымъ духомъ; они получили свое начало въ потребностяхъ народа, заботящагося о своемъ существованіи; въ борьбѣ за это существованіе народъ долженъ былъ думать прежде всего о безопасности своего, вначалѣ маленькаго общества, поэтому извѣстныя преступленія, направленныя такъ или иначе противъ существовавшаго общественнаго порядка, были изъяты отъ вмѣшательства частныхъ истцовъ и сдѣлались предметомъ вѣдѣнія государственной власти“.

Въ обоихъ первоначальныхъ германскихъ кодексахъ— Schwarzenberg'a (1507 г.) и Карла V (1532 г., извѣстномъ подъ сокращеннымъ названіемъ „Carolina") врачебная экспертиза, какъ одинъ изъ видовъ судебныхъ доказательствъ, окончательно получила законную силу. Съ этихъ поръ начинается и научная разработка ее, какъ самостоятельной науки.

Уже въ 1575 г. появилась первая судебно-медицинская работа извѣстнаго французскаго хирурга Ambrois'a Paré— трактатъ о ранахъ въ отношеніи ихъ смертельности, а также о насильственной смерти, о распознаваніи дѣвственности, вмѣстѣ съ руководствомъ для составленія судебно-медицинскихъ мнѣній. Вскорѣ затѣмъ онъ-же опубликовалъ трактатъ объ отравленіяхъ. Въ 1597 г. Condronchi далъ образецъ судебно-медицинскаго мнѣнія, а въ 1598 г. появляется замѣчательнѣйшее произведеніе того времени—первое систематическое руководство по Судебной Медицинѣ Fortunatus Fidelis изъ Палермо. Въ 1621 г. является второе подобное-же классическое сочиненіе Paulus Zachias— Questions medico-légales.

Постоянно развиваясь съ развитіемъ естественныхъ наукъ и общей медицины, Судебная Медицина начала сама разрабатывать многіе вопросы, не имѣвшіе отношенія къ другимъ отдѣламъ медицины, начала вырабатывать для этого свои методы изслѣдованія и, наконецъ, достигла той высокой степени научнаго развитія, на которой застаемъ ее мы, и на которую ее возвели въ особенности Orfila, Taylor, Dewergie, Casper, Liman, Schauenstein, von Maschka, Ed. v. Hofmann заграницей, а также Пеликанъ, Драгендорфъ, Нейдингъ и др. у насъ.

Даже изъ этого краткаго очерка Судебной Медицины въ ея прошломъ и настоящемъ, можно составить себѣ взгляды и на ея задачи будущаго: они должны состоять въ тщательномъ собираніи и разработкѣ прежде всего естественно-историческихъ и медицинскихъ вопросовъ въ соціальномъ направленіи, въ изученіи способовъ наилучшаго

примѣненія ихъ для цѣлей суда и въ безпрерывномъ продолженіи самостоятельныхъ изслѣдованій.

Что-же такое Судебная Медицина въ томъ видѣ, какъ ее должно понимать въ настоящее время?

Сущность и объемъ. По общепринятому, стереотипному опредѣленію—Судебная Медицина есть наука о примѣненіи естественно-научныхъ и медицинскихъ знаній для цѣлей суда. Однако въ послѣднее время на нее начинаютъ уже смотрѣть иначе. Такъ напр. въ 1896 г. проф. Kratter высказался о ней слѣдующимъ образомъ: „она имѣетъ свои особенныя задачи; одно знаніе естественныхъ и медицинскихъ наукъ само по себѣ ни въ какомъ случаѣ не достаточно для того, чтобы врачъ могъ въ полной мѣрѣ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему со стороны науки о правѣ,—для этого необходимы еще особенныя знанія и спеціально—выработанная методика“.

И дѣйствительно съ общепринятымъ опредѣленіемъ Судебной Медицины нельзя согласиться: принять его—значилобы въ то-же время признать, что Судебная Медицина не наука и даже не прикладная наука, каковы напр. всѣ отдѣлы клинической медицины. Такъ—если-бы задачи Судебной Медицины исчерпывались только примѣненіемъ уже готовыхъ знаній, выработанныхъ естественными науками и медициной, то сама по себѣ она не была-бы наукой: она только учила-бы насъ, какъ взять то или другое знаніе и объяснить его суду т. е. людямъ, не знающимъ въ достаточной мѣрѣ ни естественныхъ наукъ, ни медицины.

Но знанія, добытыя естественными и медицинскими науками, составляютъ только половину фундамента нашей науки, другая-же половина состоитъ изъ научныхъ фактовъ, разработанныхъ самою Судебною Медициною, помощью самостоятельно выработанныхъ методовъ, и при томъ для цѣлей, съ которыми естественныя науки и медицина не имѣютъ ничего общаго. Это прежде всего ставитъ Судебную Медицину во 1-хъ) въ положеніе науки, а не техническаго ученія, а во 2-хъ) пожалуй въ рядъ съ такими прикладными нау-

ками, какъ различные отдѣлы клинической медицины, съ тою разницею, что клиническая медицина служитъ непосредственно цѣлямъ отдѣльныхъ индивидовъ, Судебная Медицина—цѣлямъ государственнымъ, помогая судьѣ изучать и обсуждать извѣстныя явленія въ обществѣ, которыя законъ старается предупреждать, или за которыя караетъ. Такимъ образомъ конечная цѣль ея есть служеніе соціальнымъ идеямъ, воплощеніемъ которыхъ, какъ высшій идеалъ, является государство. Она необходима государству для выполненія одной изъ самыхъ важныхъ задачъ—обезпеченія обществу защиты закона.

Затѣмъ болѣе широкій взглядъ на Судебную Медицину неизбѣжно приводитъ къ убѣжденію, что ее нельзя заключать въ опредѣленныя, болѣе или менѣе узкія рамки, подобно тому или другому отдѣлу медицины,—горизонтъ ея гораздо шире и охватываетъ не только естественныя науки и медицину, но также психологію, психофизику, философію съ теоріей вѣроятностей и этнографію. На суммѣ этихъ слагаемыхъ и зиждется судебно-медицинскій анализъ, который существенно отличается отъ обще-медицинскаго прежде всего тѣмъ, что судебному врачу постоянно приходится обозрѣвать сразу всего человѣка т. е. не только его тѣло—его физическую сторону, но и его духъ. Кромѣ этого особенности судебно-медицинскихъ вопросовъ требуютъ спеціальнаго развитія извѣстныхъ сторонъ мышленія, развитіе которыхъ не вызывается ни однимъ изъ отдѣловъ обширной медицинской науки. Такимъ образомъ уже одинъ анализъ—можно сказать—обособляетъ Судебную Медицину въ самостоятельную науку.

Судебно-медицинскій анализъ. Главнѣйшая особенность судебно-медицинскаго анализа состоитъ въ слѣдующемъ: мы хотя и не знаемъ сущности того, что называется аналитическими способностями ума, но можемъ судить объ этой умственной силѣ по ея проявленіямъ. Конечно, всякому уму присуще въ большей или меньшей степени стремленіе разгадывать непонятное, стараться объяснить его, но не всякій умъ стремится къ

этому по одному и тому-же пути: одинъ старается разгадывать непонятное путемъ соображенія, другой—путемъ анализа. Для сообразительности необходимымъ условіемъ является только вниманіе, тогда какъ для анализа основаніемъ служитъ проницательность. Пояснимъ разницу примѣромъ: первою задачею судебнаго врача въ томъ или другомъ уголовномъ дѣлѣ является внимательное, точное и подробное изученіе относящихся къ дѣлу фактовъ, и не только медицинскихъ, но также не медицинскихъ,—это, конечно, доступно всякому серьезно-образованному врачу. Но далѣе—результатомъ такого изученія фактовъ очень часто должна явиться разгадка дѣла. Съ этого момента все будетъ зависѣть отъ того, какими способностями своего ума работаетъ изслѣдователь: если только одною способностью соображенія, то онъ пользуется исключительно тѣмъ сочетаніемъ фактовъ, которое сложилось при собираніи и изученіи ихъ; изъ этого сочетанія онъ и исходитъ при разрѣшеніи того или другого вопроса. Но данное сочетаніе фактовъ можетъ явиться чисто случайнымъ сцѣпленіемъ ихъ, совпаденіемъ, безъ всякой причинной связи между ними; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если такой изслѣдователь сплошь и рядомъ ошибается въ своихъ выводахъ—онъ не подмѣчаетъ фальши въ данномъ сочетаніи фактовъ, не можетъ замѣтить отсутствія закона причинности въ ихъ цѣпи и замѣну его простымъ совпаденіемъ.

Не то будетъ у аналитика: благодаря проницательности, развитой ранѣе указанными науками, онъ легко замѣчаетъ—что̀ въ данной цѣпи фактовъ связано между собою такъ сказать органически, что̀ имѣетъ характеръ случайнаго совпаденія. Онъ не идетъ слѣпо по той тропинкѣ, которую ему указываетъ данная цѣпь фактовъ, онъ смотритъ шире и дальше, онъ, гдѣ необходимо, измѣняетъ установленный порядокъ фактовъ, создаетъ новую комбинацію ихъ и такимъ образомъ приходитъ къ истинѣ. Здѣсь иногда все зависитъ даже отъ какого-то наитія, являющагося результатомъ сильнаго напряженія умственныхъ и душевныхъ силъ. Даже

лишенный достаточнаго количества фактовъ, аналитикъ проникаетъ въ сокровенную суть дѣла, а иногда даже въ душу другого человѣка, отождествляется съ нею и нерѣдко видитъ тотъ единственный способъ (иногда до смѣшного простой), съ помощью котораго можно разрѣшить самую повидимому трудную задачу.

Въ то время, какъ сообразительность дѣйствуетъ только въ предѣлахъ извѣстнаго шаблона, извѣстнаго правила, аналитическій умъ находитъ истину и въ такихъ случаяхъ, которые не подчиняются правилу. Тотъ и другой наблюдаютъ, но качество ихъ наблюденій не одинаково: просто сообразительный человѣкъ наблюдаетъ только то, что непосредственно относится къ данному дѣлу, аналитикъ внимательно изучаетъ и такія обстоятельства, которыя для перваго кажутся совершенно не идущими къ дѣлу. Такъ напр. не особенно рѣдки случаи или преступленія, носящіе исключительно ужасный характеръ. Для обыкновеннаго изслѣдователя они долго, или даже навсегда остаются неразрѣшимой загадкой, тайной, но для аналитика именно эта особенная черта загадочности, этотъ утрированный характеръ преступленія и служитъ обыкновенно путеводною нитью. Здѣсь человѣкъ, работающій только сообразительностью, легко можетъ быть сбитъ съ настоящаго пути тѣмъ, что онъ смѣшиваетъ необычайное съ непонятнымъ. Но именно отклоненіе отъ обычнаго характера подобныхъ происшествій и служитъ аналитику руководящею нитью въ поискахъ. Въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода не аналитикъ спроситъ только—„что такое случилось?“, аналитикъ-же не останавливается на этомъ и спроситъ себя—„что такое случилось, чего никогда не случалось раньше?“ Иначе сказать—не аналитикъ старается понять случившееся путемъ сравненія съ явленіями, встрѣчавшимися раньше и болѣе или менѣе похожими на данное. Аналитикъ обращаетъ все свое вниманіе на особенности даннаго случая, рѣзко отличающія его отъ другихъ. Изучая эти особенности, онъ уже творческими силами своихъ умственныхъ и душевныхъ способностей ищетъ и находитъ истину.

Хотя этотъ очеркъ значенія и силы судебно-медицинскаго анализа блѣденъ и кратокъ, но я надѣюсь—онъ все-же дастъ нѣкоторое представленіе о Судебной Медицинѣ, какъ о наукѣ, а не какъ о складѣ всевозможныхъ отрывочныхъ знаній.

Опредѣленіе Судебной Медицины. Я остановился на значеніи судебно-медицинскаго анализа нѣсколько дольше потому, что это—душа нашей науки. И если мы теперь сопоставимъ все сказанное объ объемѣ и значеніи Судебной Медицины, то опредѣленіе ея, какъ науки, уже не представитъ особенныхъ трудностей. Насколько мы ее понимаемъ, это—наука о право-нарушеніи съ точки зрѣнія естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Такое опредѣленіе логически вытекаетъ изъ той роли, которую играетъ Судебная Медицина въ жизни общества черезъ посредство своихъ представителей—судебныхъ врачей или врачей—экспертовъ. Но для выясненія этого вопроса необходимо ознакомиться съ тѣмъ полемъ, на которомъ дѣйствуетъ Судебная Медицина.

Понятіе о преступленіи. Въ общественномъ организмѣ, какъ и въ организмахъ отдѣльныхъ лицъ, часто наблюдаются явленія, такъ или иначе нарушающія спокойное теченіе жизни даннаго общественнаго организма. Если относиться къ такимъ явленіямъ безразлично, то это можетъ повести къ разрушительнымъ патологическимъ процессамъ, которые могутъ угрожать не только здоровью, но и жизни цѣлаго общества. Поэтому всякое государство, заботящееся о сохраненіи и укрѣпленіи своего организма, слѣдитъ за всѣми такими отклоненіями отъ нормы, стараясь, такъ или иначе, предупреждать или прекращать ненормальныя явленія.

Часть такихъ отклоненій совершается или помимо воли самихъ членовъ даннаго общества, каковы напр. случаи скоропостижной смерти, несчастья и т. п., или-же совершаются отдѣльными лицами съ полнымъ сознаніемъ совершаемаго дѣянія, каковы—самоубійство, умышленное поврежденіе здоровья другихъ лицъ, убійство и т. д. Изъ всѣхъ

этихъ событій или дѣяній законъ выдѣляетъ тѣ, которыя совершаются съ сознаніемъ и опредѣленною цѣлью—причинить зло. Такія дѣянія онъ называетъ уголовными преступленіями и за нихъ такъ или иначе караетъ преступника. Что-же касается остальныхъ ненормальныхъ явленій, могущихъ въ своей массѣ также вліять на жизнь общества, то законъ ограничивается изученіемъ и обсужденіемъ ихъ постольку, поскольку это необходимо для возможнаго предупрежденія ихъ въ будущемъ.

Общія понятія о судебномъ процессѣ. Соотвѣтственно сказанному различію въ патологическихъ явленіяхъ общественной жизни, законъ различно изучаетъ и обсуждаетъ ихъ черезъ посредство судебной власти. Эта послѣдняя прежде всего собираетъ фактическія данныя по отношенію къ каждому такому событію, и для этой цѣли имѣетъ свои органы—судебныхъ слѣдователей и полицію. О всякомъ происшествіи прежде всего производитъ дознаніе (предварительное) полиція, и окончивъ его въ главныхъ чертахъ, направляетъ къ прокурору суда. Если изъ собранныхъ фактическихъ данныхъ не видно злонамѣреннаго участія постороннихъ лицъ, то судебная власть, поручивъ полиціи только дополнить и выяснить данное происшествіе, прекращаетъ дальнѣйшее производство дѣла о немъ,—такъ именно ведется и заканчивается разслѣдованіе о случаяхъ скоропостижной смерти, о самоубійствахъ, о несчастныхъ случаяхъ. Но если уже изъ полицейскаго дознанія обнаруживается уголовный характеръ происшествія, то судебная власть поручаетъ произвести подробное разслѣдованіе судебному слѣдователю; онъ уполномоченъ не только собирать факты, но и пользоваться всѣми способами для выясненія такихъ обстоятельствъ въ дѣлѣ, которыя могутъ быть непонятны лицамъ, не посвященнымъ въ ту или другую область знаній. Съ этою цѣлью ему предоставляется обращаться за разъясненіями различныхъ спеціальныхъ вопросовъ къ свѣдущимъ людямъ или экспертамъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ вопросу объ экспертизѣ и экспертахъ, я остановлюсь на новомъ—антропологическомъ ученіи о преступленіи и преступникѣ.

Уголовная антропологія. Понятіе о „преступникѣ"—чисто юридическое и по своему характеру—условное: оно заключаетъ въ себѣ представленіе о человѣкѣ, какъ о нарушителѣ уголовнаго закона, причемъ „преступленіе" разсматривается какъ актъ „злой воли" человѣка. Но преступленіе совершается, говоритъ Дриль [3]), не при посредствѣ одной какой либо особенности человѣка, а при посредствѣ всей совокупности ихъ—настроенія, чувствъ, мыслей и проч. Это—явленіе сложное, обусловленное нѣсколькими факторами, относительное значеніе которыхъ измѣняется въ каждомъ отдѣльномъ преступленіи. Въ преступленіи сказывается весь человѣкъ, всѣ его стороны и оно является результатомъ совмѣстной ихъ дѣятельности. Между тѣмъ уголовное право, разсматривающее его до сихъ поръ, какъ актъ „злой воли", и такимъ образомъ признающее „субъективность" преступленія, не знаетъ дѣйствительнаго преступника, не знаетъ условій его постепенной подготовки и развитія.

Съ точки зрѣнія „злой воли" преступники представляются какими-то отвлеченными величинами, которыя всегда равны самимъ себѣ и другъ другу, и при томъ всегда похожи на всѣхъ другихъ людей. Поэтому о преступникахъ будто-бы легко судить по своему внутреннему опыту, на основаніи собственнаго внутренняго міра т. е. путемъ сравненія преступника съ собою, считая себя за человѣка не преступнаго—честнаго.

Сохраняя до сихъ поръ почти вполнѣ свои классическія формы, уголовное право зиждется главнымъ образомъ на метафизическихъ и абстрактныхъ идеяхъ. Этотъ вопросъ обсуждался на международномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ еще въ 1885 г., и тогда проф. Benedict высказалъ между прочимъ слѣдующее: „классическая школа уголовнаго права схоластична, потому что ея методы отстали отъ настоящаго времени на 350 лѣтъ. Хотя въ свое время она знаменовала

прогрессъ, но теперь представляетъ собою анахронизмъ. До сихъ поръ образованіе юристовъ аналогично тому образованію медиковъ, когда они изучали въ школахъ мнѣнія, взгляды и опредѣленія своихъ учителей, но не наблюдали ни больныхъ, ни ихъ болѣзней".

Для юриста главными чертами того дѣянія, которое называется „преступленіемъ", являются—тяжесть его, степень приносимаго имъ вреда отдѣльнымъ лицамъ или обществу, цѣль его и т. п. Слѣдовательно—теперешнее уголовное право, въ его прежней классической формѣ, совершенно не касается генеза преступленій и самихъ преступниковъ, не касается причинъ, вызывающихъ преступленія, тогда какъ въ причинахъ кроется болѣе широкая и важная сторона вопроса—предупрежденіе или искорененіе зла.

Уже съ точки зрѣнія отношеній индивидуума къ обществу открывается почти необъятная ширь этого вопроса: если развитіе и благосостояніе отдѣльнаго лица тѣсно связаны съ состояніемъ общества, то и общество не менѣе роковымъ образомъ зависитъ отъ составляющихъ его единицъ. Слѣдовательно—изучая эти единицы, можно прямо и вѣрно прійти къ упорядоченію общественнаго строя, теперь во многомъ безпорядочнаго; можно достичь ослабленія хищническихъ инстинктовъ и влеченій, устранить могущественное дѣйствіе различныхъ факторовъ, вызывающихъ физическое и нравственное ухудшеніе людей, что въ свою очередь влечетъ за собою сумасшествія, самоубійства, пьянство, преступленія и вообще всякое развращеніе. А изученіе причинъ такихъ явленій можетъ привести къ принятію соотвѣтственныхъ мѣръ для устраненія обездолѣнія, захуданія и другихъ гнойныхъ язвъ человѣчества (Дриль [3]).

И такъ—считать вопросъ о человѣческой преступности за вопросъ исключительно юридическій—было-бы совершенно не вѣрно: онъ представляетъ собою широкій и многосторонній общественный вопросъ, точное изученіе котораго возможно только при помощи біологіи.

Отъ насъ еще очень недалеко то время, когда признавали несомнѣннымъ, что психическая жизнь человѣка нисколько не обусловливается строеніемъ его организма, что его поступки зависятъ отъ случая, отъ воспитанія, отъ соціальныхъ условій. Особенно господствовало ученіе, возникшее во Франціи, по которому наша психическая жизнь складывается подъ вліяніемъ общественныхъ условій,—этими условіями т. е. воздѣйствіемъ среды объясняли и преступленія. Но врачи, наблюдая и изучая арестантовъ помощью тѣхъ-же методовъ, какіе они прилагали къ больнымъ, замѣтили, что многіе арестанты отличаются отъ честныхъ людей и складомъ своей психической жизни, и даже своею физической организаціей. Въ этомъ отношеніи они только подтвердили Галена, который былъ послѣдователемъ Аристотеля, и который уже въ то время признавалъ „преступную организацію“ т. е. указывалъ на такую сторону вопроса, которую наука о правѣ совершенно игнорировала. На одномъ изъ уголовно-антропологическихъ съѣздовъ проф. Lacassagne высказалъ, что юристы и медики, встрѣчаясь при обсужденіи однихъ и тѣхъ-же вопросовъ, обыкновенно плохо понимаютъ другъ друга, потому что привычные пріемы мышленія у нихъ различны: одни дѣйствуютъ преимущественно дедукціей, другіе—индукціей; одни исходятъ изъ опыта и наблюденія, другіе—изъ ничѣмъ не провѣренныхъ общихъ положеній. Проф. Benedict тогда-же провозгласилъ такой афоризмъ: „melius adhoc est judici cognoscere corpus et animum humanum, quam cognoscere corpus juris“. И нельзя не признать, что въ основѣ этого афоризма лежитъ вполнѣ справедливая мысль, что познаніе тѣла и души человѣка или иначе—широкое антропологическое образованіе должно бы служить юристу прочнымъ фундаментомъ для его спеціальнаго т. е. юридическаго образованія. Это послѣднее сосредоточивается на изученіи наукъ общественныхъ; изучать-же общественныя науки и вовсе не изучать тѣхъ единицъ, изъ которыхъ слагается общество т. е. не изучать человѣка, это—по мнѣнію проф. Benedict'а—какое-

то странное и вредное недоразумѣніе, противорѣчіе!—Къ высказанному проф. Benedict'омъ можно только безусловно присоединиться. Будущій прогрессъ уголовнаго законодательства уже теперь—можно сказать—зависитъ главнымъ образомъ отъ наукъ естественныхъ, которымъ XIX вѣкъ обязанъ и своими лучшими открытіями. Поэтому нельзя не привѣтствовать съ радостью ихъ вступленіе въ область права черезъ посредство Антропологіи и Судебной Медицины.

Постепенное проникаціе антропологіи въ область уголовнаго права можно прослѣдить еще до времени Галена и Аристотеля. Но процессъ зарожденія собственно „уголовной антропологіи" начинается повидимому съ момента прочной установки идеи о томъ, что по явленіямъ природы можно изучать самыя силы ея, производящія эти явленія, такъ такъ между ними существуетъ непреложная связь. Эта идея ко 2-й половинѣ XVIII столѣтія уже прочно установилась и дала начало прежде всего ученію о „физіогномикѣ", провозвѣстникомъ котораго явился Lavater [4]) въ 1781 году. Ученіе это имѣло цѣлью опредѣлить внутреннія качества человѣка по всей его внѣшности, при чемъ Lavater руководствовался такимъ соображеніемъ: „приписывать все произвольнымъ причинамъ, слѣпому случаю, не подчиняющемуся ни правиламъ, ни закону, это—философія безумцевъ, это смерть истинной науки, истинной философіи и истинной религіи".

Помимо физіогномики въ его ученіи можно уже найти и уголовно-антропологическія идеи; такъ напр. онъ говоритъ о неодолимыхъ влеченіяхъ и приводитъ два случая подобнаго влеченія къ воровству; по поводу этихъ случаевъ онъ даже замѣчаетъ, что „такихъ людей надо болѣе жалѣть, нежели презирать".

За „Физіогномикой" Lavater'а послѣдовала „Френологія" Gall'я [5]), который—по его собственному указанію—еще въ юности началъ подмѣчать, что каждый человѣкъ имѣетъ какую либо свою рѣзко выраженную психическую особенность, отличающую его отъ всѣхъ прочихъ людей, и

опредѣляющую характеръ его отношеній къ нимъ.—Gall думалъ, что нашелъ такіе внѣшніе анатомическіе признаки, по которымъ можно опредѣлить преступность человѣка. Эта оставленная теперь, идея привела его однако къ изученію строенія и функцій нервной системы и къ установленію взгляда на мозгъ, какъ на средоточіе всѣхъ органовъ психической жизни, что и поставлено ему въ величайшую заслугу. Ученіе его, какъ извѣстно, не выдержавъ строго-научной критики, сошло со сцены, но основная мысль его сохранилась и послужила зачаткомъ уголовно-антропологической школы.

До Gall'я строеніе и функціи мозга были совершенно неизвѣстны, и еще не задолго до ученія Gall'я напр. Cabanis[6]) (1796) видѣлъ центръ тяжести психической жизни въ особыхъ органическихъ системахъ. Изъ этихъ системъ, по его мнѣнію, состоитъ весь организмъ и онѣ-то принимаютъ участіе въ сложной психо-физической жизни человѣка. При этомъ каждая органическая система и каждый изъ составляющихъ ее органовъ имѣетъ свои особыя функціи, свойственныя только ему.

Въ этой теоріи сказался конечно недостатокъ научныхъ данныхъ у Cabanis'a, тѣмъ не менѣе его труды послужили исходнымъ пунктомъ для физіологической психологіи, которой вмѣстѣ съ патологическою психологіей обязана своимъ возникновеніемъ уголовно-антропологическая школа.

Возникновеніе ея долго подготовлялось массою работъ, статей и замѣтокъ, такъ или иначе касавшихся ея области. Прежде всего началъ разрабатываться вопросъ о ненормальности тѣхъ людей, которые дѣлаются преступниками, при чемъ нормальнымъ человѣкомъ называли такого, который въ данный моментъ, при данномъ состояніи общества, способенъ къ самостоятельной жизни въ этомъ обществѣ. Такое опредѣленіе сдѣлано на основаніи закона, по которому—для существованія правильнаго, устойчиваго отношенія между взаимодѣйствующими явленіями, необходимо должно существовать всюду и всегда извѣстное соотвѣтствіе: нѣтъ этого соотвѣт-

ствія на лицо—не можетъ существовать и искажается самое отношеніе. Эту строго-опредѣленную минимальную степень соотвѣтствія всей психической структуры личности съ условіями жизни окружающаго ее общества, степень, необходимую для самостоятельной жизни въ немъ, Дриль [3]) и называетъ „типомъ нормальнаго общественнаго человѣка". Что на преступника давно уже начали смотрѣть, какъ на ненормальнаго человѣка, доказывается множествомъ работъ, относящихся къ этому вопросу. Изъ болѣе близкихъ къ намъ можно указать напр. на слѣдующія: въ 1841 г. Lauvergne, главный врачъ тюрьмы въ Тулонѣ, написалъ книгу „Les Forçats", гдѣ онъ изучаетъ „преступныя натуры" съ точки зрѣнія физической и интеллектуальной.—Въ 1847 г. появилось изслѣдованіе P. Lucas [7]), а затѣмъ въ 1857 г изслѣдованіе Morel'я [8]), которые устанавливали органическія причины преступности; но увлеченіе прежнимъ взглядомъ, совершенно отрицавшимъ зависимость психической организаціи отъ физической, помѣшало ученымъ замѣтить эти изслѣдованія. Въ 1868 г. французскій психіатръ Despine [9]) и затѣмъ англійскій тюремный врачъ Thomson [10]) весьма подробно и убѣдительно описали особенности психической и физической организаціи преступниковъ. Въ 1869 г. Wilson [11]) сообщилъ результаты измѣреній 464-хъ преступниковъ, при чемъ нашелъ, что у привычныхъ воровъ голова, особенно передняя часть ея, меньше чѣмъ у честныхъ людей. Вскорѣ возникъ вопросъ о передачѣ ненормальностей, находимыхъ у преступниковъ, отъ родителей дѣтямъ т. е. вопросъ о наслѣдственности, который въ свою очередь повлекъ за собою вопросъ о вырожденіи.

Въ XVI вѣкѣ Paracelse призналъ наслѣдственную передачу сифилиса; призналъ это также и Boerhawe. Ученикъ его Rodrigues Sanchez придавалъ огромное значеніе наслѣдственности и предполагалъ возможность наслѣдственной передачи сифилиса даже до 4-го поколѣнія включительно. Однако въ то-же время, въ концѣ XVIII столѣтія John Hunter, а за нимъ и Kluge, совершенно отвергали

наслѣдственность. Такимъ образомъ въ XVIII столѣтіи явились поборники за и противъ наслѣдственной передачи болѣзней. Но въ XIX столѣтіи дѣйствительное существованіе наслѣдственной передачи было признано окончательно, и это ученіе достигло полнаго разцвѣта. Въ 50-хъ годахъ появилась работа Morel'я [8]), который соединилъ въ одно, обобщилъ въ стройную систему множество разбросанныхъ отдѣльныхъ наблюденій и положилъ прочное основаніе ученію о наслѣдственности. Даже въ то время неясныхъ и неполныхъ ученій и колебаній, онъ вполнѣ опредѣленно приписывалъ вредному дѣйствію алкоголя притупленіе нравственнаго чувства, ослабленіе кожной чувствительности и упадокъ силъ у пьяницъ и ихъ потомства. Онъ-же въ другой своей работѣ [12]) говоритъ: на дѣтяхъ алкоголиковъ отражается судорожное состояніе и отупѣніе, которымъ подвержены родители-пьяницы; истерія, эпилепсія, слабоуміе (imbécilité) и другіе недуги развиваются на почвѣ судорожныхъ состояній, перенесенныхъ въ дѣтствѣ. Пониженіе умственныхъ способностей, самыя дурныя инстинктивныя наклонности встрѣчаются у дѣтей алкоголиковъ, согласно тѣмъ-же проявленіямъ, бывшимъ у родителей лишь временно, въ моментъ опьяненія.—Dr. Lentz признаетъ два вида наслѣдственной передачи алкоголизма потомству: 1) прямую наслѣдственную передачу, которая выражается унаслѣдованіемъ наклонности къ пьянству и 2) видоизмѣненную наслѣдственность, о которой будетъ сказано дальше.

Дѣти алкоголиковъ обыкновенно представляютъ съ самыхъ первыхъ моментовъ жизни большую склонность къ судорогамъ, тщедушны, имѣютъ въ высшей степени неправильно развитые зубы, подвергающіеся преждевременной порчѣ; раздражительны и мало устойчивы въ болѣзняхъ, свойственныхъ раннему дѣтству. Колѣнный рефлексъ у нихъ часто ослабленъ, и нерѣдко они съ самаго ранняго возраста уже обнаруживаютъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ.

Bourneville et Leflaive [13]) привели многочисленныя свои наблюденія истеро-эпилепсіи у потомковъ пьяницъ.

Martin [14]), наблюдая эпилептиковъ, констатировалъ у 60% изъ нихъ родителей-пьяницъ. Кромѣ этого эпилепсія родителей несомнѣнно пагубно отражается на потомкахъ, такъ какъ фактъ наслѣдственной передачи эпилепсіи, въ прямой или видоизмѣненной формѣ, установленъ многими современными наблюдателями.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже очень много данныхъ относительно передачи болѣзненныхъ началъ отъ родителей потомству. Иногда эта передача, эта наслѣдственность выражается ясно уже въ первомъ поколѣніи, иногда лишь въ послѣдующихъ, и ведетъ къ тому, что мы называемъ вырожденіемъ т. е. къ измѣненію не только психической стороны, но и къ аномаліямъ физическимъ. Такъ напр. по отношенію къ сифилису въ трудѣ д-ра Edmond'a Fournier [15]) собрано огромное число наблюденій, касающихся физическихъ признаковъ вырожденія, унаслѣдованныхъ потомствомъ отъ сифилитическихъ родителей. Въ настоящее время такими признаками, какъ извѣстно, считается „Гутчинсоновская тріада": зубы, кератитъ и кофозъ—глухота; затѣмъ ягодице-образный черепъ (cran. natiforme) и врожденное уплощеніе переносья.

Для рахита характерны извѣстная конформація головы у дѣтей, такъ назыв. caput obstium, затѣмъ размягченіе затылочной кости, выпуклый лобъ и hydrocephalus, долгое незаростаніе родничковъ, искривленіе конечностей, искривленіе позвоночнаго столба, страданіе и размягченіе другихъ костей.

У дѣтей, родившихся отъ чахоточныхъ родителей, какъ признакъ вырожденія очень часто наблюдается прирожденный вывихъ бедра: Ricochon [16]) видѣлъ 38 такихъ дѣтей въ 49 семействахъ. Кромѣ этого они представляютъ общую хилость, кожа тонка и прозрачна, раннее окостенѣніе костей, часто встрѣчаются выгнутые пальцы съ выпуклыми ногтями—onychogriphosis, сочлененія утолщены, грудь узкая—птичья, верхняя губа атрофирована: часто встрѣчаются аномаліи сердца и его заслонокъ.

Уже изъ приведеннаго ясно видно, что ненормальность той среды, въ которой развивается организмъ, неизбѣжно обусловливаетъ разнообразныя уклоненія отъ нормы въ развивающемся организмѣ.

Въ послѣднее время это прямо доказано многочисленными эмбріологическими опытами надъ морскими низшими животными и надъ животными высшаго порядка. Такъ напр. Hertwig [17]) подвергалъ яйца и личинки низшихъ животныхъ дѣйствію слабыхъ растворовъ сѣрно-кислаго хинина, хлораль-гидрата, морской соли и т. п., и при этомъ наблюдалъ то пріостановку начавшейся сегментаціи яйца, то различныя видоизмѣненія ея, задержку въ развитіи, при чемъ въ концѣ концовъ получались уроды или безголовые, или съ половинными головами и т. п. Herbst [18]) могъ даже до нѣкоторой степени предсказывать, какія именно уродства получатся отъ дѣйствія солей калія, литія и др.—Driesch [19]), согрѣвая личинки до 30°, получалъ организмы съ выворачиваніемъ кишечника наружу.

Всѣ подобные опыты доказываютъ, что разнообразныя уклоненія въ развитіи организма вначалѣ его эволюціи зависятъ отъ свойствъ окружающей среды; что достаточно крайне незначительнаго толчка, весьма слабаго вліянія, чтобы отклонить отъ нормы развитіе организма. Hertwig [20]) отсюда заключаетъ, что и въ маткѣ, даже весьма незначительное измѣненіе химическаго состава продуктовъ, переходящихъ путемъ осмоза отъ матери къ плоду, можетъ также дѣйствовать на развивающійся плодъ и обусловливать различнаго рода уродства.

Изъ опытовъ на высшихъ животныхъ можно указать напр. на опыты Tol'я и Karinsk'аго [21]), а также и Darest'а [22]), при которыхъ изслѣдователи, подвергая зародышей цыплятъ подогрѣванію съ лѣвой стороны, получали полное смѣщеніе ихъ внутренностей.—Kollmann [23]), заставляя утокъ и куръ высиживать яйца при t°. 41°, получалъ цыплятъ и утятъ со спинно-мозговою грыжею—spina bifida.—Grey и Charrin [42]) подвергали морскихъ свинокъ и кроли-

ковъ дѣйствію различныхъ микробовъ, и у потомства ихъ находили цѣлую массу ясныхъ признаковъ наслѣдственнаго зараженія и пороковъ развитія. Они были поражены сходствомъ, которое представляли эти пороки развитія съ наблюдаемыми у людей при наслѣдственномъ сифилисѣ и рахитѣ; ясно—говорятъ они—что дѣйствіе микробныхъ ядовъ воспринятыхъ родителями, отзывается болѣзненно на потомствѣ.—Къ тому-же пришли Arnault [25]) и Féré [26]). Всѣ эти изслѣдователи сходятся въ своихъ заключеніяхъ и приходятъ къ выводу, что порочное вліяніе зараженнаго родителя на его потомство доказано экспериментально.

Такимъ образомъ значеніе неблагопрітной наслѣдственности, какъ почвы для роста и развитія массы преступленій, едва-ли въ настоящее время можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Наслѣдственная передача умопомѣшательства, эпилепсіи, истеріи, различныхъ другихъ нервныхъ страданій, давно установленная психіатрами, нашла себѣ широкое примѣненіе въ этіологіи многихъ преступленій, а за послѣдніе 20 лѣтъ начало также выясняться крайне пагубное вліяніе пьянства родителей на нисходящее поколѣніе ихъ.

Въ чемъ-же сказывается вырожденіе со стороны физической, со стороны психической и со стороны отношеній къ обществу?

Говоря въ общемъ—со стороны физической вырожденіе состоитъ въ недостаточности и неуравновѣшенности частей организма вообще; съ психической—въ связанной съ этимъ неудовлетворительности функціональной дѣятельности душевныхъ способностей; съ общественной—въ большей или меньшей невозможности удовлетворить тому minimum'у требованій и запросовъ, которые общество предъявляетъ къ типу нормальнаго общественнаго человѣка, находящагося въ опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ и занимающаго опредѣленное общественное положеніе. Такъ напр. общество требуетъ отъ него извѣстнаго minimum'а прилежанія и труда, а человѣкъ болѣе или менѣе не способенъ давать его; общество требуетъ извѣстной минималь-

ной степени сдерживанія своихъ желаній и влеченій, а человѣкъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, почти не способенъ сдерживаться: общество требуетъ извѣстнаго необходимаго minimum'а благожелательности къ окружающимъ, а человѣкъ совершенно не способенъ испытывать этого чувства и т. п.

Съ юридической точки зрѣнія (даже настоящаго времени) о преступникахъ легко судить по своему внутреннему опыту, на основаніи собственнаго внутренняго міра,—но признать это было-бы крупнѣйшею ошибкою: дѣйствительные преступники представляютъ во 1-хъ) чрезвычайное разнообразіе въ психическомъ отношеніи, а во 2-хъ) многіе изъ нихъ по своимъ психическимъ особенностямъ значительно отличаются даже отъ обыкновеннаго средняго человѣка,—едва-ли одинъ и тотъ-же человѣкъ со своимъ внутреннимъ міромъ можетъ служить мѣркою для сравненія при такомъ разнообразіи преступниковъ.

Данныя относительно генеза преступленія, собранныя до сихъ поръ, ясно указываютъ, что оно совершается не въ силу дѣйствія одной какой нибудь исключительной причины, а въ силу вліянія совокупности многихъ, крайне сложныхъ условій. Объяснять преступленіе вліяніемъ исключительно тѣхъ или другихъ условій—такъ-же односторонне и недостаточно, какъ напр. основывать различіе народностей исключительно на различіи языка или цвѣта кожи. Поэтому является насущная необходимость—разбирая условія, при которыхъ возникло преступленіе, отличать главнѣйшія, существенныя отъ менѣе важныхъ, второстепенныхъ и случайныхъ, и этотъ путь въ настоящее время именно указанъ криминальной антропологіей. Теперь уже можно смѣло сказать, что недалеко то время, когда наука о правѣ оставитъ старый, невѣрный путь произвольныхъ псевдологическихъ построеній и твердо станетъ на прочный фундаментъ наблюденія и опыта. Въ ней уже и теперь идетъ сильная реакція, вызванная новорожденною научною школою—уголовно-антропологическою, которая отмежевала себѣ не мертвыя, отвлеченныя формулы, а разновидности дѣйствительныхъ, жи-

выхъ преступниковъ, со всѣми ихъ многообразными психо-физическими особенностями, какія проявляются въ ихъ преступленіяхъ.

Что-же такое „уголовная антропологія?“

Антропологія—наука о человѣкѣ—охватываетъ всѣ разнообразнѣйшія стороны этого высшаго на землѣ существа. Уголовная антропологія къ этому присоединяетъ еще спеціальную цѣль—изученіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ такъ называемые преступные люди нарушаютъ законъ въ то время, когда остальные исполняютъ его. При этомъ главное вниманіе ея обращено на то, не имѣется-ли между прочимъ и въ ихъ психо-физической организаціи какихъ либо особенностей, которыя роковымъ образомъ обусловливали-бы это противленіе ихъ требованіямъ закона?

Проф. Manouvrier [27]) смотритъ на уголовную антропологію, какъ на одну изъ вѣтвей естественной исторіи человѣка или общей антропологіи. Ее должно разрабатывать въ примѣненіи къ уголовному праву, которому она должна служить свѣточемъ (и еще болѣе въ соединеніи съ другими отраслями прикладной антропологіи—съ антропологіей нравственности, антропологіей воспитанія и антропологіей политической).

Для успѣшной борьбы съ преступленіемъ надо знать того, кто совершаетъ преступленіе, надо знать—въ силу какихъ причинъ онъ совершаетъ его и т. д. Однимъ словомъ—надо прежде изучить преступника и только тогда можно ожидать плодотворныхъ результатовъ борьбы съ преступленіемъ.

Криминальная Антропологія, какъ новая отрасль Біологіи, создана безспорно Профессоромъ психіатріи и судебной медицины въ Туринѣ Cesare Lombroso, который положилъ ей начало своею капитальною работою „L'uomo deliquente“.

Но нельзя не упомянуть, что у Lombroso былъ ближайшій предшественникъ по этому пути—французскій ученый Despine [9]), только онъ изучалъ преступника не вообще, а

различныя разновидности, и преимущественно съ психической стороны. Онъ высказалъ мысль, что въ основѣ преступности лежатъ дефекты въ образованіи мозга, чѣмъ и обусловливается у преступниковъ атрофія нравственнаго чувства, нѣчто вродѣ нравственнаго идіотизма. Этаже мысль уже въ болѣе ясной формѣ была выражена врачемъ Пертской тюрьмы Thomson'омъ въ 1870—71 г., а затѣмъ также тюремнымъ врачемъ Nicolson'омъ въ 1874—75 г. и психіатромъ Vergilio въ 1874 г.

Такимъ образомъ мысль объ особенностяхъ преступнаго человѣка была уже высказана и принята до начала работы Lombroso. Но онъ увлекся обобщеніемъ и призракомъ „преступнаго типа" видимо подъ вліяніемъ классическаго сочиненія Parent—Duchatelet [38]), при чемъ упустилъ изъ виду, что для установленія „преступнаго типа" до сихъ поръ имѣется слишкомъ мало данныхъ. Кромѣ этого—установить типъ проститутки, о которомъ шла рѣчь до этого, неизмѣримо легче и доступнѣе, чѣмъ типъ преступника: проститутки представляютъ однородную профессіональную группу, въ которую ихъ объединяетъ единство промысла и при томъ такого, который выполняется при помощи одной и той-же органической функціи. Между тѣмъ преступники представляютъ значительное различіе во всѣхъ отношеніяхъ; воръ, грабитель, убійца, изнасилователь и т. д. представляютъ собою все различныя фигуры и различные психологическіе типы. Очевидно—ихъ нельзя смѣшивать въ одну группу, въ одно общее цѣлое,—это была первая ошибка Lombroso.—Вторая состоитъ въ слишкомъ поспѣшныхъ, недостаточно тщательныхъ антропологическихъ измѣреніяхъ преступниковъ т. е. ихъ головы, туловища, конечностей и т. д. А такъ какъ методы изслѣдованія въ криминальной антропологіи вообще нельзя не признать еще слишкомъ первобытными и годными только для грубыхъ аномалій, то при сказанныхъ условіяхъ Lombroso получилъ конечно не такіе результаты, на основаніи которыхъ можно было-бы установить цѣлый рядъ признаковъ особенной физической организаціи преступниковъ.

Изучивъ психическія и физическія особенности субъектовъ такой смѣшанной группы и выведя процентное отношеніе этихъ особенностей между собою, Lombroso беретъ группу не преступниковъ, продѣлываетъ надъ нею то-же самое и выводы сравниваетъ съ выводами, полученными для группы преступниковъ,—въ результатѣ получаетъ, что признаки анормальности и регресса встрѣчаются значительно чаще у преступниковъ, чѣмъ у не преступниковъ. Но вторую группу Lombroso беретъ изъ людей, представляющихъ преимущественно сильныя и хорошо организованныя натуры, умѣющія достигать въ жизни тѣхъ или другихъ успѣховъ. И если въ такой группѣ встрѣчаются субъекты менѣе совершенные, не сдѣлавшіеся преступниками можетъ быть только по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ, то во всякомъ случаѣ ихъ ничтожный процентъ. Вотъ такую-то группу Lombroso сравниваетъ съ группою преступниковъ и получаетъ вышесказанный выводъ. Ошибка ясна: если-бы онъ составилъ группу только изъ субъектовъ послѣдней категоріи и её сравнилъ-бы, какъ болѣе однородную и соизмѣримую, съ группою преступниковъ, то получилось-бы почти одинаковое процентное отношеніе сходныхъ регрессивныхъ признаковъ. Тогда изъ этого можно было-бы сдѣлать совершенно не тотъ выводъ, который сдѣлалъ Lombroso, а тотъ, что найденныя явленія регресса не представляютъ собою признаковъ различныхъ видовъ вырожденія и недостаточной организаціи; что эти признаки вырожденія только при извѣстныхъ условіяхъ наталкиваютъ человѣка на то или другое преступленіе, потому что при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, человѣкъ съ такою-же недостаточной организаціей живетъ и не совершаетъ ни одного преступленія во всю свою жизнь. Это подтверждается и изслѣдованіями самого Lombroso; онъ нашелъ, что иногда и тяжкіе преступники не представляютъ сколько нибудь рѣзко выраженныхъ внѣшнихъ признаковъ преступности, и наоборотъ—люди, не совершившіе никакихъ преступленій, имѣютъ ясные признаки преступнаго человѣка въ смыслѣ Lombroso.

И дѣйствительно—всѣ его выводы относительно типа преступника оказались ошибочными. Рѣшительнымъ противникомъ его въ этомъ отношеніи выступилъ проф. Manouvrier, который самъ охарактеризовалъ разницу между взглядами Lombroso и своими такимъ образомъ: онъ не придаетъ столь рѣшающаго значенія анатомическимъ признакамъ и полагаетъ, что люди, представляющіе признаки такъ называемаго преступнаго типа, подъ вліяніемъ хорошаго воспитанія могутъ сдѣлаться хорошими людьми и обратно.

На основаніи работъ, сдѣланныхъ съ цѣлью установленія внѣшнихъ анатомическихъ признаковъ этого типа, онъ можетъ признать только одно—что въ среднемъ у преступниковъ встрѣчается болѣе аномалій, чѣмъ у такъ называемыхъ честныхъ людей. Съ нѣкоторыми положеніями Manouvrier можно согласиться безусловно. Такъ напр. дѣйствительно до сихъ поръ не найдено ни одного анатомическаго признака, который могъ бы характеризовать исключительно преступника или какую либо категорію ихъ. „Можно считать болѣе или менѣе неблагопріятнымъ въ отношеніи наклонности къ преступленію существованіе такого-то признака или такой-то совокупности ихъ, но нельзя допустить, что эти признаки суть специфическіе для преступниковъ“. Онъ справедливо указываетъ, что нельзя отыскать такихъ специфическихъ признаковъ уже потому, что противоположная, столь смѣшанная группа такъ называемыхъ „честныхъ людей“, включаетъ не мало людей вырождающихся, грубыхъ и порочныхъ. „Есть очень много честныхъ людей, которые способны стать преступниками, или нравственно не лучше самыхъ худшихъ каторжниковъ“. Такъ-же справедливо указываетъ онъ на крайнюю недостаточность наблюденій въ произведенныхъ работахъ, на то, что измѣренія дѣлались различными изслѣдователями и притомъ различными, а иногда весьма несовершенными способами, почему они часто и представляются несоизмѣримыми. А Lombroso кромѣ того, поставивъ себѣ задачею—опредѣлить типъ преступнаго чело-

вѣка, этимъ самымъ съузилъ вопросъ о преступности, заключилъ его въ тѣсныя рамки частнаго вопроса, потому что— если принять преступника за обособленный спеціальный типъ, включающій въ себѣ даже понятіе о прирожденности отличительныхъ чертъ его, то придется неизбѣжно прійти къ тому, что это просто особенная разновидность человѣческаго рода. Этимъ сильно съуживается и значеніе этого явленія для общества.

Между тѣмъ вопросъ о преступности имѣетъ огромное общественное значеніе, и при болѣе широкой постановкѣ его приводитъ къ результатамъ, болѣе грандіознымъ, чѣмъ достигнутые Lombroso. Психіатръ Morel [12]) ставитъ вопросъ гораздо шире, рисуя, хотя и мрачную, но весьма важную для общества картину цѣлой массы явленій физическаго, умственнаго и нравственнаго вырожденія элементовъ самаго общества, вырожденіе—являющееся результатомъ цѣлой массы неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій—бѣдности и нищеты, пьянства, дурныхъ условій труда, неразумнаго воспитанія и т. д. Достаточно пройти черезъ такія условія двумъ—тремъ поколѣніямъ—и регрессивныя измѣненія, вызванныя сказанными условіями въ данныхъ индивидахъ, закрѣпляются у слѣдующихъ наслѣдственностью,—получаются самые различные психо-физическіе типы людей странныхъ, недостаточныхъ, порочныхъ и совсѣмъ дурныхъ. Благодаря своей психо-физической организаціи, они весьма расположены ко всевозможнымъ странностямъ, чудачествамъ, къ дурнымъ, порочнымъ и даже преступнымъ дѣйствіямъ. Подобно тому, какъ вполнѣ совершенная организація сильнѣе реагируетъ на все истинное и прекрасное, чѣмъ обыкновенные люди, такъ и вырождающійся субъектъ реагируетъ сильнѣе обыкновеннаго человѣка на дурныя воздѣйствія.

При такой широтѣ взгляда на преступность и преступника ясно и рельефно выступаетъ соотношеніе причинъ и слѣдствій, а самое изученіе ихъ можетъ быть обосновано на неизмѣримой массѣ фактовъ, наблюдаемыхъ повсюду. Вмѣстѣ съ этимъ вопросъ пріобрѣтаетъ захватывающій общій

интересъ, представляя собою половину величины соціальнаго вопроса, надъ всѣми теперь тяготѣющаго и всѣхъ интересующаго. Эта половина вмѣщаетъ въ себѣ органическую или психо-физическую сторону т. е. криминалистъ—антропологъ и психіатръ изучаютъ его со стороны различныхъ явленій физическаго, умственнаго и нравственнаго вырожденія, въ отношеніи порчи породы, передающейся по наслѣдству и проявляющейся извнѣ въ дурныхъ, антисоціальныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ.

Поспѣшность выводовъ Lombroso относительно преступниковъ дала поводъ его противникамъ объявить несостоятельнымъ все это ученіе. Но такой выводъ въ свою очередь является совершенно не обоснованнымъ, потому что построенъ на заключеніи отъ частнаго къ общему, что въ данномъ случаѣ никакъ не примѣнимо. Если при теперешнихъ методахъ изслѣдованія Lombroso и впалъ въ невольную ошибку, то это еще не значитъ, что физическая организація преступниковъ дѣйствительно ничѣмъ не отличается отъ нормальной; современемъ, при усовершенствованныхъ способахъ изслѣдованія, это можетъ быть и окажется. Здѣсь можно провести полную параллель съ современнымъ состояніемъ психіатріи: основное положеніе ея гласитъ, что душевныя болѣзни суть болѣзни головнаго мозга, а между тѣмъ въ очень многихъ случаяхъ даже тяжелыхъ душевныхъ болѣзней, при современныхъ методахъ изслѣдованія нельзя найти никакихъ морфологическихъ измѣненій въ мозгу,—но очевидно—отсюда не слѣдуетъ, что вся психіатрія есть одно только недоразумѣніе! Психіатры не сомнѣваются, что съ улучшеніемъ способовъ изслѣдованія будутъ найдены и морфологическія аномаліи, отъ которыхъ безусловно зависятъ аномаліи психической организаціи душевнобольныхъ.

Вопросъ объ атавизмѣ также подвергся строгой критикѣ, а гипотеза Lombroso о томъ, что преступникъ представляетъ собою возвратъ къ типу предковъ, какъ далеко несовершенныхъ людей—дикарей, очень многими признается

несостоятельной. Такъ напр. Fererro [29]) доказываетъ, что здѣсь дѣло не въ возвратѣ къ типу прародителей—дикарей, а въ томъ, что въ характерѣ примитивнаго человѣка самыми существенными чертами являются съ одной стороны—неспособность противостоять побужденіямъ, а съ другой—неспособность къ систематической работѣ (труду). Точно такъ-же и у „врожденныхъ преступниковъ“ атавизмъ состоитъ во врожденномъ отсутствіи обѣихъ этихъ способностей.

Однако въ этомъ отношеніи есть указаніе на то, что Lombroso несовсѣмъ былъ неправъ: такіе серьезные ученые, какъ Kurella [30]), указываютъ, что нѣкоторые атавистическіе признаки дѣйствительно весьма часты и характерны для преступниковъ, какъ напр. покатый лобъ, сильно развитыя надглазныя дуги, большія скулы и сильно развитая нижняя челюсть. А насколько подобные признаки дѣйствительно могутъ характеризовать преступную организацію, можетъ указать слѣдующій случай: на 3-мъ международномъ конгрессѣ криминальной антропологіи одинъ докладчикъ высказалъ мнѣніе, что признаки атавизма, и даже многочисленные, могутъ быть у совершенно честнаго человѣка. Въ доказательство этого онъ представилъ фотографическій снимокъ человѣка съ нѣсколькими признаками вырожденія, и завѣрилъ, что субъектъ хорошо извѣстенъ ему, какъ вполнѣ честный, никогда не судившійся человѣкъ. Другой изъ членовъ конгресса усумнился въ этомъ, а затѣмъ и документально было доказано, что этотъ вырождающійся субъектъ не разъ уже подвергался суду и наказанію за преступленія.

Но во всякомъ случаѣ ошибки Lombroso—ничто въ сравненіи съ величіемъ основной идеи его и съ тѣмъ переворотомъ въ области уголовнаго права, который произведенъ новымъ ученіемъ, провозвѣщеннымъ Lombroso: всѣ отдѣльные труды въ области психіатріи, антропологіи, отрывочныя наблюденія и замѣтки по нормальной и патологической анатоміи, эмбріологіи, физическіе и психическіе признаки вырожденія и прочія аномаліи, вызванныя неблагопріятною наслѣдственностью, все это Lombroso свелъ въ стройную,

цѣльную систему, примѣнилъ къ преступнику и доказалъ, что между преступниками есть много помѣшанныхъ. При этомъ наблюдаются не только формы, очевидныя для всѣхъ, но также многочисленные оттѣнки различныхъ болѣзненныхъ состояній, съ несомнѣнными отклоненіями въ психической сферѣ, вслѣдствіе чего эти люди, совершая насиліе и нарушая законы, не могутъ быть сравниваемы въ отвѣственности и наказаніи съ людьми здоровыми.

Изслѣдованіе живыхъ преступниковъ убѣдили Lombroso, въ существованіи у нихъ большого числа анатомическихъ признаковъ вырожденія, наравнѣ съ отклоненіями отъ нормы въ психической сферѣ. Многочисленныя вскрытія показали, что объемъ мозга у нихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ уменьшенъ, тогда какъ объемъ можжечка часто увеличенъ противъ нормы. Одновременно съ этимъ наблюдается развитіе или неправильное распредѣленіе мозговыхъ извилинъ и бороздъ, преимущественно въ правомъ полушаріи. Весьма часто также наблюдаются различные патологическіе процессы въ мозгу: воспалительное состояніе оболочекъ, сращеніе ихъ, размягченіе мозга, измѣненія въ костяхъ черепа и страданія другихъ органовъ.

Основная гипотеза криминальной антропологіи о ближайшей зависимости психической дѣятельности отъ физической организаціи составляетъ основное положеніе физіологической психологіи и психофизики, признающей, что физическая и душевная дѣятельность вполнѣ параллельны и составляютъ по существу лишь два различныхъ проявленія одного начала, одной сущности.

Безсмертная заслуга Lombroso состоитъ въ томъ, что онъ внесъ естественно—историческій методъ въ дѣло изученія преступника т. е. примѣнилъ тотъ-же методъ, который употребляется въ медицинѣ для изученія больного человѣка. Онъ первый замѣнилъ случайное наблюденіе преступника всестороннимъ систематическимъ изученіемъ его; онъ создалъ цѣлое направленіе въ наукѣ—изученіе преступника, а не преступленія: болѣе 2 тысячъ лѣтъ изучалось только

преступленіе, но преступника до Lombroso никто не изучалъ научно. А новое направленіе въ наукѣ, открытіе новой области для научныхъ изслѣдованій, постановка новаго крупнаго вопроса для научнаго изслѣдованія, созданіе новаго пути для достиженія и воплощенія научной мысли—есть уже крупная заслуга. Начавъ изучать вмѣсто явленія причину его, Lombroso этимъ самымъ, вмѣсто науки абстрактной, положилъ начало наукѣ конкретной.

Большинство юристовъ относится къ криминальной антропологіи прямо враждебно. Но несомнѣнно, что большинство противниковъ Lombroso не дали себѣ труда изучить основательно сочиненіе этого оригинальнаго мыслителя, и смѣшиваютъ основную гипотезу, открывающую новыя области для изученія, съ изслѣдованіями по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ дѣйствительно можно встрѣтиться съ увлеченіями,—и вотъ, доказавъ неосновательность какого либо отдѣльнаго вывода, они спѣшатъ заключеніемъ о несостоятельности всего ученія о преступникѣ съ медицинской точки зрѣнія. Но уже одинъ фактъ существованія цѣлой огромной литературы, направленной къ опроверженію этого ученія, самъ по себѣ указываетъ на его значеніе; если бы криминальная антропологія была-бы ничѣмъ инымъ, какъ суммой недоказанныхъ выводовъ, если бы она не представляла серьезной угрозы господствующему ученію, то не было-бы надобности опровергать ее; ничтожество ея было-бы скоро доказано и попытка Lombroso—создать новое ученіе—была-бы забыта; живой примѣръ этого представляетъ Ганеманъ съ его гомеопатіей.

Многіе ученики Lombroso и противники его впали въ противоположныя крайности, не вполнѣ вникнувъ въ ученіе Lombroso. Первые, увлекшись излишнимъ усердіемъ, приписывали ему то, чего онъ и не думалъ говорить, а вторые начали отрицать всякое значеніе его теоріи. Но ихъ собственныя изслѣдованія или подтверждаютъ то, что они хотѣли отрицать, или обставлены настолько несоотвѣтственно преслѣдуемой цѣли, что рѣшительно ничего не могутъ дока-

зывать. Такъ напр. проф. Д. Зерновъ [31]), не смотря на отрицаніе теоріи Lombroso, все-же соглашается съ тѣмъ, что у преступниковъ величина лобной кости меньше нормальной (т. е. величины ея у непреступныхъ людей); что прогнатизмъ т. е. бо̀льшее вытягиваніе лица, усилено у преступниковъ по сравненію съ непреступными людьми; что извилины и борозды мозга у преступниковъ представляютъ во многихъ случаяхъ отклоненіе отъ нормы. Однако вмѣстѣ съ этимъ онъ принимаетъ ихъ за единичныя явленія, и не придаетъ имъ сказаннаго значенія потому, что они встрѣчаются также у непреступниковъ. Но самъ-же онъ говоритъ, что напр. отдѣленіе шпорной борозды отъ затылочно-темянной, присущее микроцефаламъ и низшимъ животнымъ, у преступниковъ наблюдается въ 8 разъ чаще, чѣмъ у нормальныхъ людей: у 50 преступниковъ эта аномалія оказалась 4 раза, а у 200 непреступниковъ только 2 раза.—Для полученія точныхъ и цѣнныхъ результатовъ антропологическое изслѣдованіе должно быть поставлено такъ, чтобы матеріалъ представлялъ единство расы, пола, возраста, соціальныхъ, климатическихъ и другихъ условій сравниваемыхъ преступныхъ и непреступныхъ людей. Только при такой постановкѣ изслѣдованія оно можетъ привести къ выясненію существенной анатомической разницы между нормальнымъ типомъ данной расы и преступниками извѣстной категоріи, принадлежащими къ той же расѣ. Иначе—какіе-же результаты можетъ дать хотя-бы самое добросовѣстное изученіе напр. 18 череповъ, относительно которыхъ не обозначенъ ни полъ, ни возрастъ, ни классъ общества, къ которому принадлежали субъекты; когда не названы даже преступленія, совершенныя этими людьми при жизни: „это были большею частью люди, осужденные за разбой и убійство“ (Зерновъ).

Медицинскому изученію преступника дѣлаютъ упрёкъ въ томъ, что оно дало не много безспорныхъ фактовъ, и что большинство изслѣдованій, которыми старались установить

особые физическіе признаки преступника, по провѣркѣ оказались неточными. Упрёкъ несправедливый, если принять во вниманіе, что сказанное изученіе началось очень недавно, и за такой короткій срокъ не могло дать особенно много вполнѣ доказанныхъ фактовъ и выводовъ. Такой упрёкъ можетъ обусловливаться только непониманіемъ того, что такое наука, и нетерпимостью ко всему новому, что только измѣняетъ привычныя воззрѣнія на общественную жизнь и ея условія. Всякое знаніе, добываемое путемъ методическаго изслѣдованія, растетъ и формируется очень медленно; нерѣдко первоначальныя изслѣдованія не подтверждаются позднѣйшими работами, и такимъ образомъ для установленія почти каждаго научнаго факта требуется упорная и громадная работа многихъ тружениковъ науки. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что криминальная антропологія дала сравнительно еще немного установленныхъ фактовъ и выводовъ, и это нисколько не указываетъ на несостоятельность гипотезы, легшей въ основу ученія Lombroso.

Къ чему-же стремится новое ученіе о преступникѣ? Оно стремится установить правильное отношеніе къ нему, для чего конечно прежде всего необходимо точно изучить его. А когда будутъ правильно оцѣнены условія, создающія преступность, тогда будутъ найдены и средства для предупрежденія развитія преступныхъ натуръ, и средства дѣлать ихъ безвредными.

Въ настоящее время установлено, что преступниковъ можно раздѣлить на 2 вида: 1) случайныхъ и 2) привычныхъ или иначе—преступныхъ людей.

Первые отличаются отъ „честныхъ людей“ только тѣмъ, что были поставлены жизнью въ особенныя обстоятельства, заставившія ихъ совершить то или другое преступное дѣяніе. Вторые наоборотъ—по вѣрному опредѣленію v. Liszt'a сами создаютъ внѣшнія условія, ведущія къ преступленію. Кромѣ этого ихъ преступленія обусловливаются особенностями ихъ организаціи, ихъ „преступной натурой“. Далѣе—тѣ изъ юристовъ, которые совершенно не согласны съ ученіемъ

Lombroso, допускаютъ, что эти преступники отличаются отъ честныхъ людей „духовнымъ состояніемъ, особенно недоброкачественнымъ въ отношеніи ума, чувства и воли“.

Но что такое „честные люди“, которымъ противуполагаются „преступные“? Въ опредѣленіе честнаго человѣка вводятъ прежде всего достаточно развитыя высшія чувствованія—состраданіе и честность, а затѣмъ извѣстную степень умственныхъ силъ и воли. У весьма многихъ преступниковъ, преимущественно 2-го вида, ясно наблюдается недоразвитіе высшихъ чувствованій, слабость умственныхъ силъ и воли.

Для изученія внутренней—духовной стороны человѣка мы имѣемъ пока еще очень мало средствъ, да и то главнымъ образомъ для выясненія степени воспріимчивости ко впечатлѣніямъ, получаемымъ черезъ посредство органовъ чувствъ т.е. для изученія элементарной психологической дѣятельности его. Въ этой области мы пользуемся напр. приборами для опредѣленія момента передачи въ сознаніе свѣтовыхъ и слуховыхъ впечатлѣній, для опредѣленія утомляемости вниманія и т. п. Что-же касается высшей психической дѣятельности, такъ сказать—тонкихъ изгибовъ души, и опредѣленія качества и степени нравственнаго чувства, то единственнымъ существеннымъ мѣриломъ являются воззрѣнія и отношеніе ко внѣшней средѣ изслѣдуемаго человѣка.

Человѣческій умъ самъ по себѣ, независимо отъ степени его культурности, подверженъ воздѣйствію различнаго рода впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ и дающихъ тотъ или другой оттѣнокъ мышленію.—Процессъ мышленія слагается изъ такъ называемыхъ логическихъ операцій, происходящихъ въ сферѣ умственныхъ способностей, послѣ воздѣйствія на неё впечатлѣній извнѣ. Но внѣшнія впечатлѣнія, даже совершенно однородныя, у различныхъ людей даютъ различные результаты: одинъ человѣкъ воспринимаетъ преимущественно непріятныя, угнетающія впечатлѣнія, и мало воспріимчивъ къ пріятнымъ, радостнымъ ощущеніямъ, которыя проходятъ для него незамѣтно, поглощаясь болѣе сильными—непріятными; другой относится къ сказаннымъ впечатлѣніямъ со-

вершенно обратно. Вотъ эта способность—останавливаться преимущественно надъ извѣстнаго рода впечатлѣніями—пріятными или непріятными, психіатры называютъ „душевнымъ тонусомъ“ (Мержеевскій [33]).—На процессъ мышленія кромѣ обычнаго душевнаго тонуса дѣйствуютъ до извѣстной степени еще и другія вліянія—состояніе физическаго здоровья человѣка, времена года, космическія явленія, случайныя встрѣчи и т. п.

Если мы теперь съ этими элементарными свѣдѣніями о психической сторонѣ преступника обратимся ко взглядамъ на преступника и его дѣянія, которыхъ до сихъ поръ держится уголовное право, то ясно увидимъ всю неосновательность ихъ. Зарожденіе и развитіе преступленія по нынѣшнему уголовному праву рисуется въ слѣдующемъ видѣ: сначала является такъ называемый „злой умыселъ“, при чемъ человѣкъ вполнѣ ясно представляетъ себѣ и оцѣниваетъ не только послѣдствія, но даже и отвѣтственность (это конечно относится къ преступленіямъ, совершаемымъ подъ вліяніемъ аффекта). Далѣе—этотъ злой умыселъ, постепенно усиливаясь, доходитъ до степени рѣшимости и, наконецъ, переходитъ въ актъ „злой воли“ т. е. въ преступное дѣяніе.

Біологическое изученіе преступника и преступленія ясно показываетъ крайнюю односторонность и къ тому-же невѣрность такой характеристики: принимаемый уголовнымъ правомъ масштабъ процесса зарожденія, созрѣванія и воплощенія преступной идеи въ самое дѣло не примѣнимъ къ преступникамъ, и главнымъ образомъ вотъ почему: уже самое мышленіе, въ которомъ зарождается „злой умыселъ“, у различныхъ индивидовъ совершенно различно. Если взять даже только одну быстроту мышленія, то и въ этомъ сказывается огромная разница у различныхъ особей: у однихъ въ минуту появляется до 140 представленій и болѣе, у другихъ не появляется и 15,—такая разница дѣлаетъ почти несоизмѣримой умственную жизнь тѣхъ и другихъ. Но приведенная медленность появленія представленій далеко еще не край-

няя: клиническія наблюденія показываютъ, что вмѣстѣ съ истощеніемъ организма, какъ временнымъ, такъ и болѣе постояннымъ, падаетъ и быстрота воспроизведенія представленій. Она можетъ доходить иногда до полнаго прекращенія возможности всякаго мышленія.

У такихъ различныхъ субъектовъ процессъ подготовленія къ преступленію идетъ такимъ образомъ: у человѣка, который можетъ быстро воспроизводить представленія, уже въ очень короткій промежутокъ времени рождается ихъ цѣлая ассоціація—о различныхъ дурныхъ и непріятныхъ, нравственныхъ и юридическихъ слѣдствіяхъ задуманнаго дѣянія. Эти представленія неизбѣжно связываются съ различными чувствованіями и волненіями: прежде всего появляется напримѣръ пріятное чувство обладанія тѣмъ или другимъ предметомъ; но вслѣдъ за этимъ является болѣе или менѣе полная оцѣнка того, что должно воспослѣдовать за удовлетвореніемъ желанія обладать. При такой оцѣнкѣ начинаютъ работать задерживающія начала мыслительной способности и дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на предыдущее чувство.

Не то будетъ у человѣка съ медленнымъ воспроизведеніемъ представленій: такіе люди уже органически не въ состояніи руководствоваться сколько-нибудь широкимъ предвѣдѣніемъ будущихъ слѣдствій своего дѣянія и всестороннею оцѣнкою ихъ, съ ея задерживающими вліяніями. У лицъ съ ослабленными задерживающими центрами, при дѣйствіи какой либо поражающей идеи или какого либо рѣзко выраженнаго стимула, логическія операціи не въ силахъ справиться съ поражающимъ стимуломъ, который постоянно требуетъ удовлетворенія. Чѣмъ менѣе культуренъ человѣкъ и чѣмъ слабѣе развиты у него воспитаніемъ задерживающіе центры, тѣмъ конечно легче поддается онъ своимъ желаніямъ, своимъ животнымъ инстинктамъ. Ослабленіемъ задерживающихъ центровъ воли обясняются многія преступленія, въ особенности тѣ, которыя совершаются послѣ продолжительнаго обдумыванія, послѣ колебаній, сомнѣній и нерѣшительности, и въ концѣ концовъ всё же совершаются.

Къ числу такихъ преступленій относятся многія правонарушенія, совершаемыя на почвѣ притупленнаго нравственнаго чувства.

Притупленіе нравственнаго чувства слагается преимущественно изъ отрицательныхъ свойствъ, каковы: отсутствіе чувства долга, альтруизма, совѣсти и этическихъ представленій, но сюда прибавляется еще и одно положительное свойство—крайне развитое себялюбіе. У людей съ притупленіемъ нравственнаго чувства эгоизмъ есть преобладающая отличительная черта, главная основа ихъ характера, заставляющая ихъ для достиженія личной цѣли, не разбирая средства, смѣло перешагнуть черезъ всякія препятствія, стоящія на ихъ дорогѣ, устранять ихъ во что-бы то ни стало, даже путемъ насилія, даже путемъ жертвы чужою жизнью. Вслѣдствіе этого ихъ кругозоръ въ предѣлахъ даннаго времени является крайне узкимъ и бѣднымъ. ихъ дѣятельность въ значительной мѣрѣ пріобрѣтаетъ инстинктивный характеръ и вовсе не сопровождается тѣмъ сложнымъ внутреннимъ процессомъ, который у нихъ часто предполагаютъ при обсужденіи ихъ поступковъ. У нихъ возбужденіе, соединенное съ представленіемъ о различныхъ пріятныхъ обладаніяхъ, успѣваетъ достигнуть значительной степени прежде, чѣмъ возникнутъ задерживающія представленія—и тогда они, не разсуждая, какъ бы машинально, совершаютъ то или другое преступное дѣяніе.

Изъ этого ясно видно, на сколько важно въ юридическомъ отношеніи изученіе субъекта преступленія съ его естественно-исторической стороны.

Великая мысль Lombroso, положенная имъ въ основу своего ученія, состоитъ въ томъ, что преступленіе совершается въ большинствѣ случаевъ въ силу врожденныхъ т. е. наслѣдственныхъ отклоненій и недостатковъ организаціи, которые иногда конечно могутъ быть и пріобрѣтенные, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ играетъ роль именно наслѣдственность.

Уже въ древности знали, что отъ родителей переходятъ къ потомству не только болѣзни, но также нѣкоторыя

склонности и привычки. Такъ напр. уже Аристотель зналъ, что отъ матери-пьяницы рождаются сыновья, которые въ свою очередь предаются злоупотребленію виномъ. Гиппократъ признавалъ наслѣдственную передачу болѣзней, а также и передачу особыхъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ. Въ XVII столѣтіи образовались уже двѣ школы—за и противъ наслѣдственности; полнаго же разцвѣта ученіе о наслѣдственной передачѣ многихъ болѣзней и свойствъ человѣческаго организма достигло въ XIX столѣтіи. Въ 1857 г. Morel (8) собралъ въ одно, обобщилъ въ стройную систему множество разбросанныхъ отдѣльныхъ наблюденій, и положилъ прочное основаніе ученію о наслѣдственности. Даже въ то время онъ уже вполнѣ опредѣленно приписывалъ напр. вредному дѣйствію алкоголя притупленіе нравственнаго чувства, а также и различныя физическія измѣненія.

Lentz (34), принимая видоизмѣненную наслѣдственность алкоголизма, признаетъ, что она выражается у потомства пьяницы всевозможными болѣзненными видоизмѣненіями психики, различнѣйшими неврозами, крайнею раздражительностью, галлюцинаціями, истеріей, эпилепсіей и душевными болѣзнями.

Наслѣдственный алкоголизмъ выражается у потомства алкоголиковъ крайнею рефлекторною раздражительностью. Извращеніе инстинктовъ, проявляемое въ раннемъ возрастѣ, поразительное отсутствіе нравственнаго чувства, обусловливающее нерѣдко самыя ужасныя преступленія, наконецъ — страшнѣйшіе приступы инстинктивнаго помѣшательства (monomanie instinctive) нерѣдко имѣютъ своею причиною исключительно пьянство родителей. Къ самымъ обычнымъ послѣдствіямъ алкоголизма причисляется также эпилепсія, и Lombroso приписываетъ ей особенно важное значеніе у преступниковъ.

Относительно передачи болѣзненныхъ началъ отъ родителей потомству мы имѣемъ въ настоящее время уже очень много установленныхъ данныхъ, имѣемъ довольно точныя

указанія на тѣ измѣненія въ организмѣ, которыя обусловливаются унаслѣдованіемъ причины ихъ отъ родителей. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ Morel первый обратилъ вниманіе на прирожденныя отклоненія отъ нормы въ анатомическомъ строеніи человѣческаго тѣла и назвалъ ихъ „déviations du type normal"; теперь эти отклоненія носятъ названіе „физическихъ признаковъ вырожденія". Человѣкъ съ физическими признаками вырожденія есть существо болѣзненное, говоритъ Morel; въ немъ отразились, сосредоточились тѣ болѣзненныя начала, которыя подорвали здоровье родителей, нарушили правильное развитіе ихъ организма, ухудшили, извратили не только наружныя, но и внутреннія свойства ихъ.

Наслѣдственно-вырождающіеся представляютъ обширную патологическую семью, съ ясно выраженными особенностями, ей одной свойственными, и отличающими её отъ всѣхъ прочихъ болѣзненныхъ разновидностей (Magnan).

Всѣ психическія явленія у нихъ имѣютъ характеръ умственной неуравновѣшенности. Изъ всѣхъ психически-ненормальныхъ людей одни только наслѣдственно-вырожденные представляютъ эту умственную неуравновѣшенность. На этой спеціальной почвѣ развиваются болѣзненныя явленія, въ основѣ которыхъ лежатъ навязчивыя идеи, импульсивныя побужденія и задержанные волевые импульсы (Magnan) [36]).

Существуетъ воззрѣніе, что культура ума и образованіе, развивая умственныя способности, этимъ самымъ способствуютъ и развитію нравственнаго чувства. На самомъ дѣлѣ это не такъ: необходимо разграничивать двѣ основныя способности психической дѣятельности человѣка—степень его интеллекта и развитіе въ немъ правильнаго чувства. Каждому хорошо извѣстны люди, отличающіеся прекрасно развитыми умственными способностями, но съ ослабленнымъ нравственнымъ чувствомъ, или даже совершенно лишенные нравственныхъ началъ. Человѣкъ не родится съ готовыми этическими представленіями, онъ родится съ болѣе или менѣе развитыми

центрами ихъ воспріятія. Представленія эти такъ сказать заучиваются, закрѣпляются въ ребенкѣ при повторномъ воздѣйствіи на его познавательныя способности. Этическія представленія укореняются въ памяти юноши и впослѣдствіи ассимилируются имъ, становятся присущими ему. Когда такое обученіе этическимъ началамъ попадаетъ на неблагопріятную почву—при физическомъ и нравственномъ вырожденіи, культура во многихъ случаяхъ оказываетъ только нѣкоторое воздѣйствіе, воспитывая волю и умѣряя дикіе инстинкты. Правильно примѣненное воспитаніе, начатое съ момента пробужденія сознанія у такого ребенка, хотя не разовьетъ въ немъ нравственнаго чувства, которое у него по большей части отсутствуетъ, но научитъ его сдерживать свои стремленія помощью разума и укоренившейся привычки. Люди съ неблагопріятною болѣзненною наслѣдственностью, съ дѣтства лишенные всякаго воспитательнаго начала, живущіе въ дурныхъ условіяхъ, въ грубой средѣ пьянства и разврата, видя пагубныя примѣры, и по природѣ своей не имѣя необходимаго противовѣса, умѣряющаго ихъ часто повышенные животные инстинкты—такіе субъекты легче другихъ становятся кандидатами въ преступники. У лицъ интеллигентныхъ, образованныхъ, иногда занимающихъ высокій постъ въ общественной жизни, мы подчасъ наталкиваемся на полнѣйшее отсутствіе нравственнаго чувства; это геніи по уму и идіоты съ точки зрѣнія нравственности. У другихъ наоборотъ—нравственное чувство сильно развито, а умственныя способности представляютъ широкіе пробѣлы; встрѣчается напр. полнѣйшая неспособность къ самымъ простымъ ариѳметическимъ вычисленіямъ, или совершеннѣйшая тупость къ музыкѣ, или окончательная несостоятельность въ воспринятіи впечатлѣній отъ произведеній искусства и проч.

Познавательные центры такихъ лицъ далеко не одинаково воспринимаютъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра. Наконецъ есть субъекты, которые въ спокойномъ состояніи одинаково владѣютъ какъ умственными, такъ и нравственными качествами, но малѣйшая усталость, внѣшній толчекъ

вызываетъ у нихъ проявленіе неуравновѣшенности ихъ умственныхъ качествъ съ нравственными.

Кромѣ общихъ чертъ вырождающагося типа Morel подмѣтилъ различныя особенности и оттѣнки, свойственные извѣстнымъ разновидностямъ вырожденія, и предположилъ, что эти особенности вполнѣ зависятъ отъ того патологическаго начала, которое ихъ вызвало. Такимъ образомъ онъ установилъ, тогда еще спорную, болѣзненную наслѣдственность и утверждалъ, что наслѣдственная передача вырабатываетъ опредѣленные типы вырожденія, въ которыхъ такъ называемая „случайность" (le hasard) не играетъ никакой роли. Эти замѣчательныя гипотезы Morel'я въ настоящее время подтверждаются, благодаря усовершенствованнымъ способамъ изслѣдованія эмбріологіи, тератологіи, гистологіи и патологической анатоміи.

И такъ—вліяніе анатомическихъ свойствъ организма и связанныхъ съ ними функціональныхъ отправленій въ сферѣ психической и нравственной, не могутъ подлежать сомнѣнію въ дѣлѣ генеза преступленія. Отвергать вліяніе прирожденныхъ индивидуальныхъ свойствъ—значитъ отвергать всѣ основы современной біологіи, начиная съ наслѣдственности. Чуть не на каждомъ шагу можно видѣть примѣры, когда люди, выросшіе и воспитавшіеся при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, проявляютъ совершенно различныя наклонности въ одномъ и томъ-же случаѣ.

Различные виды мозговой дѣятельности (чувства, воля, вниманіе, память, обсужденіе, разсудокъ и др.), изъ которыхъ слагаются психическія способности, развиваются и постепенно совершенствуются, благодаря правильному содѣйствію всѣхъ частей мозга. Прогрессивное содѣйствіе всѣхъ составныхъ частей мозга выливается въ познавательную способность, въ сознаніе, позволяющее намъ отличать правду отъ лжи, добро отъ зла, порождающее въ насъ тотъ внутренній голосъ, который оцѣниваетъ наши поступки—одобряетъ хорошіе, порицаетъ дурные, и который сводится, въ сущности, къ такъ называемому нравственному чувству.

Отсюда становится понятнымъ, почему нарушеніе одного изъ приводовъ этого сложнаго механизма—поврежденіе нитей, соединяющихъ различные мозговые центры, вызываетъ у наслѣдственно-вырождающихся извращеніе нравственнаго чувства, разстройство эмотивной дѣятельности и порождаетъ самыя неожиданныя функціональныя разстройства.

Но одни нравственныя отклоненія еще не создаютъ преступника. они составляютъ лишь могущественную предрасполагающую причину превращенія человѣка въ преступника. Это можно пояснить слѣдующимъ сравненіемъ: человѣка съ такъ называемой лимфатической организаціей еще нельзя назвать чахоточнымъ, но эта организація располагаетъ болѣе всего къ развитію этой болѣзни, и достаточно попасть на эту почву одному микробу, чтобы чахотка развилась у такого субъекта вполнѣ. Точно такъ-же анатомическія особенности, вмѣстѣ съ нравственными отклоненіями, являются весьма благопріятною почвою для развитія такого субъекта въ преступника. Здѣсь вмѣсто матеріальнаго зараженія являются агентами среда, примѣръ, воспитаніе и неблагопріятныя случайности.

Значеніе извѣстной подготовленности организма къ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ легко сказывается также на дѣтяхъ, родившихся отъ душевно-больныхъ родителей: несомнѣнно, что они рождаются съ извѣстнымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ такимъ заболѣваніямъ, однако далеко не всѣ кончаютъ психическимъ разстройствомъ; для того, чтобы такой субъектъ, съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ сумасшествію, дѣйствительно сошелъ съ ума, необходимы извѣстныя условія, и достаточно даже такихъ, которыя для здороваго организма окажутся вполнѣ безвредными,—у предрасположеннаго они быстро вызовутъ психическое разстройство.

Такимъ образомъ—на основаніи однихъ анатомическихъ данныхъ или прирожденныхъ нравственныхъ отклоненій считать человѣка преступнымъ конечно нельзя,—въ этомъ смыслѣ типъ прирожденнаго преступника долженъ

быть отвергнутъ. Но дальнѣйшее развитіе криминальной антропологіи несомнѣнно дастъ полную возможность по внѣшнимъ признакамъ и нравственнымъ особенностямъ субъекта опредѣлять его предрасположеніе къ преступленію— въ этомъ смыслѣ понимаемый типъ преступнаго человѣка долженъ существовать.

Не особенно далеко отъ насъ то время, когда такіе взгляды на преступника, какіе проводитъ уголовно-антропологическая школа, представлялись чѣмъ-то ужаснымъ: многіе ожидали отъ нихъ гибели и паденія нравственности, считали ихъ за расшатываніе всѣхъ устоевъ общества. Такія опасенія возникали тѣмъ легче, что въ то время господствовало убѣжденіе, будто для оцѣнки и сужденія о явленіяхъ душевной жизни человѣка вообще, а душевныхъ разстройствъ и уклоненій въ частности, не требуется почти никакой особенной подготовки, никакихъ спеціальныхъ знаній и наблюденій, и что эти явленія доступны для обсужденія почти каждому. Даже ученые поддерживали это—по нашему времени—грубое заблужденіе.

Такъ напр. Кантъ рѣшительно утверждалъ, что душевное разстройство при физическомъ здоровьѣ должно быть оцѣниваемо философскимъ факультетомъ, и только ясно-выраженныя физическія разстройства—медицинскимъ факультетомъ.

Этотъ-же взглядъ еще болѣе рѣзко высказалъ въ 1826 г. Elias Regnolt, сильно вооружившійся противъ медицинской экспертизы въ области душевныхъ состояній. По его мнѣнію одинъ здравый смыслъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы отличить вмѣняемаго субъекта отъ невмѣняемаго. Этотъ „здравый смыслъ“, не вооруженный никакими соотвѣтственными знаніями, до сихъ поръ еще свято хранится нѣкоторыми юристами... не смотря на то, что всю несостоятельность такого воззрѣнія не трудно понять: человѣкъ не подготовленный, не вооруженный спеціальными данными и наблюденіями, можетъ судить и оцѣнивать явленія душевной жизни, какъ нормальной, такъ и уклонившейся отъ

нормы, исключительно только путемъ сравненія со своею личною душевною жизнью, принимая ее, какъ жизнь болѣе или менѣе уравновѣшеннаго и непреступнаго человѣка. Понятно, что такой человѣкъ будетъ имѣть большую склонность отрицать все, что не идетъ особенно въ разрѣзъ съ его собственными т. е. по его понятіямъ—нормальными проявленіями душевной жизни. Его пониманію будутъ доступны только рѣзкія отклоненія отъ нормы напр. рѣзко выраженный нелѣпый бредъ и т. п. Но для него будутъ совершенно недоступны такія отклоненія, которыя не сопровождаются уловимыми органическими разстройствами, явленіями бреда или извращеніями въ сферѣ логическаго мышленія. Такіе субъекты будутъ казаться ему нормальными. Конечно, такихъ субъектовъ нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ больными, какъ напр. нельзя назвать больными идіотовъ и слабоумныхъ, но тѣмъ не менѣе они несомнѣнно натуры недостаточныя или порочныя, которыя часто не вѣдаютъ, что творятъ.—То-же самое можно отнести и къ прирожденнымъ извращеніямъ и аномаліямъ характеровъ, благодаря которымъ человѣкъ становится весьма мало или даже совсѣмъ не приспособленнымъ къ обществу и условіямъ жизни въ немъ.

Современные юристы предъявляютъ криминальной антропологіи чрезмѣрныя и несоотвѣтственныя требованія: они требуютъ отъ нарождающейся науки прямого и опредѣленнаго отвѣта на всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ изъ практическаго приложенія основной мысли о прирожденныхъ свойствахъ преступника. Но криминальная антропологія не представляетъ собою исключенія въ ряду всѣхъ прочихъ біологическихъ наукъ и не можетъ давать немедленные, категорическіе отвѣты на всѣ практическіе вопросы жизни. Сколько напр. прошло столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ врачи изучаютъ сифилисъ, а все-же до настоящаго времени мы не имѣемъ полной симптоматологіи его. Или напр. только въ послѣднее время начала обрисовываться картина истеріи, симтомокомплексъ которой такъ обширенъ, такъ богатъ яркими проявленіями, но объ анатомическомъ субстратѣ ис-

теріи мы до сихъ поръ незнаемъ еще даже перваго слова. Такимъ образомъ нужны столѣтія трудовъ, массы наблюденій, опытовъ и изслѣдованій для того, чтобы воспроизвести полную, связную картину какой либо опредѣленной болѣзни, даже выражающейся многочисленными и рѣзкими, характерными, очевидными для всѣхъ проявленіями. Что-же удивительнаго, если для разъясненія сложной картины преступленія, для опредѣленія тончайшихъ уклоненій нравственныхъ и трудно опредѣляемыхъ соотвѣтственныхъ измѣненій анатомическихъ, потребуется быть можетъ даже болѣе времени, чѣмъ это было необходимо, чтобы объяснить дьявольское навожденіе, тайныя внушенія и т. п.—простою истеріей.

Но какъ ни нападаютъ практическіе юристы на изслѣдованія и выводы криминальной антропологіи, тѣмъ не менѣе истина проникаетъ въ жизнь и постепенно вноситъ существенныя измѣненія въ дѣло наказанія преступниковъ, измѣненія фактическія, основы которыхъ выработаны криминальной антропологіей. Противники новаго ученія, признавая слабость умственныхъ силъ, жестокость, безчестность, недоразвитіе воли у преступниковъ, объясняютъ эти психическія свойства у нихъ тѣмъ, что происходя изъ нисшихъ слоевъ общества, преступники имѣютъ и качества, свойственныя той средѣ, изъ которой они вышли (Baer). Но при этомъ забываютъ, что число преступниковъ изъ высшихъ классовъ общества во всѣхъ странахъ больше, чѣмъ изъ нисшихъ слоевъ; а затѣмъ—если-бы психическія особенности преступниковъ изъ нисшихъ слоевъ были-бы присущи только этимъ слоямъ, то здѣсь всѣ поголовно должны бы быть преступниками.

Другіе объясняютъ особенности психической стороны „преступныхъ людей“ образомъ жизни и условіями существованія большинства изъ нихъ (Tarde [37]). Но такіе преступники обнаруживаютъ свою психическую организацію всегда очень рано и даже начиная съ дѣтскаго возраста. Въ раннемъ дѣтствѣ они поражаютъ своею лживостью, жесто-

костью; затѣмъ въ школѣ бросается въ глаза ихъ неспособность къ труду, раннее развитіе половыхъ желаній, злобность. Умственная и нравственная тупость именно въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ наиболѣе чутокъ ко всему доброму, истинному и честному, еще не помятый жизнью и борьбою за существованіе,—все это рѣзко отличаетъ ихъ отъ честныхъ людей, и обыкновенно они начинаютъ свою преступную дѣятельность, не достигши совершеннолѣтія.

Психическія особенности „преступныхъ людей" иногда такъ сходны съ особенностями душевно-больныхъ, что нерѣдко даже опытные психіатры расходятся въ мнѣніяхъ, одни признаютъ преступника душевно-больнымъ, другіе наоборотъ--здоровымъ и вполнѣ вмѣняемымъ. Такое разногласіе можно объяснить повидимому тѣмъ, на что указалъ Maudsly, именно—что между преступниками и душевнобольными есть цѣлый рядъ переходныхъ типовъ—это безспорный фактъ, который доказываетъ во 1-хъ ближайшее родство преступности съ душевными и нервными болѣзнями, а во 2-хъ что преступная организація, какъ и психопатическая, является врожденною или пріобрѣтенною въ раннемъ дѣтствѣ.

Болѣзненная душевная организація существуетъ—это всѣмъ извѣстный фактъ; что она бываетъ или наслѣдственная, или пріобрѣтенная, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ развитія въ раннемъ дѣтствѣ--это доказано научно. У преступниковъ душевная организація несомнѣнно представляетъ также отклоненіе отъ здороваго состоянія ея, почему-же причины этого отклоненія не могутъ быть или врожденными—наслѣдственными, или пріобрѣтенными, благодаря ужаснымъ гигіеническимъ условіямъ, въ которыхъ протекаетъ дѣтство очень многихъ преступниковъ, разумѣя подъ „ужасною гигіеническою обстановкою" конечно не одну только внѣшнюю грязь и неряшливость. Такой выводъ самъ собою вытекаетъ изъ массы наблюденій, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Morel прямо устанавливаетъ самое ближайшее родство между порочностью и душевными заболѣ-

ваніями: онъ указываетъ, что дѣти порочныхъ, и даже только эксцентричныхъ лицъ, обычно наслѣдуютъ предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ, и наоборотъ—наибольшій процентъ преступниковъ даетъ потомство душевно-и нервно-больныхъ. Такъ напр. Lombroso ([38]) приводитъ цифровыя данныя, найденныя Penta при изслѣдованіи 500 преступниковъ: 18% изъ нихъ дѣти душевно-больныхъ родителей, 12%—дѣти истеричныхъ родителей, 19% отъ родителей съ другими нервными болѣзнями и 8% отъ эпилептиковъ. Едва-ли можно допустить, чтобы потомки такихъ родителей представляли собою душевно-здоровыхъ людей. Даже алкоголизмъ имѣетъ громадное значеніе въ происхожденіи и психопатическихъ, и преступныхъ организацій: дѣти пьяницъ даютъ неизмѣримо большій % психопатовъ и преступниковъ, чѣмъ дѣти непьяницъ.

Наконецъ установлено точными наблюденіями, что преступная организація несомнѣнно передается наслѣдственно; такъ—Kurella приводитъ исторіи семей, въ которыхъ всѣ члены, впродолженіе многихъ поколѣній были или преступники, или душевно больные и проститутки.

Ferré нашелъ, что изъ 8227 малолѣтнихъ преступниковъ у 2575 родители были преступники, что составитъ 30,5%. Весьма сходныя цифры найдены и другими изслѣдователями.

Едва-ли можно спорить противъ такихъ доказательствъ органическаго происхожденія преступной натуры. Что-же касается біологическаго родства между душевными болѣзнями и преступностью, то безспорно признано, что между преступниками гораздо больше душевно и нервно-больныхъ, чѣмъ между обыкновенными людьми. Хотя и нѣтъ достаточныхъ статистическихъ данныхъ, но несомнѣнно, что дѣти родителей, проведшихъ всю жизнь въ сырыхъ, темныхъ помѣщеніяхъ, при недостаточномъ питаніи, работавшихъ съ такими вредными матеріалами, какъ ртуть, свинецъ, и т. п., очень часто выростаютъ заморышами, съ психопатической или съ преступной организаціей.—Meynert придавалъ особенное значеніе англійской болѣзни, развивающейся вслѣдствіе

благопріятныхъ для здоровья условій—она обусловливаетъ неправильное, недостаточное развитіе мозга, а слѣдовательно и душевныхъ способностей. Всѣ эти біологическія условія создаютъ или психопатическую, или преступную организацію.

Наконецъ однимъ изъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что преступность зависитъ отъ органическихъ измѣненій нервной системы, управляющей психикой, можетъ служить алкоголизмъ: отравляя нервную систему, алкоголь притупляетъ высшія чувствованія, ослабляетъ волю и т. п., и такимъ образомъ искусственно превращаетъ психическую организацію человѣка въ несовершенную и даже въ преступную. Человѣкъ, въ трезвомъ видѣ не способный на преступленіе, подъ вліяніемъ алкоголя можетъ сдѣлать преступленіе, о которомъ будетъ сожалѣть всю жизнь. У не привычныхъ пьяницъ это будетъ состояніе преходящее, которое конечно нельзя подвести къ органическимъ измѣненіямъ нервной системы въ собственномъ смыслѣ. Но при хроническомъ отравленіи ея алкоголемъ въ ней наступаютъ уже на столько сильныя и постоянныя измѣненія, что они могутъ довести до помѣшательства и преступленія. Постепенный ходъ измѣненій можно выразить слѣдующими цифрами: Baer нашелъ между женщинами, приговоренными къ тюремному заключенію въ 1-й разъ—17% пьяницъ, а между приговоренными въ 5-й разъ—46%. Количество-же преступленій, совершаемыхъ въ состояніи опьяненія, превышаетъ 60%,—это вполнѣ иллюстрируетъ связь преступленія съ измѣненіемъ нервной системы, а слѣдовательно и психической стороны человѣка.

Благодаря неточности и грубости методовъ изслѣдованія, объективныя органическія измѣненія у вырождающихся субъектовъ въ большинствѣ неуловимы для точнаго изслѣдованія и опредѣленія, но для наблюденія они доступны даже и не врачамъ, если только у наблюдателя хотя сколько нибудь развита способность наблюденія. Это видно напр. изъ того, что художники, обладавшіе развитою наблюдательностью,

изображали преступниковъ съ такими-же особенностями, какія приписываетъ имъ и уголовная антропологія. Lefort (39) спеціально занимался этимъ вопросомъ, и на снимкахъ съ картинъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ художниковъ, приложенныхъ къ его книгѣ, можно вполнѣ убѣдиться въ сказанномъ.

Конечно, нѣкоторыя доктрины уголовной антропологіи въ настоящей фазѣ ея развитія можетъ быть будутъ отброшены, какъ напр. особая организація преступника, но это не можетъ нисколько умалить значенія этой новой научной дисциплины: даже самыя ошибки въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ служили уже на пользу науки; такъ напр. извѣстная работа Benedict'a (40) объ аномальныхъ извилинахъ мозга у убійцъ—послужила къ болѣе точному изученію неправильностей извилинъ вообще т. е. къ уясненію весьма важнаго въ анатоміи вопроса.

Хотя до сихъ поръ есть еще много противниковъ уголовной антропологіи, тѣмъ не менѣе они не могутъ отказать ей въ признаніи факта, что она обратила вниманіе юристовъ на большіе успѣхи физіологической психологіи и психіатріи въ послѣднее время. Являются уже отдѣльные юристы, которые начинаютъ искать въ медицинѣ полезныхъ указаній для себя и начинаютъ цѣнить медицину.

Многіе полагаютъ, что ученіе уголовной антропологіи неразрывно связано съ существованіемъ преступнаго типа Lombroso—это большое заблужденіе; вопросъ о преступномъ типѣ—вопросъ второстепенный, въ основѣ-же новаго ученія лежитъ болѣе важный вопросъ: Lombroso выяснилъ важность вліянія физическихъ особенностей преступника на его дѣянія, и во имя науки потребовалъ реформы въ репрессіи преступленій. Уголовная антропологія не довольствуется констатированіемъ преступности, а изучаетъ причины ея какъ близкія, такъ и болѣе отдаленныя, скрытыя иногда въ глубинѣ не только личнаго, но и наслѣдственнаго прошлаго преступника. Она изучаетъ при этотъ какъ причины субъективныя т. е. психо-физическія особенности преступника, такъ и объективныя т. е. окружающія условія общественной

жизни. Эти послѣднія изучаютъ потому, что онѣ съ одной стороны могутъ способствовать развитію склонности къ преступленіямъ, а съ другой—могутъ наводить на преступленіе такихъ людей, которые уже имѣютъ это предрасположеніе.

Цѣль, къ которой стремится уголовно-антропологическая школа, это—огражденіе общества отъ зла, причиняемаго преступленіями, а главнѣйшимъ средствомъ для этого считаетъ предупрежденіе или устраненіе тѣхъ причинъ, которыя порождаютъ преступныхъ лицъ. Въ готовомъ же преступникѣ она видитъ все таки человѣка и члена общества, хотя и прегрѣшившаго въ силу своего большаго или меньшаго развращенія, и потому допускаетъ полную возможность исправленія его.

Какъ уже было упомянуто—однимъ изъ стремленій уголовно-антропологической школы является возможное выясненіе также органическихъ условій преступности. Въ этомъ хотѣли видѣть матеріализацію духовныхъ явленій и обвиняли уголовно-антропологическую школу въ томъ, что она разрушаетъ старыя основы такъ называемой классической уголовной школы. Такое обвиненіе падаетъ само собою благодаря тому, что построено на неточномъ пониманіи основъ матеріализма и основъ уголовно-антропологической школы. Эта послѣдняя вовсе не касается вопросовъ о сущности духа и не старается замѣнить его одними физіологическими процессами тѣла,—она только занимается изученіемъ тѣхъ органическихъ явленій или проявленій, которыя сопутствуютъ душевнымъ явленіямъ, такъ какъ самая суть душевныхъ явленій была, есть и будетъ загадкой для человѣческаго ума. Особая задача уголовной антропологіи состоитъ во всестороннемъ изученіи преступника, со всѣми его психическими и физическими особенностями. Изучая явленія порочности и преступности, какъ проявленія психической стороны человѣка, она стремится изучать и тѣ необходимыя органическія явленія, которыя сопутствуютъ психическимъ, стремится найти и указать совмѣстное существованіе опредѣленныхъ различій въ характерахъ, съ опредѣленными статическими и динамическими особенностями организаціи. Но она не касается самой сущности этой связи между тѣми и другими.

ГЛАВА II.

Экспертами называются лица, особенно свѣдущія и опытныя въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ либо занятіи (ст. 325 Устава Уголовнаго Судопроизводства, изд. 1892).

Опредѣляя права и обязанности такихъ лицъ, законъ не дѣлаетъ никакого различія между ними, но судебная практика привела самихъ юристовъ къ иному взгляду на этотъ вопросъ, и вызвала желаніе раздѣлить экспертовъ на 2 категоріи: 1) свѣдущіе люди, которые основываютъ свои заключенія на опытности въ ремеслѣ, занятіи или промыслѣ, и 2) люди, свѣдущіе въ той или другой наукѣ—научные эксперты (Владиміровъ ([40]). Значеніе первыхъ ограничивается тѣмъ, что они даютъ свѣдѣнія, справки, доступныя пониманію людей, даже не имѣющихъ никакой подготовки по той или другой отрасли знанія. Съ этими свѣдѣніями судъ самостоятельно рѣшаетъ тотъ или другой вопросъ,—и такимъ образомъ эти свѣдущіе люди представляютъ собою только справочныхъ свидѣтелей.—Объясненія и заключенія научныхъ экспертовъ никогда не могутъ быть понятны для людей, не имѣющихъ достаточныхъ знаній въ данной наукѣ; они не могутъ имѣть своего сужденія о разобранныхъ экспертомъ вопросахъ, такъ что здѣсь самъ экспертъ является судьею.

Такое значеніе научнаго эксперта частью видно и изъ того, что если даже судьи случайно и обладаютъ знаніями по тому или другому научному вопросу, то ихъ знаніе—внѣ судебное, не могущее имѣть значеніе судебнаго факта, какъ это видно изъ ст. 693 уст. уг. суд.: „свѣдущіе люди не могутъ быть избраны изъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ или изъ состоящихъ по дѣлу свидѣтелями, судьями или присяжными засѣдателями“. Кромѣ этого изъ кассаціонныхъ

рѣшеній Сената (1857 г.—№ 123, 1867 г.—№ 248, 1868 г.—№ 541) ясно видно, что судьямъ разрѣшается обходиться и безъ экспертовъ первой категоріи или справочныхъ свидѣтелей, когда сами судьи могутъ понять обстоятельства дѣла, но никогда еще Сенатъ не дозволялъ судамъ обходиться безъ научной экспертизы въ тѣхъ случаяхъ, когда она требуется дѣломъ. Наконецъ, совершенная самостоятельность научнаго эксперта видна и изъ статьи 333 уст. уг. суд.: „свѣдущіе люди, производя освидѣтельствованія, не должны упускать изъ виду и такихъ признаковъ, на которые слѣдователь не обратитъ вниманія, но изслѣдованіе которыхъ можетъ привести къ открытію истины".

Объясненія, даваемыя экспертомъ суду, называются экспертизой. Относительно юридическаго значенія экспертизы въ началѣ XIX столѣтія возникла цѣлая полемика, и при этомъ выяснились 3 взгляда: одни признавали ее самостоятельнымъ видомъ уголовныхъ доказательствъ, относя ее впрочемъ то къ личному осмотру, то къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Другіе разсматривали ее не только какъ самостоятельной видъ уголовныхъ доказательствъ, но главнымъ образомъ—какъ видъ совершенно особенный, съ самобытнымъ характеромъ, значительно отличающійся отъ всѣхъ прочихъ доказательствъ. Третье воззрѣніе состояло въ томъ, что экспертиза вовсе не есть судебное доказательство, а рѣшеніе вопросовъ о такихъ фактахъ, которые съ своей стороны обусловливаютъ рѣшеніе всего дѣла.

Говоря объ экспертизѣ, мы будемъ имѣть въ виду конечно только одну судебно-медицинскую, которая по существу на столько отлична отъ другихъ видовъ экспертизы, имѣетъ столько своеобразнаго какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по внутреннему содержанію, наконецъ—по своему значенію въ уголовныхъ дѣлахъ на столько отличается отъ другихъ видовъ, что ее безусловно слѣдовало-бы выдѣлить и поставить особнякомъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, бросимъ взглядъ на дѣятельность эксперта.

Дѣятельность врача-эксперта. Роль врача-эксперта въ уголовномъ процессѣ двоякая: онъ является дѣятелемъ во 1-хъ) на предварительномъ слѣдствіи и во 2-хъ) на судѣ (или судебномъ слѣдствіи). На предварительномъ слѣдствіи обсужденію эксперта подлежатъ двѣ части вопроса о виновности: a) совершено-ли событіе преступленія и b) если совершенно, то должно-ли быть вмѣнено въ вину совершившему его.

Событіе преступленія, какъ признаютъ нынѣшніе криминалисты, можетъ быть доказано съ положительностью только при наличности corpus delicti во всевозможныхъ видахъ его. Обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ относительно corpus delicti принадлежитъ безусловно эксперту. Съ своей стороны corpus delicti есть объективная часть преступленія, слѣдовательно—роль врачебной экспертизы на предварительномъ слѣдствіи состоитъ въ возстановленіи объективнаго состава преступленія, что безусловно имѣетъ громадное значеніе,—и такимъ образомъ экспертиза является прежде всего главнымъ видомъ уголовныхъ доказательствъ. При этомъ роль врача-эксперта въ сущности совершенно самостоятельна: онъ самъ производитъ медицинское изслѣдованіе, при которомъ совершаетъ не отдѣльныя дѣйствія по указанію судебнаго слѣдователя, а производитъ цѣльное, самостоятельное изслѣдованіе медицинской стороны уголовнаго дѣла,—и если эта истинная роль его не опредѣлена категорически тѣми или другими статьями закона, то она совершенно ясно опредѣляется тѣми правами, которыми пользуются эксперты на предварительномъ слѣдствіи. Первое изъ нихъ есть право знакомиться съ тѣми свѣдѣніями, которыя уже собраны слѣдственною властью по данному дѣлу. Хотя это право явствуетъ только изъ ст. 341 уст. уг. суд., говорящей собственно о вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, но ограничивать его только этими объектами нѣтъ никакихъ причинъ, очевидно—оно должно распространяться и на всѣ другіе виды изслѣдованія.

Относительно того, что врачъ-экспертъ долженъ ознакомиться со всѣми подробностями случая, прежде чѣмъ дать

свое мнѣніе о немъ, въ этомъ давно уже согласились и судебные врачи и юристы. Проф. Владиміровъ ([41]) по поводу этого высказываетъ, что уже одно право эксперта знакомиться передъ медицинскимъ изслѣдованіемъ съ обстоятельствами даннаго дѣла—показываетъ, что его дѣятельность имѣетъ совершенно самостоятельный характеръ, что она состоитъ не въ отдѣльныхъ объясненіяхъ различныхъ явленій, а въ цѣльномъ изслѣдованіи и изученіи вопроса. Онъ долженъ ознакомиться съ дѣломъ для того, чтобы имѣть возможность дать то или другое направленіе своимъ изслѣдованіямъ. Полная самостоятельность эксперта въ изученіи и оцѣнкѣ медицинской стороны того или другого уголовнаго дѣла еще рельефнѣе выступаетъ въ ст. 333 уст. уг. суд. Для того, чтобы выполнять требованіе этой статьи, экспертъ долженъ пользоваться правомъ допроса свидѣтелей съ цѣлью пополненія тѣхъ данныхъ, которыя собраны слѣдствіемъ,—на практикѣ онъ и пользуется такимъ правомъ. Сначала допросы свидѣтелей экспертами допускались только черезъ слѣдователя, но въ послѣднее время начинаетъ входить въ обычай непосредственный допросъ, а значеніе такихъ допросовъ настолько важно, что судебная практика не можетъ игнорировать ихъ. Въ виду этого уже юристы приходятъ къ убѣжденію, что дѣятельность врача-эксперта на предварительномъ слѣдствіи съ логической точки зрѣнія вполнѣ аналогична съ дѣятельностью судебнаго слѣдователя, и даже въ своей области стоитъ выше, именно: задача судебнаго слѣдователя состоитъ въ добываніи уголовныхъ доказательствъ, задача эксперта—не только въ этомъ, а еще и въ оцѣнкѣ доказательствъ; иначе сказать—въ этомъ отношеніи дѣятельность эксперта совершенно тождественна съ дѣятельностью судьи, принимающаго то или другое рѣшеніе по дѣлу на основаніи доказательствъ.

Права эксперта на судебномъ слѣдствіи (т. е. на судѣ), совершенно не опредѣляемыя закономъ, разъяснены до нѣкоторой степени Кассаціоннымъ Департаментомъ Сената (1867 г.—№ 204):

a) экспертъ имѣетъ право читать письменное производство дѣла,

b) имѣетъ право присутствовать на судебномъ слѣдствіи; здѣсь точно такъ-же, какъ на предварительномъ, въ силу необходимости эксперты получили право предлагать свидѣтелямъ вопросы сначала только черезъ предсѣдателя, а затѣмъ Сенатъ (1871—№ 399, 1875—№ 416, 1867—№ 160) призналъ, что когда допросъ свидѣтеля касается спеціальнаго предмета, то предсѣдатель можетъ признать болѣе удобнымъ—предоставить самимъ экспертамъ формулировать вопросы и предлагать ихъ свидѣтелямъ.

И такъ—медицинскую сторону дѣла въ сущности рѣшаетъ врачъ-экспертъ. Присяжные могутъ принять или не принять его рѣшеніе, но они не имѣютъ возможности обсуждать и критиковать это рѣшеніе. Сказанное относится не столько къ присяжнымъ, сколько къ обвинителямъ и защитникамъ, которые очень часто прибѣгаютъ къ „обсужденію и критикѣ“ медицинской экспертизы. Даже въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ, когда мнѣнія экспертовъ не сходятся, очень многіе юристы не признаютъ за судьями и присяжными права рѣшать—на чьей сторонѣ правда. Такъ напр. по этому поводу Mittermeier ([42]) высказываетъ слѣдующее: „прежде всего необходимо признать ложную мысль, будто судьи и присяжные, въ случаѣ разногласія экспертовъ, въ состояніи рѣшать вопросъ, какому изъ представленныхъ медицинскихъ заключеній должно отдать предпочтеніе, или кто изъ экспертовъ правъ. Такое сужденіе ставило-бы судей въ положеніе рѣшителей научныхъ вопросовъ и предполагало-бы обладаніе въ полной мѣрѣ свѣдѣніями, безъ которыхъ ни одинъ толковый человѣкъ не рѣшится оцѣнивать достоинство научныхъ заключеній. Но предполагать у судей такія свѣдѣнія нѣтъ возможности“.

Вторичная экспертиза. Кромѣ обыкновенной экспертизы на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ, существуетъ еще третій видъ ея, который я называю вторичною экспертизою. Подъ этимъ именемъ я разумѣю такую экспертизу, которая

основывается на изученіи и оцѣнкѣ фактовъ, не наблюдавшихся самимъ экспертомъ, при чемъ онъ можетъ пользоваться только описаніемъ фактовъ, сдѣланнымъ другими, т. е. первоначальными экспертами и свидѣтелями, которые непосредственно наблюдали данные факты. Она имѣетъ мѣсто въ уголовныхъ дѣлахъ очень не рѣдко, именно—когда слѣдствіе или стороны (обвиненіе—защита), не довольствуясь объясненіями и оцѣнкой фактовъ, сдѣланными экспертизой во время слѣдствія, приглашаютъ затѣмъ другихъ экспертовъ, не принимавшихъ участія въ предварительномъ дознаніи и въ слѣдствіи.—Изъ всѣхъ трехъ видовъ экспертизы это наиболѣе трудный, въ особенности если описаніе наблюдавшихся фактовъ сдѣлано не полно, или сбивчиво: приходится возстановлять истину путемъ дополнительныхъ разъясненій, даваемыхъ первоначальнымъ экспертомъ и свидѣтелями, при чемъ нерѣдко очень важныхъ чертъ того или другого явленія не могутъ вспомнить за давностью, или даютъ разъясненія, явно смѣшанныя съ впечатлѣніями позднѣйшаго времени. Въ случаяхъ такой вторичной экспертизы конечно все зависитъ отъ того описанія данныхъ, которое сдѣлано въ слѣдственныхъ актахъ, и отъ точности свидѣтельскихъ показаній о нихъ на судѣ: если эти данныя являются истиннымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности выраженіемъ тѣхъ фактовъ, которые существовали въ свое время, то и выводы изъ нихъ вторичной экспертизы будутъ обладать такими же качествами истинности.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ въ защиту нашей науки отъ довольно распространеннаго взгляда на нее, какъ на складъ всевозможныхъ знаній, и о современномъ взглядѣ на экспертизу и эксперта.

Вышесказанный взглядъ на Судебную Медицину къ сожалѣнію, глубоко укоренился въ нашемъ обществѣ. Онъ ведетъ свое начало отъ временъ младенчества этой науки и тогдашняго отношенія къ ней закона. Это послѣднее—по мѣрѣ роста и укрѣпленія Судебной Медицины—въ западныхъ государствахъ измѣнялось, у насъ же оставалось почти безъ

всякихъ перемѣнъ такимъ, какимъ установилось около 100 лѣтъ назадъ. Судебной Медицинѣ въ лицѣ ея представителей—экспертовъ, отводится какое-то жалкое, подчиненное положеніе. Вооружась какимъ либо учебникомъ, стороны—въ лицѣ прокуроровъ и защитниковъ—могутъ „выбрасывать за бортъ, какъ ненужный балластъ“ самую строго-научную экспертизу.... А относительно эксперта—въ случаѣ его неявки къ судебно-медицинскому изслѣдованію, къ нему можетъ быть примѣненъ даже насильственный приводъ черезъ полицію! Такими условіями вполнѣ объясняется нежеланіе врачей заниматься этою наукою, требующею большой затраты времени и труда, щедро оплачиваемыхъ только нравственными мученіями.... Этимъ-же объясняется и неумѣлая судебно-медицинская экспертиза, какъ заурядное явленіе у насъ. Тѣмъ не менѣе отъ этого частнаго явленія незамѣтно, мало-по-малу переходятъ по общему заключенію, и неумѣлость эксперта начинаютъ относить къ недостаточности самой науки... отождествляютъ судебнаго врача съ судебной медициной, не замѣчая, что въ данное время, при данныхъ условіяхъ экспертизы у насъ, эти два понятія несоизмѣримы, такъ какъ у насъ „судебныхъ врачей“ въ собственномъ смыслѣ слова нѣтъ. Здѣсь впадаютъ въ такую-же ошибку, съ какою часто можно встрѣтиться по отношенію къ клинической медицинѣ: имѣя по несчастью дѣло съ плохимъ медикомъ, обвиняютъ въ несостоятельности медицину.... Нѣтъ, надо отдать Судебной Медицинѣ должное, отвести ея представителямъ опредѣленное подобающее мѣсто въ рядахъ призванныхъ служить государству, и тогда явятся судебные врачи на высотѣ своего положенія. Нельзя не присоединиться вполнѣ къ мысли Проф. Гредескула, высказанной имъ на торжественномъ засѣданіи при открытіи Харьковскаго Юридическаго Общества: „всякое слово закона предназначается не для выраженія отвлеченной идеи, а для практическаго воздѣйствія на жизнь, поэтому законъ долженъ быть построенъ такъ, чтобы онъ во взаимодѣйствіи съ жизненными силами давалъ бы наилучшіе изъ возможныхъ результаты“.

Между тѣмъ соотвѣтственно буквѣ закона мы до сихъ поръ еще должны довольствоваться тѣмъ положеніемъ Судебной Медицины въ жизни общества, которое было отведено ей чуть не столѣтіе назадъ. Но если тогда она не могла занимать иного положенія, если тогда силы ея дѣйствительно были слабы и недостаточны, то теперь можно серьезно взглянуть на нее, какъ на созрѣвшую научную дисциплину. Если въ прежнее время наука о правѣ могла не искать особеннаго сближенія съ Судебной Медициной, такъ какъ пользовалось сравнительно незначительною помощью ея, и по тогдашнему времени могла мириться съ этимъ, то въ настоящее время она неизбѣжно должна войти въ союзъ съ Судебной Медициной, такъ какъ ей приходится считаться съ такими новыми жизненными явленіями, которыхъ она сама по себѣ понять не можетъ, въ которыхъ даже разобраться не въ состояніи безъ существенной помощи Судебной Медицины.

Но все сказанное представляетъ взгляды спеціалистовъ. Чтобы совершенно устранить всякую мысль даже о невольномъ профессіональномъ увлеченіи и пристрастіи, я приведу взгляды не врачей, суммированные въ докладѣ представителя юридической науки—сенатора А. Ѳ. Кони. На 5-мъ съѣздѣ Общества Русскихъ Врачей (въ память Пирогова) онъ прежде всего чрезвычайно образно представилъ все важное значеніе Судебной Медицины въ дѣлѣ правосудія: „въ средневѣковыхъ процессахъ вѣдьмъ и колдуновъ, говорилъ онъ, отсутствію экспертизы душевнаго состоянія этихъ несчастныхъ бытовая исторія Европы обязана многими страницами, отъ которыхъ пахнетъ дымомъ костровъ и которыя слипаются отъ крови и слезъ“. Затѣмъ Кони всецѣло присоединился къ тому взгляду на судебнаго врача, по которому этотъ послѣдній не есть простое орудіе судьи, не есть свидѣтель научныхъ медицинскихъ фактовъ, а есть судья этихъ фактовъ и судья единственный. Наконецъ бросивъ взглядъ на развитіе Судебной Медицины въ послѣднее время, Кони пришелъ къ заключенію, что „законодательство должно

отозваться на это развитіе науки и поставить ея служителей въ ясное и достойное положеніе, уничтоживъ отчужденіе между ними и судьями, давъ возможность эксперту смотрѣть на себя, какъ на друга и союзника судьи въ трудномъ дѣлѣ отысканія истины въ процессѣ, а Судьѣ, передъ которымъ часто въ одномъ и томъ-же событіи предстоитъ преступленіе, или болѣзнь, или несчастіе — давъ поводъ видѣть въ экспертѣ надежнаго помощника для яснаго отдѣленія болѣзни отъ преступленія или несчастья".

Спеціальная часть.

ОТДѢЛЪ I.

ГЛАВА I.

Судебно-медицинское изслѣдованіе. Въ основаніи судебно-медицинской экспертизы лежитъ судебно-медицинское изслѣдованіе, а такому изслѣдованію подвергаются различные объекты, которые можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) изслѣдованіе живыхъ людей по вопросамъ о поврежденіи здоровья и т. п., 2) изслѣдованіе труповъ (судебно-медицинскія вскрытія) и 3) изслѣдованіе различныхъ веществъ и предметовъ.

Для того, чтобы каждому изслѣдованію придать наибольшую достовѣрность для суда, законъ обставляетъ его цѣлымъ рядомъ условій, исполненіе которыхъ обязательно для производящаго изслѣдованіе. Этотъ рядъ условій называется обрядовою стороною судебно-медицинскаго изслѣдованія.

Обрядовая сторона. Въ общихъ чертахъ она состоитъ въ слѣдующемъ:

1) судебный врачъ приступаетъ къ тому или другому судебно-медицинскому изслѣдованію не иначе, какъ по предложенію слѣдственной власти. Это предложеніе обыкновенно имѣетъ форму письменнаго отношенія къ судебному врачу того лица, которое производитъ слѣдствіе. Только иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, оно можетъ быть не письменное, а словесное;

2) при изслѣдованіи долженъ присутствовать представитель слѣдствія. Исключеніемъ являются случаи гинекологическаго изслѣдованія, если изслѣдуемая по своей стыдливости потребуетъ, чтобы не присутствовалъ представитель

слѣдствія. Кромѣ этого законъ не требуетъ непремѣннаго присутствія его и при такихъ судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ, для которыхъ необходимо иногда очень продолжительное время, каковы—микрохимическія изслѣдованія, судебно-химическіе анализы;

3) кромѣ представителя слѣдствія должны присутствовать посторонніе свидѣтели, которые называются понятыми; они приглашаются изъ числа лицъ, пользующихся довѣріемъ своихъ согражданъ,—ихъ требуется не менѣе двухъ. При изслѣдованіи женщинъ понятыми приглашаются также женщины, непремѣнно замужнія и пожилыя. При изслѣдованіи священно-служителей и монашествующихъ приглашается въ качествѣ депутата мѣстный благочинный или настоятель монастыря;

4) каждое судебно-медицинское изслѣдованіе врачъ долженъ сопровождать точною и подробною записью тѣхъ фактовъ, которые онъ наблюдаетъ. Должностные врачи—городовые и уѣздные, исполняющіе у насъ также обязанности и судебныхъ врачей, нерѣдко дѣлаютъ эту запись не во время изслѣдованія, а потомъ—дома, черезъ день и болѣе,—этого никогда не слѣдуетъ дѣлать, потому что черезъ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени могутъ утратиться изъ памяти такія черты, которыя могутъ имѣть большое и существенное значеніе.

Сумма добытыхъ фактовъ, взятая сама по себѣ, составляетъ судебно-медицинскій протоколъ, который и долженъ быть удостовѣренъ подписями судебнаго врача, производившаго изслѣдованіе, и лицъ, назначенныхъ присутствовать при изслѣдованіи.

Когда факты установлены протоколомъ, то судебный врачъ долженъ дать имъ научную и удобопонятную оцѣнку, долженъ объяснить, какое слѣдствіе можно вывести изъ всѣхъ найденныхъ фактовъ. Этотъ выводъ называется мнѣніемъ. Мнѣніе или вписывается въ протоколъ, или подается отдѣльно.

При одномъ видѣ судебно-медицинскаго изслѣдованія, а именно—при вскрытіи труповъ кромѣ этого отъ вскрывающаго врача требуется еще особое удостовѣреніе въ томъ, что онъ велъ изслѣдованіе надлежащимъ образомъ,—такое удостовѣреніе называется заключеніемъ. Составляется оно въ такой формѣ: „что все изслѣдованіе произведено мною по сущей совѣсти и справедливости, по долгу службы и присяги и по правиламъ врачебной науки, въ томъ удостовѣряю своею подписью и приложеніемъ именной печати" (прикладывается сургучная печать съ лѣвой стороны).

Всѣ эти отдѣльныя части, т. е. протоколъ, мнѣніе и заключеніе, взятые вмѣстѣ и составляютъ судебно-медицинскій актъ объ изслѣдованіи того или другаго объекта.

Вотъ въ общемъ та обрядовая сторона, тѣ условія судебно-медицинскаго изслѣдованія, которыя должны быть всегда строго выполняемы для того, чтобы судъ могъ признать самое изслѣдованіе достовѣрнымъ въ смыслѣ требованія закона. Остается упомянуть о нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ—прежде чѣмъ начать изслѣдованіе, врачъ имѣетъ право требовать полнаго ознакомленія со всѣми данными, полученными слѣдствіемъ до судебно-медицинскаго изслѣдованія, какъ „могущими способствовать къ точнѣйшему сужденію и надлежащему изслѣдованію случая" (ст. 1344 Устава Судебной Медицины т. XIII изд. 1892 г.). Хотя приведенная статья относится буквально только ко вскрытію мертвыхъ тѣлъ, но принимая во вниманіе цѣль ея—достиженіе возможности точнѣйшаго сужденія объ изслѣдуемомъ случаѣ—едва-ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что она должна относиться и ко всѣмъ другимъ видамъ судебно-медицинской экспертизы.

Судебный врачъ, производя изслѣдованіе, обязанъ вести подробный протоколъ, но это не при всякомъ изслѣдованіи возможно; такъ—производя вскрытіе, врачъ не можетъ въ то-же время собственноручно записывать протоколъ, поэтому ему предоставляется въ подобныхъ случаяхъ „что нужно поручать иному лицу со словъ его записывать" (ст. 1329

уст. суд. мед.). Конечно здѣсь должно разумѣть только тѣхъ лицъ, которые назначаются присутствовать при вскрытіи. Но на практикѣ можно встрѣтиться со страннымъ недоразумѣніемъ: судебный слѣдователь или полицейскій чиновникъ отказываются записывать протоколъ подъ диктовку врача, ссылаясь на то, что законъ не вмѣняетъ имъ этого въ обязанность.... Такое толкованіе совершенно не основательно, что вытекаетъ изъ той-же вышеприведенной статьи, изъ которой ясно видно, что слѣдователь (resp. замѣняющій его чиновникъ отъ полиціи) долженъ писать протоколъ, въ которомъ затѣмъ исправляются ошибки и послѣ этого онъ подписывается всѣми присутствовавшими лицами.—Самый протоколъ, какъ собраніе фактовъ относительно изслѣдуемаго объекта, для большаго удобства изученія этихъ фактовъ, дѣлится на нѣсколько частей:

1-я часть—введеніе; сюда заносятся факты, касающіеся чисто внѣшней стороны изслѣдованія, какъ-то—по чьему предложенію производится изслѣдованіе (напр. „по отношенію Судебнаго Слѣдователя №№ отъ.....числа.....мѣсяца.....года за №.....), кто его производитъ, гдѣ и когда, кто присутствуетъ, что именно изслѣдуется и съ какою цѣлью;

2-я часть—историческая; обыкновенно она состоитъ въ свою очередь изъ двухъ частей: a) наружнаго осмотра и b) собственно изслѣдованія: при чемъ въ случаяхъ изслѣдованія труповъ эта часть „B“ называется внутреннимъ изслѣдованіемъ, при изслѣдованіи живаго человѣка—объективнымъ изслѣдованіемъ, при изслѣдованіяхъ помощью микроскопа и химическихъ реактивовъ—микро-химическимъ изслѣдованіемъ, и наконецъ—при судебно-химическихъ изслѣдованіяхъ—судебно-химическимъ анализомъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ двумъ частямъ предшествуетъ третья—дополнительныя свѣдѣнія или свидѣтельскія показанія, это именно—когда во время изслѣдованія обнаруживаются какія либо новыя данныя относительно обстановки и условій происшествія т. е. не записанныя еще въ протоколы предварительнаго дознанія или слѣдствія.

Трупныя явленія. Судебный врачъ является дѣятелемъ главнымъ образомъ въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя имѣютъ въ основѣ своей разстройства здоровья или смерть потерпѣвшаго, причиненныя тѣмъ или другимъ насильственнымъ способомъ, поэтому я ставлю этотъ отдѣлъ Судебной Медицины на первое мѣсто и остановлюсь на немъ преимущественно передъ другими. Тотъ, кто овладѣетъ даже однимъ этимъ отдѣломъ, можетъ смѣло считать себя достаточно вооруженнымъ для того, чтобы явиться борцомъ на жизненномъ полѣ Судебной Медицины. Но и изъ этого отдѣла я выдѣляю часть, касающуюся различныхъ насильственныхъ причинъ смерти, какъ наиболѣе важную въ практическомъ отношеніи, и съ нея предлагаю начать изученіе Судебной Медицины resp. судебно-медицинскаго анализа. Другаго отдѣла этой части—насильственнаго поврежденія здоровья—я совершенно не буду касаться, такъ какъ въ этомъ кругу дѣятельности судебнаго врача свободно можетъ функціонировать каждый врачъ, пользуясь обычными методами клиническаго изслѣдованія, наблюденія и оцѣнки болѣзненныхъ измѣненій и явленій.

Для точнаго знанія и пониманія измѣненій въ живомъ тѣлѣ человѣка, необходимо точное знаніе и пониманіе также и тѣхъ измѣненій въ немъ, которыя происходятъ послѣ смерти. Тѣ и другія иногда такъ сходны между собою, что возможность отличія однихъ отъ другихъ зависитъ единственно только отъ точнаго знанія и отчетливаго пониманія ихъ.

Измѣненія, наступающія въ тканяхъ и органахъ тѣла послѣ смерти, извѣстны подъ именемъ трупныхъ явленій. Такъ какъ они обнаруживаются при вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, то прежде всего необходимо остановиться на судебно-медицинскомъ вскрытіи. Эта необходимость вполнѣ объясняется очень многими особенностями этихъ вскрытій, сравнительно съ другими видами ихъ.

Кромѣ своеобразной обрядовой стороны, судебно-медицинское вскрытіе представляетъ еще слѣдующія особенности: прежде всего его никогда нельзя дѣлать по извѣстному шаблону, какъ напр. дѣлаются патолого-анатомическія вскрытія; судебно-медицинское вскрытіе ведется различно, смотря по особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая, и до того, что даже порядокъ открытія полостей измѣняется въ зависимости отъ рода случая. Такъ напр. при травматическихъ поврежденіяхъ головы открывается и изслѣдуется прежде всего черепная полость; при отравленіяхъ—брюшная полость; при поврежденіяхъ груди и при неизвѣстныхъ причинахъ смерти—грудная полость. Далѣе—вскрытіе видоизмѣняется въ зависимости отъ того, съ какого рода случаемъ мы имѣемъ дѣло: всѣ судебно-медицинскія вскрытія должно раздѣлить по характеру происшествія на 2 вида: 1) судебно-медицинскія въ собственномъ значеніи слова и 2) медико-полицейскія. Первыя производятся въ такихъ случаяхъ, гдѣ имѣются болѣе или менѣе ясныя указанія на уголовный характеръ происшествія, вторыя—при отсутствіи такихъ указаній, т. е. гдѣ возможны естественныя причины смерти или самоубійство. Соотвѣтственно этому видоизмѣняется и характеръ вскрытія трупа: въ первомъ случаѣ все вниманіе обращается на измѣненія, дающія случаю уголовный характеръ; во второмъ—вскрытіе ведется по общимъ правиламъ патологической анатоміи.

Далѣе—какъ при судебно-медицинскихъ, такъ и при медико-полицейскихъ вскрытіяхъ нерѣдко приходится имѣть дѣло съ трупами неизвѣстныхъ лицъ. Въ такихъ случаяхъ вскрытіе представляетъ ту особенность, что наружный осмотръ трупа дѣлается иначе, чѣмъ при вскрытіи труповъ извѣстныхъ лицъ, а именно—въ первомъ случаѣ наружный осмотръ дѣлается гораздо подробнѣе, чѣмъ во второмъ. Обыкновенно онъ состоитъ въ томъ, что слѣдуя правилу—переходить отъ общаго къ частному—осматриваютъ и описываютъ сначала общіе наружные признаки—возрастъ, ростъ, тѣлосложеніе, общій цвѣтъ кожи, трупное окоченѣніе. При этомъ если

дѣйствительный возрастъ даннаго субъекта неизвѣстенъ, то опредѣляютъ его приблизительно, по виду. Въ такихъ случаяхъ руководствуются видомъ лица, состояніемъ и количествомъ зубовъ и т. п.

Описавъ общіе наружные признаки, переходятъ къ частнымъ и начинаютъ съ головы, описывая здѣсь состояніе волосистой части ея, лица, затѣмъ описываютъ глаза, носъ, ротъ и уши. Далѣе переходятъ къ описанію шеи, груди, живота, конечностей, половыхъ органовъ и заднепроходнаго отверстія, имѣя въ виду единственно только анатомическіе признаки и присутствіе или отсутствіе патологическихъ измѣненій. Въ случаѣ-же вскрытія трупа неизвѣстнаго лица описываются и такіе признаки, которые не имѣютъ никакого анатомическаго значенія, какъ напр. цвѣтъ, длина, количество и состояніе волосъ на головѣ, бровяхъ, рѣсницахъ, а у мужчинъ также на усахъ, бородѣ и бакахъ; цвѣтъ радужной оболочки глазъ, описываются всѣ родимыя пятнышки, бородавки, старые рубцы и т. п. Такое подробное описаніе признаковъ, не имѣющихъ никакого медицинскаго значенія, дѣлается съ тою цѣлью, чтобы способствовать опредѣленію личности покойнаго даже послѣ его погребенія,—это называется—установить тождество трупа.—На сколько этотъ путь удобенъ и вѣренъ для достиженія сказанной цѣли—это для каждаго ясно: никакое описаніе въ этомъ отношеніи не можетъ, конечно, сравниться со слѣпкомъ или съ фотографическимъ снимкомъ,—и дѣйствительно тамъ, гдѣ Судебная Медицина стоитъ нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ у насъ, для сказанной цѣли пользуются услугами фотографіи, получающей въ настоящее время такое широкое примѣненіе.—Объ особенностяхъ внутренняго изслѣдованія было уже вкратцѣ упомянуто. Говорить о частностяхъ судебно-медицинскаго вскрытія невозможно, такъ какъ почти каждое изъ нихъ имѣетъ свои особенности, видоизмѣняющія характеръ и способъ изслѣдованія, такъ что никакого даже приблизительнаго шаблона въ этомъ отношеніи нельзя дать. Судебно-медицинскому вскрытію можетъ научить только сама

Судебная Медицина т. е. точное знаніе и ясное пониманіе той цѣли, которую надо преслѣдовать въ каждомъ данномъ случаѣ.

Трупныя явленія *), съ которыми приходится имѣть дѣло судебному врачу, изслѣдованы впервые французскими учеными Orfila и Dewergie: Orfila изучалъ ихъ на трупахъ взрослыхъ, Dewergie—на трупахъ новорожденныхъ дѣтей. Эти измѣненія наступаютъ съ момента смерти, продолжаются въ извѣстной послѣдовательности и оканчиваются или полнымъ уничтоженіемъ тканей организма, или ткани претерпѣваютъ особенныя стойкія измѣненія, и въ такомъ измѣненномъ видѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ оставаться неопредѣленно долгое время.

Протекаютъ они въ болѣе или менѣе опредѣленные промежутки времени, что и даетъ возможность пользоваться ими для рѣшенія вопроса о томъ, сколько времени назадъ умеръ человѣкъ, трупъ котораго изслѣдуется.

Моментъ смерти. Изучая трупныя явленія, мы постоянно будемъ встрѣчаться съ выраженіемъ „моментъ смерти“ т. е. говоря о какомъ либо измѣненіи, мы будемъ указывать, что оно наступаетъ черезъ столько-то времени отъ момента смерти. Что-же должно считать за моментъ смерти? Въ практическомъ отношеніи совершенно удовлетворительнымъ является отвѣтъ, по которому за моментъ смерти принимаютъ прекращеніе дыханія и кровообращенія, хотя въ научномъ отношеніи такое опредѣленіе, конечно, далеко не точно,—да это понятіе до сихъ поръ и не поддается научному опредѣленію точно такъ, какъ не поддается ему другое—противуположное понятіе—о жизни: и для этого понятія не существуетъ маломальски опредѣленнаго и удовлетворительнаго выраженія, хотя эту задачу старались разрѣшить уже съ древнѣйшихъ временъ. Такъ напр. Аристотель опредѣлялъ жизнь, какъ „совокупность процессовъ питанія, роста и размноженія“, т. е. за жизнь принималъ только проявленія ея.—Затѣмъ въ

*) Литературу см. подъ №№ XXIX—XXXIII.

дошедшей до насъ литературѣ, какъ давнопрошедшихъ вѣковъ, такъ и ближайшаго къ намъ времени, можно найти множество попытокъ опредѣлить то загадочное явленіе, которое обозначается словомъ „жизнь". Встрѣчаются даже попытки нѣсколько комическаго характера,—такъ напр. по Bichat (43) „жизнь есть совокупность отправленій, сопротивляющихся смерти", по Kuss'у—„жизнь есть все то, чего не можетъ объяснить ни физика, ни химія".

И такъ—что-же должно признать за моментъ смерти? Какъ мы уже сказали, обыкновенно принимаютъ, что смерть наступаетъ съ того момента, когда окончательно прекращаются дыханіе и кровообращеніе. Но такъ-ли это? Прежде всего прекращеніе этихъ наиболѣе важныхъ для жизни процессовъ не всегда легко наблюдать--достаточно вспомнить состояніе асфиксіи новорожденныхъ дѣтей или летаргію взрослыхъ. А затѣмъ—они не всегда прекращаются одновременно: обыкновенно раньше прекращается дыханіе, но и въ этомъ отношеніи повидимому возможны исключенія, по крайней мѣрѣ есть несомнѣнныя указанія на то, что дыхательные центры могутъ работать даже будучи совершенно удалены отъ вліянія на нихъ кровообращенія: у обезглавленныхъ животныхъ часто можно наблюдать ритмическое открываніе рта, какъ это бываетъ при глубокихъ вдыханіяхъ; тоже самое наблюдали у обезглавленныхъ людей втеченіе 10 минутъ послѣ отдѣленія головы отъ туловища. Чаще-же всего наблюдается, что сердце продолжаетъ работать довольно продолжительное время послѣ совершеннаго прекращенія дыханія, какъ это бываетъ въ особенности при смерти отъ асфиксіи. Такъ—у животныхъ сердце ясно работаетъ $^1/_4$—$^1/_2$ часа послѣ задушенія; у одного повѣшеннаго Гофманъ ощущалъ біеніе сердца еще спустя 8 минутъ послѣ прекращенія дыхательнаго акта.

Но даже и послѣ совершеннаго прекращенія обоихъ этихъ процессовъ, въ организмѣ долго еще продолжается борьба жизни со смертью. Эту борьбу поддерживаютъ уже мельчайшіе, микроскопическіе элементы тканей: мышечные

пучки, еще черезъ 2 и даже черезъ 4 часа послѣ прекращенія сказанныхъ актовъ, отвѣчаютъ на раздраженіе электрическимъ токомъ и этимъ свидѣтельствуютъ, что въ это время они еще живы.—Еще дольше сохраняютъ свои движенія волоски мерцательнаго эпителія, и наконецъ еще дольше—сѣмянныя нити, движеніе которыхъ иногда ясно наблюдалось черезъ 24 часа и болѣе. Есть одно только исключеніе, это—смерть отъ удара молніи, при которой всѣ жизненные процессы, даже въ элементахъ тканей, прекращаются повидимому мгновенно.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что о наступленіи смерти въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова можно говорить лишь тогда, когда и въ тканяхъ организма уже прекратились всѣ жизненные процессы.

Съ этого момента мы различаемъ въ трупѣ 2 ряда явленій:

1-й рядъ составляютъ измѣненія, развивающіяся до наступленія гніенія или, какъ говорятъ—въ свѣжемъ трупѣ;

2-й рядъ состоитъ изъ такихъ измѣненій, которыя сопутствуютъ начавшемуся гніенію трупа. Иначе сказать—явленія 1-го ряда указываютъ на умираніе тканей, явленія 2-го ряда—на разложеніе ихъ. Раньше всего умираніе тканей замѣчается на мышцахъ, а именно—въ нихъ развивается то особенное состояніе, которое извѣстно подъ именемъ трупнаго окоченѣнія—rigor mortis.

Охлажденіе трупа. 1-й рядъ трупныхъ явленій можно начать охлажденіемъ трупа. Трупъ совершенно охлаждается рѣдко раньше 8 часовъ послѣ смерти, но во всякомъ случаѣ къ концу первыхъ сутокъ онъ охлаждается уже вполнѣ, при чемъ t^0 его обыкновенно бываетъ ниже t^0 окружающей среды, вслѣдствіе испаренія съ поверхности тѣла. Понятно, что на быстроту охлажденія будутъ существенно вліять очень многія условія: количество и родъ одежды, подстилка, на которой трупъ лежитъ, среда, его окружающая, и т. п. Все это необходимо принимать въ разсчетъ при обсужденіи такихъ вопросовъ, гдѣ это явленіе можетъ играть

болѣе или менѣе важную роль, какъ напр. въ вопросѣ о мнимой смерти и т. п.

Трупное окоченѣніе. Когда трупъ уже значительно охладится, въ немъ начинаетъ появляться трупное окоченѣніе. Оно замѣчается у взрослыхъ черезъ 2—4 часа послѣ смерти; черезъ 4—6 часовъ охватываетъ все тѣло; держится довольно долго—черезъ 48 часовъ оно еще ясно выражено, и исчезаетъ только на 3—4 сутки. При нѣкоторыхъ условіяхъ оно появляется скорѣе, какъ напр. въ случаяхъ смерти отъ сильныхъ кровотеченій, отъ поврежденій спиннаго мозга—особенно шейной части его, при отравленіяхъ кислотами и стрихниномъ. Нѣкоторое понятіе о колебаніи во времени наступленія и въ длительности трупнаго окоченѣнія, въ зависимости отъ рода смерти (при одинаковыхъ условіяхъ храненія труповъ въ t° 15—16° Р.), можетъ дать слѣдующая таблица, составленная при опытахъ на собакахъ въ завѣдуемомъ мною Кабинетѣ Судебной Медицины:

Способъ умерщвленія	Первое, едва замѣтное появленіе окоченѣнія черезъ	1-й періодъ отъ появленія до наивысшаго развитія	2-й періодъ отъ наивысшаго развитія до появленія разслабл.
1. Повѣшеніе . . .	30 м.—1½ ч.	2 ч.—4 ч.	25 ч.—36 ч.
2. Утопленіе . . .	1¾ ч.—2 ч.	20 ч.—21 ч.	70 ч.—72 ч.
3. Отравленіе ціанистымъ кал. .	1 ч.—1½ ч.	2 ч.—22 ч.	40 ч.—52 ч.
4. Отравлен. стрихниномъ	20 м.—35 м.	1 ч.—1¼ ч.	27 ч.—40 ч.
5. Отр. кураре . .	1 ч.—1 ч. 40 м.	2½ ч.—3¼ ч.	60 ч.—70 ч.
6. Уколъ въ продолговат. мозгъ.	20 м.—35 м.	2 ч.—2½ ч.	45 ч.—50 ч.
7. Револьв. пуля .	1 ч.—1¼ ч.	3½ ч.—4 ч.	50 ч.—51 ч.

У новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей оно появляется скорѣе, чѣмъ у людей взрослыхъ, но выражено гораздо слабѣе и длится короче, а у недоношенныхъ, 7-ми мѣсячныхъ плодовъ, оно совсѣмъ не наступаетъ (Mende).—Наконецъ наблюдались случаи, которые дали поводъ думать, что трупное окоченѣніе можетъ наступать очень быстро—почти непосредственно вслѣдъ за смертью. Такъ—иногда находили трупы окоченѣвшими въ положеніяхъ, весьма неудобныхъ для сохраненія равновѣсія, въ такихъ положеніяхъ, что повидимому—если бы окоченѣніе не наступило очень быстро, трупъ непремѣнно упалъ-бы, какъ напр. въ положеніи á la vache (Martin [44]), верхомъ на лошади и т. п. Это явленіе очень интересно, но—къ сожалѣнію—здѣсь вполнѣ точныхъ наблюденій еще нѣтъ. Однако возможность такого быстраго окоченѣнія нельзя признать невѣроятною: опыты на животныхъ показываютъ, что если нанести сильное поврежденіе верхняго отдѣла продолговатаго мозга, то наступаетъ тетаническое сокращеніе мышцъ, которыя уже не разслабляются вплоть до появленія въ нихъ трупнаго окоченѣнія (Falck и Schroff [45]), и животное сохраняетъ именно то положеніе, въ которомъ его застигла смерть. Очень можетъ быть, что и у людей это возможно, какъ при травмѣ извнѣ, такъ и при патологическихъ процессахъ въ продолговатомъ мозгу, или при кровоизліяніяхъ въ немъ. Большею частью, но далеко не всегда, трупное окоченѣніе появляется прежде всего въ мышцахъ затылка и нижней челюсти (жевательныя мышцы); затѣмъ постепенно охватываетъ мышцы туловища, верхнихъ и нижнихъ конечностей. Исчезаетъ тоже не вдругъ—иногда въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ наступало, а иногда не придерживаясь этого порядка.

Трупное окоченѣніе настолько важно для судебнаго врача въ практическомъ отношеніи, и настолько интересно въ научномъ, что я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе.

Давно уже оно обратило на себя вниманіе пытливыхъ умовъ и давно уже они старались уяснить сущность этого замѣчательнаго явленія. Подробнымъ изученіемъ трупнаго

окоченѣнія занялись еще въ началѣ XIX столѣтія Nysten ([46]) и Sommer ([47]). Но и до сихъ поръ здѣсь остается много темнаго и загадочнаго. Большею частью объясненія вертѣлись на химической сторонѣ процесса, хотя были тоже попытки опредѣлить и структурныя измѣненія ткани. Въ отношеніи химизма—изслѣдованія привели къ тому, что трупное окоченѣніе происходитъ отъ свертыванія особаго бѣлковаго тѣла—міозина, находящагося въ мышечныхъ волокнахъ (Kühne [48]). Однако несомнѣнно былъ установленъ фактъ, что при этомъ участвуютъ и другіе бѣлки, тоже свертывающіеся. Далѣе—міозинъ свертывается отъ развивающейся въ мышцахъ, при умираніи ихъ, молочной кислоты,—съ другой стороны считали, что при этомъ дѣйствуетъ не сама молочная кислота, а кислый фосфорно-кислый натръ, который образуется при дѣйствіи молочной кислоты на нейтральный фосфорно-кислый натръ. Сдѣлано было также весьма интересное наблюденіе, что мышцы при окоченѣніи развиваютъ угольную кислоту, а угольная кислота, въ свою очередь сама вызываетъ окоченѣніе. Кромѣ этого окоченѣніе можетъ быть вызвано очень многими агентами—кислотами, дистиллированной водой, хлороформомъ и т. п. На первый взглядъ всѣ эти виды окоченѣнія представляются тождественными, а при болѣе тщательномъ изученіи ихъ оказывается, что они представляютъ существенныя различія, такъ напр. въ мышцѣ, въ которой окоченѣніе вызвано дистиллированной водой или угольною кислотою, можетъ совершенно возстановиться электромоторная дѣятельность; между тѣмъ мышца, окоченѣвшая при дѣйствіи хлороформа, подвергается омертвѣнію. Окоченѣніе, вызванное кислотами, напр. молочною, соляною и др., проходитъ, если пропустить щелочную жидкость, а окоченѣніе, вызванное дѣйствіемъ тепла, отъ такого пропусканія щелочныхъ растворовъ не проходитъ. Даже изъ этихъ фактовъ ясно, что окоченѣніе мышцъ не есть результатъ одного какого-либо химическаго процесса, что процессы, происходящіе при этомъ, очень сложны. Желая разъяснить ихъ, ученые увлеклись одною химическою стороною дѣла и

почти игнорировали другую—измѣненія самихъ мышечныхъ элементовъ. Правда, затрогивалась и эта сторона вопроса, но весьма поверхностно, какъ бы между прочимъ. Извѣстны изслѣдованія Ценкера, Краузе, Клоба, Риндфлейша, Гайденгайна, Конгейма и др.; всѣ они сводятся къ тому, что окоченѣвающая мышца подвергается зернистому и восковидному перерожденію. Такая скудость свѣдѣній естественно оставляла желать многаго, и этому желанію до нѣкоторой степени отвѣчаетъ работа, произведенная въ 1887 г. д-ромъ Миловзоровымъ ([49]). Вопросъ о структурныхъ измѣненіяхъ мышцъ при трупномъ окоченѣніи онъ изучалъ экспериментально и пришелъ къ слѣдующему: прежде всего онъ дѣлитъ окоченѣніе на 3 періода: первый—отъ появленія признаковъ затрудненія движеній въ сочлененіяхъ до наступленія полной неподвижности ихъ въ данной области; второй—полное окоченѣніе, когда мышца совершенно не поддается растяженію и сочлененіе совершенно неподвижно, и третій періодъ—разслабленія мышцъ.

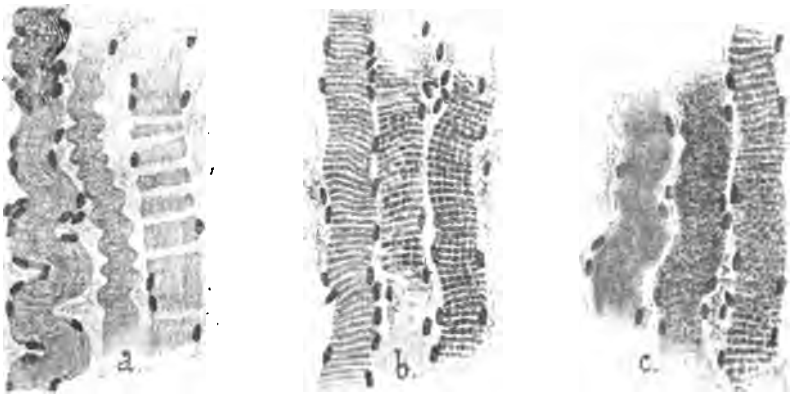
Соотвѣтственно этимъ тремъ періодамъ въ мышцахъ наблюдаются различныя измѣненія, а именно: изслѣдуя всегда бедренныя мышцы, д-ръ Миловзоровъ нашелъ, что въ каждомъ періодѣ преобладаетъ извѣстное измѣненіе мышечныхъ волоконъ; поэтому такое измѣненіе можно признать за характерное для даннаго періода окоченѣнія, а опредѣливъ періодъ окоченѣнія, можно уже до извѣстной степени опредѣлить и время наступленія смерти.

Въ первомъ періодѣ надъ нормальными мышечными волокнами преобладаютъ волнистыя, напоминающія гофрированныя ленты. Волнистость наблюдается не на всемъ волокнѣ, а мѣстами. Кое-гдѣ эти волокна пересѣкаются темными полосками, которыя можно приписать складкамъ саркомы. Продольная исчерченность выражена яснѣе, чѣмъ поперечная. Мышечныя ядра не овальной формы, а болѣе округлы; нѣкоторыя изъ нихъ рѣзко оконтурированы и болѣе зернисты, другія имѣютъ неясные контуры и мало зернисты; наконецъ есть такія, которыя почти совершенно гомогенны или какъ бы посыпаны пылью.

Во второмъ періодѣ нормальныя мышечныя волокна встрѣчаются уже гораздо рѣже, чѣмъ въ первомъ, преобладаютъ-же здѣсь такія волокна, въ которыхъ значительно усилена и рѣзко выдается поперечная исчерченность, что зависитъ отъ увеличенія частичекъ темнаго и свѣтлаго вещества. Ядра вообще рѣзче оконтурированы, но замѣтно меньше по своимъ размѣрамъ, чѣмъ въ первомъ періодѣ.

Третій періодъ характеризуется тѣмъ, что нормальныхъ мышечныхъ волоконъ почти уже нельзя найти; преобладаютъ зернистыя волокна, при чемъ въ нѣкоторыхъ между зернистостью еще замѣчается поперечная исчерченность, въ другихъ она совершенно исчезла и волокна представляются чрезвычайно мелкозернистыми, и наконецъ третьи представляютъ очень крупную зернистость. Количество ядеръ уменьшено и они сморщены.—Зернистость не исчезаетъ отъ дѣйствія спирта, эфира и др. растворителей жировъ. Въ волокнахъ съ ослабленною поперечною исчерченностью уксусная и соляная кислоты, а также и щелочи вызываютъ усиленіе этой исчерченности вслѣдствіе уничтоженія зернистости, а крупно-зернистыя волокна отъ этихъ реактивовъ дѣлаются гомогенными.

1.



Эти данныя были провѣрены въ завѣдуемомъ мною Кабинетѣ Судебной Медицины въ 1901 году студентами Пенскимъ и Дановичемъ, и въ большей своей части подтвердились. Ясное представленіе описанныхъ измѣненій даетъ рисунокъ 1-й, сдѣланный по микрофотограммамъ.

Результаты провѣрки разнятся отъ данныхъ, полученныхъ д-ромъ Миловзоровымъ только тѣмъ, что первый періодъ (a) характеризуется кромѣ гофрированныхъ волоконъ еще волнистыми, змѣевидными волокнами, нѣсколько увеличенными въ поперечномъ размѣрѣ; въ нихъ поперечная исчерченность не ясна, а продольная на оборотъ—усилена. Кромѣ этого „гофрированныя" волокна Миловзорова представляютъ собою повидимому ничто иное, какъ волнистыя или змѣевидныя волокна, у которыхъ верхушки складокъ срѣзаны бритвой.

Во второмъ періодѣ (b) очень многія волокна представляютъ рѣзкое уменьшеніе діаметра, сравнительно съ волокнами перваго періода; характернымъ-же признакомъ этого періода является выпрямленіе гофрированныхъ и змѣевидныхъ волоконъ, рѣзкое усиленіе не только поперечной, но и продольной исчерченности. Эта послѣдняя въ нѣкоторыхъ волокнахъ выражена до того рѣзко, что можно различать отдѣльныя волоконца.

Въ третьемъ періодѣ (c), кромѣ измѣненій, указанныхъ Миловзоровымъ, можно отмѣтить вновь нѣкоторое увеличеніе діаметра волоконъ.—Такимъ образомъ въ первомъ періодѣ поперечный размѣръ волоконъ увеличивается, во второмъ—уменьшается, а въ третьемъ снова нѣсколько увеличивается, но только сравнительно со вторымъ періодомъ, а не съ нормой, по отношенію къ которой онъ всегда меньше. Многочисленныя измѣренія дали въ этомъ отношеніи слѣдующія цифры:

Тотчасъ послѣ смерти:	1 періодъ:	2 періодъ:	3 періодъ:
0,02465	0,03266	0,01783	0,02256.

Относительно зернистости оказалось, что тѣ мѣста волоконъ, гдѣ поперечная исчерченность выражена очень слабо, или гдѣ ясно замѣтна зернистость, совсѣмъ не обнаруживаютъ способности двойного преломленія, тогда какъ мѣста съ ясною поперечною исчерченностью даютъ свѣтлыя

пятна на волокнѣ (Пенскій). Изъ этого повидимому можно заключить, что если способность двойнаго преломленія зависитъ отъ присутствія дисдіакластовъ, какъ это говоритъ Brücke ([50]), то потеря этой способности должна указывать на дезорганизацію дисдіакластовъ и на происхожденіе зернистости отъ распаденія ихъ.

Трупныя пятна. Слѣдующее измѣненіе, замѣчаемое на трупѣ, есть появленіе такъ называемыхъ трупныхъ пятенъ. Подъ этимъ общимъ названіемъ надо разумѣть цѣлый рядъ измѣненій какъ въ наружныхъ покровахъ тѣла, такъ и во внутреннихъ органахъ и тканяхъ. Одни изъ нихъ появляются въ 1-мъ ряду трупныхъ измѣненій т. е до наступленія гніенія, другія—во 2-мъ ряду, т. е. когда уже начинается процессъ разложенія тканей.—Въ началѣ онѣ зависятъ только отъ механическаго перемѣщенія крови: въ трупахъ, особенно съ несвернувшеюся кровью (при смерти отъ асфиксіи), кровь легко стекаетъ по тяжести въ сосуды нижележащихъ частей и мало по малу накопляется въ нихъ; происходитъ родъ гипереміи—посмертной, и такая гиперемированная часть представляетъ красновато-фіолетовую или синеватую окраску. Эту первую стадію трупнаго пятна и можно назвать трупнымъ гипостазомъ.

Гипостазы появляются обыковенно въ промежутокъ времени отъ 3 до 10 часовъ послѣ смерти и образуются, какъ въ кожѣ, такъ и во внутреннихъ органахъ, занимая всегда наиболѣе низко-лежащія части ихъ. Слѣдовательно—по расположенію трупныхъ гипостазовъ всегда можно опредѣлить—въ какомъ положеніи трупъ оставался послѣ смерти. При обыкновенномъ положеніи трупа навзничь, наружные гипостазы располагаются главнымъ образомъ на спинѣ, въ кожѣ грудной и поясничной части ея, переходя болѣе или менѣе на заднебоковыя стѣнки груди. Поворотивъ трупъ на бокъ, чтобы осмотрѣть его спину, замѣчаютъ на ней между синеватыми или фіолетово-багровыми пятнами совершенно бѣлые участки кожи на лопаткахъ, ягодицахъ и икрахъ; это тѣ мѣста, которыми трупъ непосредственно

опирался на свое ложе: здѣсь сосуды сдавливаются и не могутъ наполняться опускающеюся кровью, почему такія мѣста и остаются совершенно свободными отъ гипостазовъ. При положеніи трупа ничкомъ гипостазы покрываютъ переднюю поверхность тѣла. Наконецъ при положеніи на боку иногда получаются картины, которыя могутъ ввести въ заблужденіе; такъ—Maschka ([51]) сообщилъ случай, гдѣ у старухи, умершей отъ кровоизліянія въ мозгъ и лежавшей на правомъ боку, вся правая сторона лица, шеи и груди была покрыта сине-багровыми пятнами и разсѣянными мелкими кровоподтеками, что было принято за признаки насилія и предположено удавленіе.—У повѣсившихся и долго висѣвшихъ въ петлѣ, гипостазы появляются прежде всего на стопахъ ногъ и затѣмъ уже постепенно распространяются кверху. Цвѣтъ ихъ обыкновенно синевато—или фіолетово-красный; но если кровь измѣнена, какъ это бываетъ напр. при смерти отъ угара, то гипостазы представляютъ особенный, яркій розово-красный цвѣтъ. Однако подобный-же цвѣтъ они получаютъ и тогда, когда трупъ долго остается во влажномъ и холодномъ мѣстѣ, напр. лежитъ въ погребѣ, на льду и т. п.; при этомъ кровь поглощаетъ кислородъ изъ влаги и дѣлается свѣтло-алою.

Что касается быстроты появленія трупныхъ гипостазовъ, то ясно, что чѣмъ жиже будетъ кровь въ трупѣ, какъ напр. у умершихъ отъ асфиксіи, тѣмъ скорѣе появляются и тѣмъ рѣзче будутъ выражены гипостазы. Даже на трупахъ людей, умершихъ отъ сильнѣйшихъ кровотеченій, они несомнѣнно появлятся, но только, конечно, черезъ гораздо болѣе длинные промежутки времени—на 3—4 сутки. Можно встрѣтиться съ ошибочнымъ мнѣніемъ, что на такихъ обезкровленныхъ трупахъ гипостазы не образуются: конечно, если трупъ вскрываютъ на 1—2 сутки, то въ это время гипостазовъ можетъ и не быть, но если подождать еще 2—3 дня, то они навѣрно появятся.

Для опредѣленія гипостаза никогда не слѣдуетъ довольствоваться наружнымъ видомъ его—необходимо разрѣзать

изслѣдуемое мѣсто ножомъ: тогда изъ перерѣзанныхъ сосудовъ, растянутыхъ кровью, быстро выступаютъ капли крови, которыя легко смываются струею воды, а на ихъ мѣстѣ тотчасъ-же появляются новыя.

Что касается внутреннихъ органовъ, то тамъ гипостазы распознаются потому, что занимаютъ наиболѣе низколежащіе участки (при данномъ положеніи трупа), которые представляются сочными, темно-краснаго цвѣта, тогда какъ вышележащія части блѣдны и сухи. Такъ напр. въ легкихъ, при положеніи трупа на спинѣ, ткань въ нижне-заднихъ отдѣлахъ представляется болѣе или менѣе темно-красною, сочною, съ поверхности разрѣза на ножъ принимается довольно большое количество темно-красной пѣнистой жидкости; передне-верхніе отдѣлы въ тоже время блѣдны, гораздо суше и съ поверхности разрѣза получается незначительное количество блѣдно-красноватой жидкости.

Вообще трупные гипостазы во внутреннихъ органахъ легко могутъ повести къ ошибкамъ при невнимательномъ изслѣдованіи и при недостаточномъ обсужденіи найденныхъ фактовъ. Такъ напр. при вскрытіи черепа у трупа, долго лежавшаго на спинѣ и при томъ—если голова сильно свѣшивалась, по снятіи черепной крышки находятъ сильное наполненіе кровью сосудовъ твердой мозговой оболочки, продольнаго синуса, мягкой мозговой оболочки и отекъ субъ-арахноидальныхъ пространствъ. Если только не обратить вниманія на то, что всѣ эти явленія занимаютъ при данномъ положеніи трупа именно самые низко-лежащіе участки описанныхъ частей, то несомнѣнные трупные гипостазы можно принять за прижизненную гиперемію (у многихъ неопытныхъ обдуцентовъ—„воспаленіе и отекъ мозговыхъ оболочекъ“, какъ причина смерти!).

Точно также легко образуются гипостазы въ стѣнкахъ желудка, занимая здѣсь главнымъ образомъ заднюю стѣнку, которая при положеніи трупа на спинѣ, находится ниже остальныхъ частей желудка. Въ кишкахъ они наблюдаются въ тѣхъ петляхъ, которыя лежатъ болѣе кзади и помѣщаются

въ полости малаго таза. Въ печени, почкахъ и селезенкѣ они распознаются безъ особеннаго труда, именно—повидимому полнокровный органъ не представляетъ измѣненій, связывающихся съ прижизненною гиперемiей.—Тщательное изслѣдованіе и обсужденіе находимыхъ явленій научаетъ распознавать ихъ скорѣе и лучше, чѣмъ самое точное и подробное описаніе.

Если трупъ остается въ тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, при которыхъ развился данный гипостазъ, то въ этомъ послѣднемъ наступаютъ дальнѣйшія измѣненія, а именно: въ сосудахъ, по мѣрѣ накопленія крови, повышается давленіе; вслѣдствіе этого жидкія части крови начинаютъ просачиваться сквозь стѣнки сосудовъ и тѣмъ легче, что мертвыя ткани ихъ стѣнокъ уже не представляютъ такого сопротивленія, какъ живыя. Жидкія части крови пропитываютъ ткань, дѣлаютъ ее сочною и такимъ образомъ—на мѣстѣ бывшаго гипостаза образуется трупный отекъ, какъ второй видъ „трупнаго пятна". При разрѣзѣ ножемъ изъ ткани выступаетъ водянистая жидкость, а изъ перерѣзанныхъ сосудовъ показываются капли крови.

Если стеканіе крови въ сосуды продолжается дальше, то отчасти вслѣдствіе наростающаго давленія, отчасти вслѣдствіе трупнаго измѣненія самихъ стѣнокъ, сосуды разрываются и изъ нихъ въ ткань выходитъ кровь—получается посмертный кровоподтекъ, какіе нерѣдко наблюдаются на ногахъ повѣсившихся, если трупъ долго остается въ петлѣ. Эти кровоподтеки обыкновенно не велики, такъ какъ разрываются самые мелкіе сосуды и въ небольшомъ количествѣ. Однако при извѣстныхъ условіяхъ на такихъ мѣстахъ могутъ образоваться кровоподтеки и болѣе значительной величины, это именно—если по такому мѣсту будетъ нанесенъ ударъ, при которомъ разорвутся болѣе крупные сосуды; тогда кровь, вытекающая мало по малу изъ разорванныхъ сосудовъ, накопляется въ ткани, можетъ даже свернуться здѣсь и образовать значительный кровоподтекъ *).

*) Трупная кровь, не свернувшаяся послѣ смерти, выходя изъ сосудовъ на воздухъ, въ полости тѣла и въ ткани, свертывается подобно живой крови.

Къ числу трупныхъ явленій 1-го ряда т. е. развивающихся до наступленія гніенія, должно отнести также высыханіе кожи на извѣстныхъ мѣстахъ. Такія мѣста представляются въ видѣ небольшихъ полупрозрачныхъ пятенъ, буро-желтаго цвѣта, похожихъ на пергаментъ, почему они и получили названіе пергаментныхъ пятенъ. Они появляются или на мѣстахъ, гдѣ кожа особенно тонка, какъ напр. на губахъ, на мошонкѣ; или тамъ, гдѣ на кожу передъ смертью, а также не долгое время послѣ смерти, что-либо значительно давило, какъ напр. воротникъ рубахи, подвязки на ногахъ и т. п.; или наконецъ на мѣстахъ ссадинъ, все равно произошли-ли онѣ незадолго до смерти, или причинены послѣ смерти, что нерѣдко бываетъ при переноскѣ труповъ, при случайномъ паденіи трупа и т. п. Въ первыхъ двухъ случаяхъ высыханію кожи помогаетъ то обстоятельство, что на мѣстахъ давленія изъ кожи выдавливается кровь и тканевая жидкость, а въ послѣднемъ—отсутствіе эпидермиса, который при осадненіи сдирается, что облегчаетъ болѣе быстрое испареніе жидкости на такихъ мѣстахъ кожи, и она высыхаетъ прежде, чѣмъ подвергнется гніенію.

Въ судебно-медицинскомъ отношеніи это явленіе важно потому, что совершенно подобное ему получается и въ томъ случаѣ, когда давленіе, ссадины и т. п. причинены при жизни, напр. во время самозащиты при нападеніи.

И такъ—первый рядъ трупныхъ явленій, предшествующихъ гніенію тканей, будутъ составлять: охлажденіе трупа, трупное окоченѣніе, гипостазы наружныхъ покрововъ и внутреннихъ органовъ, мѣстныя высыханія кожи или пергаментныя пятна. Оцѣнкой трупныхъ явленій 1-го ряда чаще другихъ приходится пользоваться для опредѣленія давности смерти; конечно для этой цѣли иногда служатъ и другія явленія, и какъ примѣръ можно привести изслѣдованіе содержимаго желудка: руководствуясь физіологическими данными относительно времени, потребнаго для переваривания пищи, по состоянію найденнаго содержимаго желудка судятъ

о времени наступленія смерти. Но въ этомъ отношеніи надо быть осторожнымъ: оказывается, что пища можетъ перевариваться въ желудкѣ и послѣ смерти. Д-ръ Ferrai ([67]) экспериментально на животныхъ установилъ, что пища продолжаетъ перевариваться и послѣ смерти, и не только въ желудкѣ, но и въ 12-ти перстной кишкѣ, и здѣсь даже еще энергичнѣе, чѣмъ въ желудкѣ.—Такъ если животное убито вначалѣ пищеваренія, то это послѣднее длится въ среднемъ около 7 часовъ. На продолжительность его имѣетъ большое вліяніе t° окружающей среды, которая оказываетъ еще большее вліяніе на напряженность пищеваренія: оно достигаетъ maximum'а при внѣшней t° 28—30° Ц.; при t° выше 30° Ц. желудокъ трупа втеченіе 10 часовъ перевариваетъ столько, сколько желудокъ живаго животнаго втеченіе 1 часа. Посмертное перевариваніе пищи находится въ обратномъ отношеніи къ количеству ея: чѣмъ ее больше, тѣмъ перевариваніе идетъ хуже.

Гніеніе. Дальнѣйшія измѣненія наступаютъ во время гніенія трупа и составляютъ второй рядъ трупныхъ явленій.

Время, когда появляется гніеніе, и быстрота, съ которою оно развивается, зависятъ прежде всего отъ той среды, въ которой трупъ находится. Касперъ говоритъ и Гофманъ своими наблюденіями подтверждаетъ, что при средней t° и прочихъ равныхъ условіяхъ, гніеніе трупа на открытомъ воздухѣ относится къ гніенію его въ водѣ и въ землѣ, какъ 1: 2: 8 т. е. на открытомъ воздухѣ напр. черезъ 1 недѣлю трупъ будетъ представлять уже такую степень гніенія, какая подъ водой наступаетъ въ немъ только черезъ 2 недѣли, а въ землѣ черезъ 8 недѣль. Затѣмъ уже весьма многое зависитъ отъ ряда другихъ условій, напр. отъ возраста и крѣпости сложенія: трупы дѣтей загниваютъ скорѣе, чѣмъ трупы взрослыхъ субъектовъ; трупы больныхъ, особенно при заразныхъ болѣзняхъ, скорѣе чѣмъ трупы крѣпкихъ, здоровыхъ людей. Точно также t° и свойства среды оказываютъ въ этомъ отношеніи большое вліяніе на быстроту процесса

гніенія. Вообще же должно помнить, что вначалѣ гніеніе идетъ весьма быстро и затѣмъ постепенно замедляется.

Изъ всѣхъ тканей прежде всего измѣняется кровь, и измѣненіе ея начинается на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на нее легче вліяетъ воздухъ, именно въ мѣстахъ наружныхъ гипостазовъ. Вслѣдствіе разложенія красныхъ кровяныхъ тѣлецъ сыворотка окрашивается освобождающимся гемоглобиномъ и, продолжая просачиваться черезъ стѣнки сосудовъ въ окружающую ткань, все больше и больше имбибируетъ ее, окрашивая въ грязно-красный цвѣтъ. Вслѣдъ за этимъ начинаетъ разлагаться и гемоглобинъ, измѣняя свой цвѣтъ, вслѣдствіе чего гипостазы, представлявшіеся вначалѣ болѣе или менѣе красными пятнами, пріобрѣтаютъ теперь грязно-бурую окраску. Въ то-же время появляется мѣстная окраска кожи и на высоко-лежащихъ частяхъ т. е. даже тамъ, гдѣ въ сосудахъ содержится весьма незначительное количество крови, но и этого количества достаточно для того, чтобы продукты разложенія, оставаясь даже въ сосудахъ, придали кожѣ тотъ или другой цвѣтъ. Эти пятна появляются прежде всего въ кожѣ живота и принимаютъ сразу зеленоватый цвѣтъ вслѣдствіе того, что кровь здѣсь разлагается особенно быстро подъ вліяніемъ кишечныхъ газовъ и главнымъ образомъ—сѣроводорода.

Гнилостные пузыри. Дальнѣйшія измѣненія въ трупѣ, идущія объ руку съ гніеніемъ, будутъ слѣдующія: по мѣрѣ просачиванія сыворотки и накопленія ее въ кожѣ, эпидермисъ поднимается въ видѣ пузырей, или-же подмывается сывороткой на столько, что очень легко можетъ быть удаленъ. Въ то-же время начинается развитіе гнилостныхъ газовъ въ подкожной клѣтчаткѣ—образуется кожная эмфизема: кожа какъ-бы припухаетъ, при давленіи пальцемъ ясно слышится трескъ; вслѣдствіе этого вздутія кожи формы тѣла округляются и въ концѣ концовъ трупъ, какъ говоритъ Casper ([52]), принимаетъ гигантскій видъ. Въ такомъ состояніи даже самые близкіе къ покойному люди не могутъ узнать его, тѣмъ болѣе, что къ этому времени кожа окраши-

вается въ темный зеленовато-грязный цвѣтъ. Между тѣмъ можетъ встрѣтиться крайняя необходимость опредѣлить личность покойнаго; въ такихъ случаяхъ Гофманъ совѣтуетъ поступать такъ: вскрыть полость черепа, какъ обыкновенно, затѣмъ отдѣлить голову отъ туловища, сдѣлать нѣсколько надрѣзовъ кожи на затылкѣ, за ушами, подъ нижнею челюстью (на невидныхъ мѣстахъ) и вымочить приготовленную такимъ образомъ голову 12—20 часовъ въ проточной водѣ. Вода уноситъ тѣ продукты разложенія крови, которые обусловливаютъ окраску кожи; теперь вымоченную голову должно перенести въ насыщенный спиртовый растворъ сулемы,—здѣсь окончательно исчезаетъ зеленоватое окрашиваніе, а также и эмфизема; черты лица принимаютъ такой видъ, что по нимъ по крайней мѣрѣ можно узнать покойника.

Гнилостныя полосы и сѣти. Одновременно съ развитіемъ газовъ въ подкожной клѣчаткѣ, въ кожѣ трупа, преимущественно на ногахъ, но также и на туловищѣ, появляются широкія полосы синевато-зеленаго цвѣта, иногда образующія сѣти: это просвѣчиваетъ разлагающаяся кровь, выступившая изъ растянутыхъ газами венъ и расположившаяся во влагалищахъ этихъ сосудовъ.

Гніеніе внутреннихъ органовъ. Рядомъ съ описанными наружными измѣненіями идетъ и гніеніе внутреннихъ органовъ. Всѣ они вообще представляются дряблыми, сильно имбибированными кровянистою жидкостью, а нѣкоторые, какъ напр. легкія, представляютъ уже довольно рано и трупную эмфизему, которая впослѣдствіи появляется и въ другихъ паренхиматозныхъ органахъ.

Быстрота процесса гніенія. Скорость, съ которою наступаетъ и идетъ впередъ гніеніе внутреннихъ органовъ, зависитъ отъ множества причинъ; такъ напр. простое отсутствіе фекальныхъ массъ въ кишечникѣ можетъ значительно задерживать гніеніе. Вообще-же оно наступаетъ и идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ жиже кровь; такимъ образомъ въ случаяхъ смерти

отъ асфиксіи (а также и при отравленіи фосфоромъ) гніеніе внутреннихъ органовъ идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ при другихъ родахъ смерти, когда кровь свертывается. При отравленіи веществами, имѣющими антисептическія свойства, какъ напр. мышьякъ, сулема и т. п., напротивъ—замѣчается значительное замедленіе гніенія. Быстрѣе же всего оно наступаетъ при такихъ заболѣваніяхъ, какъ септицемія: лѣтомъ уже черезъ 12—24 часа трупъ представляетъ такую степень гніенія, какую при другихъ условіяхъ можно увидѣть только черезъ 5—6 дней.

Могучимъ агентомъ при гніенія является воздухъ,—это въ особенности рѣзко видно на трупахъ утопленниковъ, вынутыхъ изъ воды: будучи оставлены на воздухѣ, они загниваютъ чрезвычайно быстро. Точно то-же можно сказать и о трупахъ умершихъ отъ замерзанія; разъ оттаянные, они съ каждымъ часомъ быстро разрушаются.

Исходы гніенія. Гніеніе того или другого вещества, способнаго гнить, возможно только при условіи содержанія въ немъ извѣстнаго количества воды,—только при этомъ условіи вещество начинаетъ распадаться на жидкіе и газообразные продукты, что и является обыкновеннымъ исходомъ гніенія. Но если вещество потеряетъ всѣ свои жидкія части прежде, чѣмъ въ немъ начнется гніеніе, то съ этого момента уже совершенно застраховано отъ него: оно засыхаетъ и въ этомъ состояніи, при благопріятныхъ условіяхъ, сохраняется неопредѣленно долго. Такая быстрая потеря воды или правильнѣе—жидкихъ частей, происходитъ лучше всего при дѣйствіи на мертвое органическое вещество сухого воздуха, а если сухой воздухъ при томъ еще и мѣняется довольно быстро, то вещество успѣваетъ засохнуть прежде, чѣмъ загніетъ.—Однако то-же самое можетъ происходить и въ сухой, пористой землѣ, особенно если она содержитъ такія составныя части, которыя болѣе или менѣе жадно поглащаютъ воду. Потеря жидкихъ частей происходитъ путемъ диффузіи изъ глубины къ поверхности, но эти процессы не всегда ясны и просты, не всегда ихъ можно распознать

и установить. Повидимому въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла диффузія можетъ начинаться съ такою интензивностью, что эти части совершенно высыхаютъ въ то время, когда въ другихъ частяхъ экзосмозъ происходитъ или въ значительно меньшей степени, или совсѣмъ не наступаетъ, и даже вмѣсто экзосмоза наоборотъ—начинается диффузія изъ окружающей среды въ ткань. Причины могутъ заключаться какъ въ особенностяхъ окружающей среды, такъ и въ особенностяхъ тканей. Вліяніе этихъ условій особенно сказывается на трупахъ, зарытыхъ въ землю: при массовыхъ разрываніяхъ могилъ, особенно-же общихъ, очень часто находятъ одни трупы высохшими, другіе въ состояніи жировоска, третьи въ состояніи гніенія, и это не только въ отдѣльныхъ могилахъ одного и того-же участка земли, но даже и въ общихъ могилахъ. Orfila думалъ объяснить это значеніемъ пола и возраста, но конечно ближе всего здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на особенности почвы: степень ея пористости, составъ ея, глубину, на которой зарытъ трупъ, отношеніе уровня слоевъ, проводящихъ воду и т. п.,—все это должно имѣть несомнѣнно большое значеніе для химическихъ процессовъ въ почвѣ, а отсюда и въ трупѣ. Riecke ([53]) наблюдалъ высыханіе труповъ въ почвѣ, богатой селитрой,—весьма возможно, что здѣсь все зависѣло отъ экзосмоза изъ трупа въ окружающую землю, богатую этою солью.

Измѣненію часто подвергаются отдѣльныя части трупа, но нерѣдко оно захватываетъ и весь трупъ, и называется мумификаціей. Мумифицированные трупы поражаютъ своею легкостью: Toussaint ([54]) нашелъ, при длинѣ тѣла въ 5 фунтовъ 4 дюйма, вѣсъ всего 12 фунтовъ, т. е. между 5—6 К°; трупы, найденные въ Sinzig'ѣ на Рейнѣ, вѣсили до 13,5 фунтовъ (немного болѣе 6 К°); подобныя-же данныя сообщены и многими другими наблюдателями изъ различныхъ мѣстъ.

Такое сильное уменьшеніе вѣса тѣла при мумификаціи трупа указываетъ на то, что въ этомъ процессѣ не все зависитъ только отъ потери воды. Если принять средній вѣсъ

тѣла въ 70 К°, а вѣсъ его-же въ состояніи мумификаціи въ 6 К°, то отсюда слѣдовало-бы, что въ трупѣ до высыханія содержалось почти 91,5°/₀ воды вмѣсто 75°/₀ (это самое большее). Слѣдовательно уменьшеніе вѣса тѣла при мумификаціи происходитъ не единственно только на счетъ испаренія содержавшейся въ немъ воды. Это еще виднѣе изъ сопоставленія данныхъ относительно высыханія мышечной и костной ткани (Bischoff): въ тѣлѣ человѣка, вѣсомъ въ 70 К° и съ содержаніемъ 75,5°/₀ воды, свѣжіе мускулы вѣсятъ 29,2 К°, слѣдов. по высыханіи они дали-бы 10°/₀ вѣса тѣла т. е. въ этомъ сухомъ видѣ они одни вѣсили-бы около 7 К°, а вмѣстѣ съ костями, составляющими до высыханія почти 16°/₀ вѣса тѣла, получилось-бы 14 К° т. е. мумифицированный трупъ вѣсилъ-бы вдвое болѣе, чѣмъ онъ вѣситъ въ дѣйствительности, не считая даже кожи, остатковъ внутренностей, остатковъ крови и т. д. Такимъ образомъ при высыханіи трупа надо считаться не съ однимъ испареніемъ воды, а также съ химическими процессами, благодаря которымъ изъ трупа, кромѣ воды, уходитъ наружу значительное количество продуктовъ измѣненія какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ веществъ (Schauenstein [55]).

Въ трупахъ при быстрой потерѣ воды кожа высыхаетъ прежде, чѣмъ начнетъ гнить. Между тѣмъ во внутреннихъ органахъ гніеніе продолжается, при чемъ всѣ образующіеся газы и пары мало по малу улетучиваются и испаряются черезъ высохшую кожу. Хотя ткани и органы такимъ образомъ уничтожаются, но кожа почти не спадается въ силу того, что она раньше высохла и приняла стойкія формы. Въ концѣ концовъ трупъ представляется состоящимъ буквально изъ кожи и костей.—Объ одномъ такомъ случаѣ, бывшемъ въ Финляндіи много лѣтъ назадъ, сообщалъ на своихъ лекціяхъ мой глубокоуважаемый учитель—проф. И. М. Сорокинъ: разорившагося барона, оставившаго послѣ своей смерти много долговъ, въ назиданіе другимъ неисправнымъ должникамъ лишили погребенія и оставили его трупъ въ часовнѣ надъ фамильнымъ склепомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ

случайные посѣтители кладбища нашли въ этой часовнѣ хорошо сохранившійся трупъ, но когда притронулись къ нему, то онъ издалъ глухой звукъ, подобный звуку слабо натянутой кожи барабана, оказался совершенно высохшимъ и чрезвычайно легкимъ.

На сколько быстро наступаетъ мумификація трупа при свободномъ доступѣ и быстромъ обмѣнѣ сухого воздуха, можетъ указывать слѣдующій случай: года три назадъ здѣсь, въ Харьковѣ, осенью на чердакѣ сарая былъ найденъ мумифицированный трупъ повѣсившагося; покойный исчезъ вначалѣ весны, и слѣдовательно мумификація его трупа наступила втеченіе около полугода.

Похожее измѣненіе наступаетъ также при зарываніи трупа въ негашеную известь, какъ мы убѣдились въ этомъ экспериментально, по поводу одного уголовнаго дѣла, анализомъ котораго мы займемся послѣ очерка трупныхъ явленій. Опыты производились на трупикахъ новорожденныхъ дѣтей и на трупахъ взрослыхъ. Дѣтскіе трупики зарывались въ кучу негашеной извести (25 пудовъ), размѣромъ $2 \times 1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ аршина, на глубину въ $2\frac{1}{2}$ четверти. Вмѣстѣ съ трупикомъ зарывались куски холщевой и бумажной ткани, бѣлой и съ цвѣтными узорами, веревка и кусокъ дерева. Трупы взрослыхъ зарывались въ кучу изъ нѣсколькихъ возовъ извести, при чемъ подъ трупомъ и надъ нимъ слой извести былъ въ $\frac{1}{2}$ аршина толщиною.

По отношенію къ дѣтскимъ трупикамъ приведемъ протоколъ опыта, начатаго 13 февраля 1899 г. Вынутый изъ извести въ первый разъ 9 іюня т. е. почти черезъ 4 мѣсяца, трупикъ представлялъ слѣдующій видъ: поверхность тѣла густо покрыта мелкимъ порошкомъ извести, который съ трудомъ и то не вездѣ, смывается подъ водопроводнымъ краномъ. Формы тѣла вполнѣ сохранились. Эпидермисъ мѣстами сходитъ въ видѣ лоскутовъ; обнаженная отъ него кожа нѣсколько влажна и не вездѣ одинаково окрашена: почти на половинѣ тѣла она грязно-чернаго цвѣта, на остальныхъ же мѣстахъ блѣдно-буроватаго.

Отрѣзокъ пуповины совершенно мумифицировался—онъ сухой, плотный, хрупкій, темнаго желтовато-сѣраго цвѣта.— Покровы головы легко отдѣляются отъ костей, волосы хорошо сохранились. Вѣки закрыты, но глазныя впадины пусты. Мягкихъ частей носа нѣтъ. Обѣ челюсти разошлись по швамъ: губы, мягкія части подбородка и подъ нижнею челюстью сухія, плотныя, ломкія и какъ будто пропитаны известью. Въ остальныхъ частяхъ лица ткани мягки и дряблы. Вся правая рука довольно суха, сморщена, темнаго сѣровато-чернаго цвѣта. На всей лѣвой рукѣ ткани мягки, дряблы, сочны, кисть даже какъ будто припухшая, и эпидермисъ снятъ съ нея цѣликомъ въ видѣ перчатки; въ глубинѣ ткань кожи блѣднаго буровато-ржаваго цвѣта. Никакого зловонія трупъ не издаетъ.

Въ кускахъ полотняной и бумажной ткани никакихъ измѣненій ни въ цвѣтѣ, ни въ прочности не замѣтно. Трупикъ снова былъ зарытъ въ известь и отрытъ 21 апрѣля 1900 г. Теперь т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ черезъ 14 мѣсяцевъ, онъ представлялся бѣлымъ отъ покрывающей его извести, но по удаленіи ея, высохшіе покровы оказались почти чернаго цвѣта. Трупикъ (рис. 2—А) совершенно сухой, твердый и ссохшійся въ передне-заднемъ размѣрѣ на столько, что туловище и конечности его представляются плоскими, какъ бы сплющенными (рис. 2—Б). Мягкія ткани нигдѣ не разрушены, кромѣ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ разрушеніе описано уже раньше, при чемъ далѣе описанной степени оно не пошло. Верхнія и нижнія конечности такъ сплюснуты, и мягкія части ихъ настолько ссохлись, что кости совершенно ясно обрисовываются.

Отрѣзокъ пуповины совершенно высохъ и сплющился, похожъ на полоску смятой толстой бумаги.

Куски холщевой и бумажной ткани вполнѣ сохранили свой прежній видъ, и только красный цвѣтъ въ узорѣ замѣтно поблѣднѣлъ; но бумажныя ткани (ситецъ и коленкоръ) на столько истлѣли, что легко рвутся, льняная же ткань

почти вполнѣ сохранила свою крѣпость.—Веревка (толщиною въ палецъ) не представляетъ никакихъ измѣненій ни въ цвѣтѣ, ни въ крѣпости, равно какъ и кусокъ сосноваго дерева.

Рис. 2.

А. Б.

Трупъ взрослаго человѣка, зарытый въ негашеную известь 15 ноября 1899 года, былъ отрытъ въ первый разъ 21 апрѣля 1900 г. т. е. черезъ 5 мѣсяцевъ: сильно испачканъ известью, мѣстами она въ комкахъ, которые легко удаляются. Формы тѣла вполнѣ сохранены. Цвѣтъ покрововъ бронзовый

(сѣровато-коричневый). Ткани мѣстами почти обыкновенной мягкости и довольно эластичны, хотя при сильномъ сдавливаніи расправляются медленно. На передне-верхней части праваго бедра, на правомъ предплечіи, почти на всей лѣвой рукѣ, мѣстами на груди и животѣ кожа представляется уже довольно твердою, значительно подсохшею.

На пальцахъ рукъ и ногъ, соотвѣтственно переднимъ третямъ обѣихъ стопъ и нижнимъ отдѣламъ пястныхъ костей, мягкія части представляются совершенно высохшими, твердыми, сильно сморщенными.

Во многихъ мѣстахъ эпидермисъ отдѣляется въ видѣ лоскутовъ, представляющихся сухими, на подобіе засохшихъ тонкихъ древесныхъ листьевъ. Тамъ-же, гдѣ эпидермисъ еще не отдѣлился самъ, онъ легко снимается, и обнаженная отъ него ткань кожи представляется слегда влажною, матово-блестящею. Головные волосы сидятъ въ кожѣ еще довольно крѣпко и выдергиваются съ усиліемъ. Глаза довольно глубоко ввалились; остальныя части лица вполнѣ сохранили свои формы. Правая ушная раковина высохла и представляется жесткою; лѣвая въ верхней части своей еще сохранила мягкость. Половой членъ на половину разрушенъ, и продукты его разрушенія образуютъ съ известью неправильные комки; точно такъ-же частично разрушена кожа въ обѣихъ паховыхъ областяхъ, при чемъ подъ собственно-кожей, мѣстами совершенно отсутствующею, лежитъ рыхлый слой, представляющій остатки подкожнаго жира, въ видѣ комочковъ сѣро-желтоватаго цвѣта, совершенно матовыхъ, похожихъ на подсыхающій клейстеръ. Эта масса издаетъ противный гнилостный запахъ (но совершенно другого характера, чѣмъ запахъ жировоска). Между пальцами эти комочки сейчасъ-же расплавляются, превращаясь въ жирную, масло-подобную жидкость, которая быстро пропитываетъ бумагу, дѣлая ее совершенно прозрачною. При микроскопическомъ изслѣдованіи этой массы, раздавленной между покровнымъ и предметнымъ стеклами, хорошо видны жировыя капли, раздавленныя клѣтки, масса мелкихъ гнилостныхъ бактерій съ ясными

движеніями, сѣрозеленоватыя, матовыя непрозрачныя глыбы извести; кристалловъ жирныхъ кислотъ нѣтъ ни слѣда. На препаратѣ, приготовленномъ съ каплею 97%, спирта, при легкомъ раздавливаніи кусочка, видны жировыя клѣтки, капли жира, кусочки извести, зернистая масса, но движеній въ ней незамѣтно; кристалловъ тоже нѣтъ. На препаратахъ, промытыхъ эфиромъ, различаются только оболочки клѣтокъ и незначительное количество жировыхъ капель.

Этотъ самый трупъ, вырытый вторично 18 мая 1901 г. т. е. черезъ $1^1/_2$ года, въ общемъ представляетъ такую-же картину, какъ и дѣтскій трупикъ: онъ также высохъ и сдѣлался совершенно плосскимъ. Покрытъ значительнымъ слоемъ извести, которая довольно легко счищается съ него. По удаленіи извести влажной губкой, кожа представляется темно-коричневаго цвѣта; кожица легко отдирается, и тогда кожа представляется еще болѣе темною.—Внутренніе органы во всѣхъ случаяхъ представляли гнилостныя измѣненія, соотвѣтствовавшія обыкновенному гніенію.

Жировоскъ, омыленіе и объизвествленіе. Другой исходъ гніенія, иногда наблюдаемый въ конечныхъ періодахъ его, извѣстенъ подъ именемъ омыленія трупа. Это названіе для всего процесса подобрано неудачно, такъ какъ выражаетъ только одну изъ трехъ фазъ всего разсматриваемаго измѣненія. Оно имѣетъ мѣсто въ такихъ случаяхъ, когда трупъ гніетъ или подъ водою, или въ очень сырой землѣ т. е. при условіяхъ крайне ограниченнаго доступа воздуха. Въ такихъ случаяхъ жиръ, имѣющійся въ трупѣ, не сгниваетъ окончательно, а подвергается особенному измѣненію, въ которомъ можно различить три фазы:

1) жиръ расщепляется на жирныя кислоты, амміакъ, глицеринъ и масляную кислоту. Послѣднія три тѣла мало по малу уходятъ изъ ткани, а жирныя кислоты кристаллизуются. Но такъ какъ расщепленіе не сразу охватываетъ весь жиръ, то въ извѣстное время онъ представляетъ механическую смѣсь изъ жира, еще не разложившагося, и кристалловъ жирныхъ кислотъ. Эта смѣсь благодаря кристал-

ламъ, представляется плотнѣе обыкновеннаго жира, легко рѣжется ножемъ, на ощупь сальная; напоминаетъ воскъ, перетопленный съ саломъ, почему и получила названіе жировоска. Онъ имѣетъ грязновато-желтый цвѣтъ и издаетъ сильный запахъ стараго швейцарскаго сыра; растворяется въ эфирѣ и легко плавится. Начало превращенія жира въ жировоскъ выражается набуханіемъ и уплотненіемъ ткани: это никогда не наблюдалось ранѣе 6 недѣль пребываніе трупа въ водѣ или въ очень сырой землѣ. Появленіе жировоска въ жировой ткани, заложенной болѣе глубоко, напр. въ сальникѣ, около почекъ и т. д. замѣчалось только черезъ 3 мѣсяца.

2) Подъ дѣйствіемъ частью амміака, а главнымъ образомъ—различныхъ щелочей, растворенныхъ въ той водѣ, которая окружаетъ гніющій трупъ (преимущественно щелочи кальція и магнія), жирныя кислоты омыляются. Въ это время жировоскъ представляетъ уже механическую смѣсь изъ уцѣлѣвшаго еще жира, кристалловъ жирныхъ кислотъ и мыла. Эта масса имѣетъ грязно-сѣроватый цвѣтъ, плотнѣе жировоска, между пальцами даетъ ощущеніе мыла,—такое состояніе жира называется омыленіемъ его.

3) При дальнѣйшемъ гніеніе труппа въ сказанныхъ условіяхъ, черезъ многіе мѣсяцы (8—10 и болѣе) въ омыленномъ жирѣ отлагается болѣе или менѣе значительное количество щелочныхъ земель и извѣстковыхъ солей. Вслѣдствіе этого масса дѣлается довольно твердою, но въ то-же время и очень хрупкою, имѣетъ блѣдно-сѣрый цвѣтъ, грубо зерниста, похожа на известь. Если въ трупѣ было очень много жира и при томъ, если трупъ, во время пребыванія въ водѣ, не подвергался никакимъ механическимъ разрушительнымъ вліяніямъ напр. со стороны водяныхъ насѣкомыхъ и т. п., то онъ вполнѣ сохраняетъ свой внѣшній видъ и представляется какъ-бы изсѣченнымъ изъ сѣроватаго известняка, почему эту фазу измѣненія трупа и можно назвать объизвествленіемъ его. Вотъ это видимое сходство вещества, облекающаго трупъ, съ известью и вводитъ иногда въ заблужденіе,

на которое указываетъ Strassmann въ своемъ руководствѣ: замѣчательна ошибка, говоритъ онъ, которую дѣлаютъ нерѣдко при изслѣдованіи такихъ труповъ: видя, что трупъ покрытъ грязноватою блѣдно-сѣрою массою, принимаютъ ее за известь, на основаніи чего утверждаютъ, что трупъ, прежде чѣмъ попасть въ воду, былъ зарытъ въ известь, и такимъ образомъ даютъ поводъ для цѣлаго уголовнаго дѣла, существующаго все время конечно только въ воображеніи экспертизы и обвиненія. Дословное подтвержденіе этого мы увидимъ при анализѣ одного дѣла, по которому я недавно давалъ свое заключеніе.

Разсматриваемое измѣненіе жира впервые было описано Thouret ([56]) и Fourcroy ([57]) въ 1787 году. Съ тѣхъ поръ мнѣнія относительно происхожденія жировоска раздѣлились: одни стали смотрѣть на него, какъ на продуктъ, получающійся изъ того жира, въ который будто-бы превращаются послѣ смерти всѣ ткани и органы тѣла (путемъ измѣненія бѣлковыхъ веществъ, особенно въ мышцахъ). Даже еще въ 1880 г. Kratter ([58]) твердо держался такого мнѣнія, но уже въ 1879 г. Hofmann высказалъ мнѣніе, что жировоскъ образуется изъ жира, находившагося въ тѣлѣ человѣка ко времени его смерти, а не изъ продуктовъ посмертнаго жироваго перерожденія мягкихъ тканей. Вскорѣ это подтвердили E. Ludwig ([59]) путемъ химическаго изслѣдованія, Reinhardt ([60]) и Aetzmann ([61]) путемъ наблюденій надъ трупами, вырытыми изъ очень сырой земли и вытащенными изъ воды.

Но жировоскъ несомнѣнно встрѣчается и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нормально не бываетъ жира,—это и подало поводъ говорить о превращеніи въ жировоскъ не только жировой ткани, но также и другихъ тканей и даже органовъ. Такой взглядъ держится и до сихъ поръ; такъ напр. Strassmann ([62]) объясняетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: все зависитъ отъ того, въ какомъ отношеніи между собою находятся въ данномъ случаѣ процессы гніенія и превращенія въ жировоскъ; если преобладаетъ или перевѣшиваетъ гніеніе т. е. если оно идетъ быстрѣе, чѣмъ превра-

щеніе въ жировоскъ (какъ это по наблюденіямъ Strassmann'а бываетъ чаще всего), то жиръ, образующійся изъ бѣлковъ въ другихъ тканяхъ, особенно-же въ мышцахъ, не успѣваетъ превратиться въ жировоскъ, уничтожается гніеніемъ, и тогда жировоскъ находятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ при жизни была жировая ткань. Если-же процессы гніенія замедлены, то въ жировоскъ превращаются и всѣ мышцы,—чего однако самъ Strassmann не наблюдалъ, а ссылается на наблюденія Virchow'а, Schauenstein'а и Kratter'а.

Zillner ([63]), подробно занявшійся этимъ вопросомъ, отвергаетъ развитіе въ трупѣ новаго жира изъ бѣлковъ и превращеніе его въ жировоскъ. Если жировоскъ и встрѣчается въ другихъ тканяхъ и даже органахъ, то это происходитъ вслѣдствіе „переселенія жира во время превращенія его" т. е. часть жира, уже имѣющагося въ трупѣ ко времени смерти, во время превращенія его видоизмѣняется въ нейтральный жиръ, который при обыкновенной t^0 остается жидкимъ (E. Ludwig [59]). Это видоизмѣненіе довольно легко проникаетъ черезъ серозныя оболочки и такимъ образомъ можетъ пропитывать ткани и органы. Переселившійся жиръ въ своемъ новомъ мѣстѣ распадается на глицеринъ и жирныя кислоты точно такъ-же, какъ и оставшійся на мѣстѣ. Масляная кислота, жидкая при обыкновенной t^0, скоро исчезаетъ, и остаются только кислоты высшаго порядка въ видѣ кристалловъ. Намъ кажется, что кромѣ этого способа превращенія въ жировоскъ другихъ тканей, можно допустить, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, еще одинъ путь: если принять во вниманіе, что *жировое перерожденіе* тканей въ тѣлѣ человѣка далеко не рѣдкое явленіе, то отсюда будетъ самый простой переходъ къ возможности превращенія въ жировоскъ такой жирно-перерожденной ткани безъ всякаго пропитыванія ее „переселяющимся жиромъ".

Жировоскъ, какъ масса вполнѣ пластическая, хорошо сохраняетъ слѣды внѣшняго насилія, причиненнаго еще при жизни. Такъ напр. Kratter описалъ весьма интересный случай, когда на трупѣ, подвергшемся уже омыленію, черезъ

1 годъ послѣ смерти можно было ясно различить на шеѣ странгуляціонную борозду, при чемъ видны были даже отпечатки отдѣльныхъ завитковъ веревки, которою покойный былъ удавленъ.

Гніеніе отдѣльныхъ тканей. Описавъ гніеніе въ общемъ, мы должны остановиться, хотя по возможности кратко, на процессѣ гніенія отдѣльныхъ тканей и органовъ. Разсматривая процессъ гніенія кожи со всѣми ея частями, остановимся прежде всего на эпителіѣ ея.

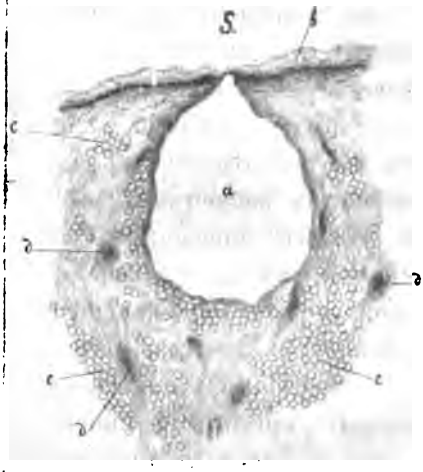
Эпителіальный покровъ кожи. Роговой слой—epidermis противостоитъ гніенію неопредѣленно долго. Въ эпителіѣ Мальпигіева слоя гнилостныя измѣненія наступаютъ относительно скоро и состоятъ въ томъ, что клѣтки его дѣлаются сначала мутными, затѣмъ крупно-зернистыми и наконецъ наступаетъ помутнѣніе ядеръ. Затѣмъ клѣтки все болѣе и болѣе застилаются зернитостью, но долго сохраняютъ свой видъ и нормальное отношеніе какъ между собою, такъ и къ соединительной ткани. Этимъ картина гніенія эпителія и отличается отъ патологическихъ процессовъ въ немъ, при которыхъ мы всегда найдемъ измѣненное отношеніе клѣточныхъ элементовъ и продукты ихъ активнаго участія въ процессѣ.

Соединительная ткань. Соединительная ткань кожи при гніеніи подвергается слѣдующимъ измѣненіямъ: прежде всего въ ней появляется трупная окраска въ видѣ грязно-зеленыхъ пятенъ, о которыхъ мы уже говорили. Затѣмъ кожа разрыхляется, начинаетъ понемногу отдѣляться отъ подлежащихъ мягкихъ частей, цвѣтъ ея дѣлается грязно-оранжевымъ, затѣмъ бурымъ, темнымъ, и въ то-же время въ ней развиваются гнилостные газы.

Трупная эмфизема. Образованіе пузырей, содержащихъ эти газы, начинается прежде всего на мѣстахъ гипостазовъ, а затѣмъ они появляются преимущественно на лицѣ, шеѣ, верхней части грудной клѣтки, половыхъ органахъ и конечностяхъ. На быстроту появленія ихъ много вліяетъ быстрота гніенія въ данной области тѣла, а это въ свою очередь много

зависитъ даже отъ того, напр.,—закрыта чѣмъ нибудь эта область или обнажена: многочисленныя наблюденія несомнѣнно показали, что гніеніе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, наступаетъ быстрѣе всего въ такихъ мѣстахъ тѣла, которыя остаются послѣ смерти не прикрытыми одеждой, и, наоборотъ,—чѣмъ одежда плотнѣе и непроницаемѣе, какъ напр. гуттаперчевые плащи, тѣмъ больше она задерживаетъ гніеніе. На такихъ мѣстахъ, гдѣ въ ткани накопилось уже значительное количество гнилостныхъ газовъ, замѣчается какъ-бы припуханіе, а при давленіи пальцемъ ощущается трескъ, зависящій отъ перемѣщенія газовъ. Это измѣненіе въ кожѣ, напоминающее прижизненную эмфизему, и называется трупною эмфиземою. Постепенное развитіе ея идетъ слѣдующимъ образомъ: въ сосудахъ того или другого участка кожи съ подкожной клѣтчаткой начинаетъ разлагаться кровь; жидкія части ея, окрашенныя красящимъ веществомъ разлагающихся красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, просачиваются сквозь стѣнки сосудовъ, пропитываютъ ткань, дѣлаютъ ее влажною, сочною, болѣе рыхлою и придаютъ ей буро-красный цвѣтъ. Въ это время кожа макроскопически представляется пропитанною кровянистою жидкостью (что, какъ мы видѣли, при извѣстныхъ условіяхъ и можетъ быть принято за кровоподтекъ). Далѣе—при разложеніи крови въ сосудахъ въ нихъ накопляются гнилостные газы, которые и разрываютъ гдѣ нибудь стѣнку сосуда, къ этому времени тоже измѣненную гніеніемъ,—и кровь выступаетъ вмѣстѣ съ гнилостными газами въ ткань. Это происходитъ скорѣе и сильнѣе всего въ подкожной клѣтчаткѣ, гдѣ и количество, и объемъ сосудовъ гораздо больше, чѣмъ въ собственно-кожѣ,—образуется скопленіе кровяныхъ тѣлецъ въ ткани, что можетъ быть принято за кровоподтекъ. Къ этому же времени здѣсь кромѣ газовъ, вышедшихъ изъ сосудовъ, накопляются гнилостные газы и отъ гніенія самой ткани. Накопляющіеся гнилостные газы, сначала въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, по извѣст-

нымъ законамъ физики стремятся кверху (resp. къ поверхности): пройдя рыхлую подкожную клѣтчатку безъ поврежденія ея, они подходятъ къ соединительно-тканному слою и, раздвигая его пучки, собираются здѣсь въ пузыри болѣе значительной величины. Такой пузырь раздвигаетъ клѣтки Мальпигіева слоя, подходитъ къ эпидермису (р. 5.) разрываетъ его, и на этомъ мѣстѣ получается щель, дно которой представляетъ неповрежденная подкожная клѣтчатка (р. 6.). Она остается



цѣлою во время прохожденія черезъ нее гнилостныхъ газовъ потому, что пучки ея соединены между собою неплотно, и гнилостные газы свободно проходятъ въ промежуткахъ между ними. Изъ образовавшейся щели начинаетъ вытекать сукровица, обильно пропитывающая подкожную клѣтчатку, но въ это-же время она впитывается въ ближайшіе къ щели слои собственно-кожи. Благодаря болѣе легкому доступу воздуха къ этимъ мѣстамъ, красящее вещество крови, находящееся въ сукровицѣ, быстро измѣняется и придаетъ дну и бокамъ ранки темно-бурую окраску, т. е. мѣста разрывовъ кожи скоро чернѣютъ. Чѣмъ глубже отъ поверхности разрыва въ ткань, тѣмъ медленнѣе измѣняется красящее вещество су-

кровицы, и когда съ поверхности ранка (разрывъ) кажется черною, то болѣе глубокіе слои ткани около нея сохраняютъ еще буро-красный цвѣтъ ([64]).

Снаружи гніющая кожа покрывается слизью и поростаетъ плѣсенью, если гніетъ не въ водѣ; если-же трупъ лежитъ въ водѣ или въ сыроватой землѣ, то кожа, разрыхляясь, разрывается по частямъ и представляется какъ-бы изъѣденною.

Что касается гистологическихъ измѣненій, то здѣсь прежде всего измѣняются клѣточные элементы—тѣльца соединительной ткани; они подвергаются мелкозернистому распаденію и исчезаютъ; самыя-же волокна сохраняются очень долго.

Эластическая ткань. Эластическая ткань сохраняется еще дольше. Измѣненія въ ней начинаются съ того, что она сильнѣе опалесцируетъ, затѣмъ принимаетъ грязный цвѣтъ, но во всякомъ случаѣ можетъ быть хорошо распознана и опредѣлена даже тогда, когда всѣ другія ткани, за исключеніемъ костной, уже совершенно разрушились.

Жиръ. Подкожная жирная клѣтчатка измѣняется не скоро; Orfila черезъ 7 мѣсяцевъ отъ начала гніенія трупа находилъ ее у худыхъ субъектовъ еще почти неизмѣненною, у очень жирныхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, она къ этому времени уже омыляется.

Собственно жировая ткань при гніеніи прежде всего пигментируется продуктами разложенія красящаго вещества крови: затѣмъ клѣтки ея начинаютъ спадаться, но еще черезъ 2 мѣсяца отъ начала гніенія можно найти жировыя клѣтки, вполнѣ сохранившія свои контуры и шаровидную форму. Затѣмъ и въ жировой ткани, какъ во всѣхъ другихъ, развивается масса низшихъ организмовъ, которые и обусловливаютъ сильную зернистость на микроскопическихъ препаратахъ.

Мышцы. Измѣненія въ мышечной ткани при гніеніи ея протекаютъ слѣдующимъ образомъ: по изслѣдованіямъ Güntz'a, Orfil'ы и Dewergie—послѣ того, какъ пройдетъ

трупное окоченѣніе, мышцы (поперечно-полосатыя) представляются размягченными и имѣютъ довольно свѣжій красный цвѣтъ; но скоро онѣ теряютъ его и дѣлаются красно-бурыми, затѣмъ по мѣрѣ пропитыванія продуктами разлагающагося гемоглобина, онѣ дѣлаются болѣе и болѣе темными, пріобрѣтая фіолетовый оттѣнокъ; далѣе принимаютъ сѣровато-желтый цвѣтъ и затѣмъ грязно-зеленый. Въ это время онѣ представляются влажными, клейкими и наконецъ разжижаются, превращаясь въ грязную студневидную массу, которая мало по малу уничтожается. Микроскопическое изслѣдованіе показываетъ (Rindfleisch), что поперечная исчерченность и ядра затемнены густымъ облакомъ мелкихъ, темныхъ точекъ. Въ промежуткахъ между мышечными волокнами. а затѣмъ и въ сократительномъ веществѣ волоконъ появляются блестящія зерна и красноватыя пигментныя тѣльца. Эта зернистость происходитъ не только отъ распаденія элементовъ сократительнаго вещества, но также отъ массы низшихъ организмовъ. Наблюдаются поперечные разрывы волоконъ, при чемъ сократительное вещество выступаетъ изъ сарколемы, которая вообще сохраняется довольно долго, и когда наконецъ и она погибнетъ, то на мѣстѣ мышечныхъ волоконъ остаются маленькія безформенныя кучки распада.

Черезъ 2 мѣсяца обыкновенно остается слизистая, клейкая масса, наполняющая мышечныя влагалища, которыя остаются долго еще послѣ совершеннаго уничтоженія мышечной ткани. Въ полужидкой массѣ разложившихся мышцъ находятся кристаллы продуктовъ окисленія бѣлковыхъ веществъ и жирныхъ кислотъ, какъ напр. тонкія, длинныя иглы тирозина, изолированныя или соединенныя въ звѣзды и пучки; кристалы лейцина въ видѣ шаровъ или отдѣльныхъ капель, иногда собирающихся въ кучи, съ концентрическимъ и лучистымъ строеніемъ; кристаллы маргарина въ видѣ иголъ, собирающихся въ пучки и располагающихся лучами около одного центра.

Измѣненія гладкой мышечной ткани въ общемъ сходны съ измѣненіями поперечно-полосатыхъ мышцъ, но

имѣютъ и свои отличительныя черты. Протоплазма мышечныхъ клѣтокъ дѣлается мутной, непрозрачной, и ядро становится невидимымъ. По мѣрѣ гніенія мышечныя клѣтки уменьшаются въ величинѣ, какъ-бы таютъ, и наконецъ распадаются, но не въ детритъ, а на отломки извѣстныхъ формъ, совершенно какъ-бы отъ механическаго насилія. Но всѣ эти измѣненія наступаютъ, сравнительно съ поперечно-полосатыми мышцами, очень не скоро, т. е. гладкія мышцы значительно дольше противостоятъ разрушающему вліянію гніенія. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое раннее измѣненіе ихъ несомнѣнно указываетъ на тотъ или другой патологическій процессъ, а не на трупное измѣненіе.

Мозгъ. Мозгъ, оставаясь въ черепѣ, загниваетъ очень не скоро, и дольше всего противостоитъ гніенію именно большой мозгъ,—можжечекъ и спинной мозгъ загниваютъ скорѣе. Но во всякомъ случаѣ мозгъ сохраняется такъ долго, что Orfila и др. находили въ трупахъ, вырываемыхъ изъ земли, еще большую часть мозга въ то время, когда отъ другихъ органовъ уже не оставалось и слѣда. Въ теченіе многихъ недѣль онъ настолько еще сохраняетъ свои формы, что довольно легко можно различить его части и даже опредѣлить присутствіе въ немъ размягченій или уплотнѣній. Гнилостное измѣненіе мозга начинается съ того, что сѣрое вещество принимаетъ сѣровато-желтый цвѣтъ и начинаетъ размягчаться, при чемъ мозгъ уменьшается въ объемѣ и уже не выполняетъ собою всю полость черепа. Затѣмъ и бѣлое вещество сначала принимаетъ сѣроватую окраску, далѣе—желтоватую, размягченіе все болѣе увеличивается и наконецъ оба вещества принимаютъ грязно-зеленоватый цвѣтъ и дѣлаются неразличимы между собою. Если послѣ смерти ткань мозга оставалась сильно гиперемированной, то мозгъ при гніеніи дѣлается похожимъ на бурую глину; далѣе онъ пріобрѣтаетъ консистенцію растертой глины и послѣ совершеннаго разжиженія вытекаетъ черезъ отверстія черепа. Что касается гистологическихъ элементовъ мозга, то они сохраняются еще очень долго послѣ того, какъ макроскопическій видъ мозга

измѣнился до неузнаваемости. Въ такомъ веществѣ мозга, не смотря на то, что оно совершенно размягчилось отъ гніенія, мы всегда найдемъ нервныя клѣтки, хорошо сохранившія свои формы, рѣзко оконтурированныя, съ ясно видимымъ ядромъ; найдемъ обломки нервныхъ волоконъ и наконецъ матовыя капли міэлина. Это очень важный фактъ для отличія трупнаго размягченія мозга отъ патологическихъ процессовъ въ немъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ нервные клѣточные элементы уже рано подвергаются жировому перерожденію, представляясь темными зернистыми шарами. Точно такъ-же и міэлинъ нервныхъ волоконъ при патологическихъ процессахъ даетъ зернистыя жировыя массы.

Нервы. Периферическая нервная система—какъ крупные, такъ и мелкіе нервные стволы—сопротивляются очень долго разрушительному вліянію гніенія. Черезъ многіе мѣсяцы, независимо отъ условій для гніенія, стволы представляются лишь нѣсколько мягче нормальнаго, да измѣняютъ свой цвѣтъ сначала въ розоватый, а затѣмъ въ грязно-сѣрый. Подъ микроскопомъ видно, что міэлинъ, свернувшійся еще при наступленіи трупнаго окоченѣнія, остается въ видѣ матовыхъ шаровъ и капель, съ двойными и даже тройными контурами. Въ болѣе позднихъ періодахъ гніенія шары міэлина начинаютъ распадаться на болѣе и болѣе мелкіе шарики. Осевые цилиндры не такъ стойки: скоро по наступленіи гніенія контуры осеваго цилиндра дѣлаются все болѣе неясными и къ концу 3-й недѣли осевой цилиндръ сливается съ массами міэлина; при этомъ цилиндръ уничтожается не сразу, а участками, между которыми хорошо видны еще вполнѣ сохранившіяся части его. Самую-же высокую стойкость оказываетъ Швановская оболочка; когда міэлинъ почти весь уже распался, въ ней еще ясно видны контуры волоконъ.

Изъ патологическихъ процессовъ ни одинъ не можетъ быть смѣшанъ съ гніеніемъ нерва уже потому, что въ первомъ случаѣ вмѣсто правильныхъ, гомогенныхъ шаровъ міэлина появляются шары безъ ясныхъ очертаній, зернистые

и сильно преломляющіе свѣтъ (блестящіе), какъ это бываетъ при жировомъ перерожденіи нервовъ подъ вліяніемъ конституціональныхъ, инфекціонныхъ болѣзней и при отравленіяхъ.

Хрящи. Хрящи при гніеніи представляютъ слѣдующія особенности: прежде всего они принимаютъ розовую окраску, затѣмъ дѣлаются желтыми и пріобрѣтаютъ болѣе мягкую консистенцію, а въ позднихъ періодахъ гніенія становятся какъ-бы изъѣденными. Даже втеченіе 3-хъ мѣсяцевъ отъ начала гніенія клѣточные элементы сохраняютъ вполнѣ рѣзкіе контуры, и только въ протоплазмѣ ихъ появляется зернистость, а въ очень позднихъ періодахъ гніенія въ нихъ оказываются и капли жира, который постепенно начинаетъ кристаллизоваться. Но въ гніющемъ хрящѣ всегда рядомъ съ измѣненными клѣтками находятся и совершенно съ виду нормальныя, чѣмъ процессъ гніенія хряща и отличается отъ паренхиматозныхъ продуктивныхъ процессовъ въ немъ.

Кости. О гніеніи костной ткани трудно говорить, потому что при благопріятныхъ условіяхъ она сохраняется неопредѣленно долго. Достаточно вспомнить, что напр. въ муміяхъ кости найдены хорошо сохранившимися черезъ 2000 лѣтъ послѣ смерти. Но въ обыкновенныхъ условіяхъ онѣ также подвергаются гніенію, и тогда въ концѣ концовъ превращаются въ легкую, пористую массу, которая разсыпается въ пыль.

При микроскопическомъ изслѣдованіи костей, лежавшихъ 1/2 года въ сырой почвѣ, найдено слѣдующее: полости Гаверсовыхъ каналовъ представлялись или пустыми, или набитыми мелкими жировыми каплями и кучами низшихъ организмовъ. Изъ костныхъ тѣлецъ одни представлялись повидимому нормальными, другіе-же были увеличены въ объемѣ и имѣли неправильныя формы, т. е. представлялись въ видѣ круглыхъ или неправильныхъ щелей безъ отростковъ. Нѣкоторые были совершенно пусты, другіе наполнены мелкими каплями жира. Основное вещество кости представляло еще ясную слоистость, и только мѣстами имѣло какъ-бы поперечные разрывы (Бурцевъ [65]).

Распаденіе тканей. Въ случаяхъ пользованія признаками гніенія тканей для опредѣленія давности смерти можно руководствоваться слѣдующимъ общимъ положеніемъ: въ трупѣ взрослаго человѣка, гніющемъ во влажной и рыхлой землѣ, т. е. при условіяхъ довольно благопріятныхъ для гніенія, мягкія части разрушаются вполнѣ черезъ 2—3 года; связки и хрящи вполнѣ разрушаются только черезъ 5—6 лѣтъ; наконецъ кости, даже при очень благопріятныхъ для гніенія условіяхъ, теряютъ свои органическія части, дѣлаются легкими, рыхлыми и ломкими не раньше, какъ черезъ 10 лѣтъ.

Важное значеніе, которое могутъ имѣть для судебнаго врача трупныя явленія, я иллюстрирую двумя случаями изъ своей судебно-медицинской практики, преслѣдуя этимъ также и ту цѣль, которая положена въ основу моего настоящаго труда и оговорена въ предисловіи.

I. Дѣло объ убійствѣ выстрѣломъ изъ ружья дробью или крупною солью.

Въ слободѣ Ново-Псковъ Х.... губ., въ ночь съ 1 на 2 января 1890 г. скоропостижно умеръ мѣщанинъ города С. Василій Х—овъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, выяснившихся на предварительномъ дознаніи и на слѣдствіи: еще молодой человѣкъ, 22-хъ лѣтъ, холостой, Василій Х. жилъ вмѣстѣ со своими родными братьями, изъ которыхъ старшій—Иванъ—женатый, а другой—средній, Леонтій, холостой (солдатъ, недавно выпущенный въ запасъ). Женатый братъ, у котораго собственно и жили Василій и Леонтій, не постоянно находился дома, такъ какъ жилъ въ качествѣ работника у своего-же богатаго односельчанина.

1-го января Василій вмѣстѣ съ братомъ Леонтіемъ былъ въ гостяхъ, гдѣ они играли въ карты; когда зазвонили къ вечернѣ, они отправились домой. Дома, когда совсѣмъ стемнѣло, они всей семьей поужинали, и затѣмъ Василій пошелъ спать въ маленькую комнату, находившуюся въ другой части избы, черезъ сѣни отъ той, въ которой они

ужинали, и которую занимала семья старшаго брата. Въ этой маленькой комнатѣ онъ всегда спалъ и большею частью вмѣстѣ съ братомъ Леонтіемъ, который въ этотъ вечеръ послѣ ужина пошелъ къ своей невѣстѣ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, т. е. 2 января, свояченица Василія (жена старшаго брата) выходила во дворъ, при чемъ выходная дверь была заперта изнутри такъ, какъ она сама заперла ее съ вечера. Возвратившись со двора, она оставила дверь отпертою, такъ какъ болѣе не намѣревалась ложиться спать. Въ это время пришелъ домой Леонтій и хотѣлъ было соснуть на половинѣ невѣстки; эта послѣдняя вскорѣ пошла за мукой въ ту комнату, гдѣ спалъ Василій и начала будить его, но увидѣла, что онъ мертвъ. Она крикнула Леонтію, который тотчасъ вошелъ туда и также убѣдился въ смерти брата.

2-го января полицейскій урядникъ, за отсутствіемъ станового пристава, произвелъ осмотръ тѣла Василія. Трупъ находился въ крайней отъ выгона крестьянской избѣ, въ отдѣльной маленькой комнатѣ. Эта комната, отдѣлявшаяся отъ главнаго помѣщенія сѣнями, имѣла 5 арш. въ длину и 2 арш. 4 вершка въ ширину. Здѣсь на деревянномъ „полу“ (родъ кровати), на постели, состоявшей изъ тулупа и подушки, лежалъ трупъ Василія ничкомъ: руки подложены подъ грудь, ноги до колѣнъ закрыты тулупомъ; одѣтъ въ ситцевую рубаху и подштанники изъ простого крестьянскаго холста.

3 января трупъ былъ осмотрѣнъ становымъ приставомъ; когда поворотили его лицомъ вверхъ, то увидѣли, что все лицо въ крови, а мѣстами на немъ видны были разрывы кожи, изъ которыхъ вытекала кровь. Животъ вздутъ, „тѣло красноватаго цвѣта отъ разложенія“; знаковъ насилія или переломовъ костей не усмотрѣно. Подъ поломъ, служащимъ вмѣсто кровати, оказалась „кровавая жидкость въ довольно большомъ количествѣ“.

7-го января прибылъ уѣздный врачъ; при осмотрѣ трупа вмѣстѣ со становымъ приставомъ оказалось, что на

лѣвой щекѣ имѣются знаки, повидимому отъ дробинъ.... Составили объ этомъ протоколъ, и становой приставъ направилъ дѣло къ судебному слѣдователю, который, усмотрѣвъ здѣсь признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1454 уложенія о наказаніяхъ, постановилъ приступить къ производству слѣдствія.

9 января было произведено вскрытіе, протоколъ котораго въ извлеченіи *) гласитъ слѣдующее:

А. Наружный осмотръ.

8) Покойному около 22 лѣтъ.

9) Ростъ 2 аршина 2 вершка.

10) Крѣпкаго тѣлосложенія.

12) Кожа на животѣ синевато-грязнаго цвѣта, на рукахъ, ногахъ и груди синевато-*краснаго* цвѣта.

16) *Лѣвая* щека и *лѣвый* високъ усѣяны черноватыми ранками, числомъ около 50, величиною отъ маковаго зерна до горошины; нѣкоторыя ранки представляются продолговатыми, а большее число ихъ круглой формы; мѣсто, занимаемое всѣми этими ранками, *темнаго цвѣта;* въ области *лѣваго* виска *черное* пятно, величиною и формою въ 2-хъ копѣечную мѣдную монету; кожа этого пятна высохшая (опалена).

17) Глаза закрыты, при чемъ *лѣвое* вѣко *темнаго* цвѣта; глазныя яблоки *розоватаго* цвѣта.

18) Ушныя раковины *розоватаго* цвѣта.

19) Изъ *лѣваго* слухового прохода вытекаетъ сукровица.

20) Носъ прямой, правильной формы, *лѣвое* крыло его имѣетъ ожогъ черноватаго цвѣта, формою и величиною въ 20-ти копѣечную серебрянную монету.

27—28) Животъ вздутъ.

31) Спина *розоваго* цвѣта.

35) (на мѣстѣ поврежденій, описанныхъ подъ №№ 16 и 20)—кожа при взрѣзѣ ея обнаруживаетъ кровоподтеки на мѣстѣ описанныхъ ранокъ; сами *ранки проникаютъ только толщу кожи, незатрогивая подкожной клѣтчатки.*

---

*) Приводимъ только самыя необходимыя выдержки и въ нихъ курсивомъ обозначаемъ то, на что должно было обратить особое вниманіе.

В. Внутреннее изслѣдованіе.

36) По снятіи кожи съ головы подкожная клѣтчатка лѣваго виска и щеки кровоподтечны.

37) Надчерепная плева *розоватаго* цвѣта.

39) *Черепныя кости цѣлы.*

40) Твердая мозговая оболочка *розоватаго* цвѣта.

43) На поверхностяхъ разрѣзовъ мозга точечныя кровоизліянія; сосуды мозга *переполнены кровью.*

44) Желудочки мозга содержатъ кровянистую жидкость.

45) Остальныя его части,

46) Мозжечекъ,

47) Продолговатый мозгъ, кромѣ *переполненія кровью сосудовъ,* ничего особеннаго не представляютъ.

48) Сосуды шеи содержатъ *жидкую* кровь.

49) Гортань и дыхательное горло,

50) Глотка и начало пищепріемника содержатъ кашицеобразную смѣсь изъ капусты, пережованнаго хлѣба и лука, еще не переваренныхъ.

51) Оба легкія *вишнево-краснаго* цвѣта, при разрѣзѣ хрустятъ; въ крупныхъ бронхахъ содержится пища; съ поверхностей разрѣзовъ снимается масса крови (гиперемія легкихъ).

53) Околосердечная сумка содержитъ незначительное количество *кровянистой* жидкости.

54) Сосуды сердца содержатъ темную свернувшуюся кровь.

55) Сердце увеличено въ объемѣ, желудочки его содержатъ темную, свернувшуюся, *лучше сказать—полужидкую* кровь.

59) Желудокъ содержитъ большое количество кашицеобразной пищевой смѣси изъ хлѣба, лука и капусты.

60) Тонкія кишки и

61) Толстыя кишки *розоватаго цвѣта,* сосуды ихъ переполнены кровью.

63) Брыжжейка особенностей не представляетъ, кромѣ *гипереміи.*

64) Печень, кромѣ *переполненія кровью,* особенностей не представляетъ.

На основаніи изложеннаго въ протоколѣ вскрытія врачъ заключилъ, что въ мѣщанина Василія Х. былъ произведенъ выстрѣлъ изъ какого-то огнестрѣльнаго оружія („ружье, пистолетъ"); выстрѣлъ былъ направленъ въ лѣвую щеку и лѣвый високъ и произведенъ на близкомъ разстояніи. Этотъ выстрѣлъ „кромѣ поверхностныхъ раненій и ожоговъ вызвалъ сотрясеніе мозга, разрывъ мозговыхъ сосудовъ и точечныя кровоизліянія въ мозгъ, отчего Василій Х. впалъ въ безсознательное состояніе—глубокій обморокъ, во время, а можетъ и въ концѣ котораго у него произошла рвота, какъ нерѣдкій результатъ кровоизліянія въ мозгъ, и рвота, благодаря параличу гортани, вызванному тѣми-же кровоизліяніями въ мозгъ, вслѣдствіе ея тяжести, опустилась въ бронхи, закупорила ихъ просвѣтъ и вызвала задушеніе Василія Х.". Но такъ какъ въ описанныхъ ранкахъ лѣвой щеки и лѣваго виска никакихъ постороннихъ тѣлъ не оказалось, то судебный слѣдователь предложилъ эксперту вопросъ—чѣмъ были заряжены ружье или пистолетъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ „утвердительно" экспертъ отказался, но сдѣлалъ предположеніе, что зарядъ могъ состоять изъ поваренной соли, и что соль эта, при обмываніи водой лѣвой щеки и лѣваго виска—растворилась.

Разбирая этотъ случай, мы будемъ имѣть дѣло съ тѣмъ особымъ видомъ экспертизы, о которомъ я уже упоминалъ и который назвалъ вторичною экспертизою. Врачъ, призванный къ такой экспертизѣ, уже не наблюдаетъ фактовъ, а только изучаетъ описаніе ихъ, имѣющееся въ протоколахъ, и, слѣдовательно, находится въ полной зависимости отъ этого чужаго описанія; понятно—что и выводы его будутъ вполнѣ зависѣть отъ того, на сколько точно, правдиво и ясно описаны наблюдавшіеся факты. Прежде всего, конечно, онъ долженъ обратиться къ мнѣнію первоначальнаго эксперта и провѣрить, на сколько оно соотвѣтствуетъ даннымъ дѣла, затѣмъ долженъ проанализировать эти данныя самостоятельно и сдѣлать изъ нихъ логическіе выводы.

Въ первоначальной экспертизѣ прежде всего должно обратить вниманіе на то „огнестрѣльное раненіе“, которое было признано причиною смерти Василія Х.: дѣйствительно-ли это огнестрѣльныя ранки, произведенныя дробью или крупною поваренною солью, при выстрѣлѣ съ близкаго разстоянія? Изъ протокола вскрытія видно, что онѣ были приняты за огнестрѣльныя только благодаря черноватому цвѣту ихъ краевъ, а это явленіе было объяснено отложеніемъ на кожѣ пороховой копоти. Этимъ однимъ и ограничивалось все сходство,--но мысль о немъ такъ захватила эксперта, что онъ не обратилъ вниманія во 1-хъ) на отсутствіе этихъ ранокъ вначалѣ—онѣ появились только спустя нѣкоторое время послѣ перваго осмотра, произведеннаго урядникомъ и многими свидѣтелями; во 2-хъ) что ранки были расположены „поверхностно“ т. е. не проникали дальше верхнихъ слоевъ кожи, а могло-ли это быть при выстрѣлѣ съ близкаго разстоянія? Конечно нѣтъ: не только дробь, но и куски поваренной соли прошли-бы черезъ всю толщу кожи, а дробь, кромѣ того, если-бы даже и не прошла черезъ кости, то навѣрное застряла-бы въ нихъ; въ 3-хъ) не обращено вниманія на полное отсутствіе дроби въ мѣстахъ раненій, и только послѣ указанія судебнаго слѣдователя на это обстоятельство, экспертъ отказался отъ мысли о ней и допустилъ возможность причиненія ранокъ крупною солью, очевидно вспомнивъ ходячіе разсказы о примѣненіи этого наказанія къ ворамъ бдительными хозяевами, преимущественно въ деревняхъ. Но такъ какъ соли тоже не оказалось ни въ одной ранкѣ, то экспертъ объяснилъ ея отсутствіе тѣмъ, что она, при обмываніи лѣвой щеки и виска водою, „растворилась и вытекла“... Однако и на это судебный слѣдователь замѣтилъ, что такого продолжительнаго и обильнаго „обмыванія“ сказанныхъ частей, при которомъ крупная соль могла-бы раствориться и вытечь—небыло... Наконецъ въ 4-хъ) не обратило на себя вниманія и то обстоятельство, что хотя ранки и лежали близко одна около другой, но все-же каждая изъ нихъ представляла отдѣльное раненіе, а это исключаетъ всякую мысль о вы-

стрѣлѣ „съ близкаго разстоянія“: при этомъ условіи вмѣсто отдѣльныхъ ранокъ, получилась-бы одна большая, сплошная рана, такъ какъ зарядъ, состоящій изъ множества мелкихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, по выходѣ изъ дула оружія идетъ на нѣкоторомъ разстояніи скученною массою, и производитъ одно обширное и глубокое отверстіе въ кожѣ, со страшнымъ размозженіемъ тканей, кровоизліяніемъ въ нихъ и наружу и т. д. Это разстояніе для ружья опредѣлено Ляшезомъ въ 25—30 ctm. (66), а при выстрѣлѣ съ такого разстоянія были-бы раздроблены и кости черепа.

Но можетъ быть экспертъ ошибся только относительно разстоянія, т. е. можетъ быть Василій все-же убитъ, но только выстрѣломъ съ далекаго разстоянія? Дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ отъ дроби или другихъ мелкихъ снарядовъ получаются отдѣльныя ранки, но тогда до кожи не долетѣла-бы пороховая копоть, которая можетъ отлагаться на мѣстѣ огнестрѣльной раны не дальше, какъ на разстояніе ½ метра (ружье). Кромѣ этого возможность выстрѣла съ далекаго разстоянія можно провѣрить обстоятельствами случая: при данныхъ условіяхъ такой выстрѣлъ могъ быть произведенъ только со двора черезъ окно, но при осмотрѣ этого окна всѣ стекла въ немъ оказались цѣлы, а выстрѣлъ могъ быть произведенъ только черезъ стекло, такъ, какъ окно не открывалось.

Доказательствомъ происхожденія ранокъ отъ огнестрѣльнаго оружія послужило также измѣненіе промежуточной кожи между ранками: на щекѣ она имѣла „темный“ цвѣтъ, а въ области виска представляла „черное“ пятно въ 2-хъ копѣечную мѣдную монету, при чемъ была высохшая и въ скобкахъ прибавлено—„опалена“. Изъ этого описанія рѣшительно не видно, чтобы сказанныя измѣненія произошли отъ выстрѣла: въ темный цвѣтъ окрашивается и гніющая кожа; если-же она при гніеніи подвергалась сдавливанію, а затѣмъ оставалась открытою на воздухѣ, то могла засохнуть въ пергаментное пятно и вслѣдствіе этого принять еще болѣе темный цвѣтъ—до чернаго.

И такъ—никакихъ основаній для того, чтобы признать найденныя „ранки“ за огнестрѣльное раненіе—въ разбираемомъ случаѣ нѣтъ.

Далѣе—ближайшею причиною смерти Василія Х. первоначальная экспертиза признала задушеніе, происшедшее отъ закупорки бронховъ „рвотою“; рвотныя массы опустились въ бронхи „вслѣдствіе ихъ тяжести“, а рвота наступила отъ „точечныхъ кровоизліяній въ мозгъ“ вслѣдствіе сотрясенія его, причиненнаго выстрѣломъ. Такимъ образомъ начало и поводъ для наступленія смерти отъ задушенія лежитъ въ „точечныхъ кровоизліяніяхъ“, найденныхъ въ мозгу. Но дѣйствительно-ли это были кровоизліянія? Изъ протокола вскрытія этого не видно; тамъ сказано только, что „мозгъ, при разрѣзѣ его, являетъ точечныя кровоизліянія“; но на разрѣзахъ мозга всегда являются болѣе или менѣе быстро кровяныя точки (и полоски), только изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ представляютъ точечныя кровоизліянія. Чтобы имѣть право сказать это, надо представить доказательство въ пользу того, что это дѣйствительныя кровоизліянія. Для этой цѣли при изслѣдованіи мозга пользуются очень простымъ пріемомъ: пускаютъ на кровяныя точки струю воды,—если это дѣйствительно кровоизліянія, т. е. небольшія количества излившейся и свернувшейся крови, то они не смываются водою, остаются на мѣстѣ; если-же это просто капельки крови, выступившія изъ перерѣзанныхъ сосудовъ, то онѣ быстро смываются, а потомъ вскорѣ снова появляются на тѣхъ-же мѣстахъ. Поэтому—записавъ въ протоколъ, что на разрѣзахъ мозга видны кровяныя точки (и полоски), надо здѣсь-же прибавить—смываемыя или несмываемыя водою, тогда и видно будетъ, съ чѣмъ имѣлъ дѣло обдуцентъ. Точно такъ-же ни на чемъ не основанъ выводъ о задушеніи „рвотой“: не говоря о томъ, что у живого человѣка рвотныя массы не могутъ опуститься въ бронхи „по тяжести“, самое попаданіе ихъ въ дыхательные пути Василія Х. еще при жизни его ничѣмъ не доказано. Пока у человѣка не угасли рефлексы, постороннія тѣла, попадающія въ дыхательные пути, вызы-

ваютъ бурную реакцію, выражающуюся сильными кашлевыми движеніями. Въ слизистой оболочкѣ, вслѣдствіе раздраженія, развивается сильная гиперемія, которая не исчезаетъ вполнѣ и съ наступленіемъ смерти. Такимъ образомъ—если-бы обдуцентъ описалъ въ бронхахъ гиперемію сосудовъ слизистой оболочки, то еще можно было-бы допустить прижизненное прониканіе рвотныхъ массъ въ эти дыхательные пути; можно было-бы допустить, что онѣ причинили такое разстройство дыханія (dispnoë), которое привело къ задушенію,—но здѣсь, никакихъ указаній на это нѣтъ.

И такъ—самые главные выводы экспертизы объ убійствѣ Василія X. огнестрѣльнымъ оружіемъ и задушеніи его рвотными изверженіями, какъ послѣдовательной причинѣ смерти, совершенно не соотвѣтствуютъ даннымъ изслѣдованія.

Переходя къ самостоятельному изученію фактической стороны дѣла, должно предпослать анализу судебно-медицинскихъ данныхъ внимательное, точное и подробное изученіе всѣхъ обстоятельствъ каждаго разбираемаго случая,—только при ихъ свѣтѣ и могутъ быть разсматриваемы медицинскія данныя, которыя сами по себѣ далеко не всегда могутъ имѣть абсолютное значеніе. Обстоятельства дѣла въ настоящемъ случаѣ не сложны и вполнѣ несомнѣнны. Кромѣ самыхъ важныхъ изъ нихъ, приведенныхъ раньше, остается упомянуть, что отношеніе покойнаго Василія X. къ своимъ роднымъ, родственникамъ и односельчанамъ не давали никакихъ основаній заподозрить убійство его кѣмъ-либо. Далѣе—показаніями жены старшаго брата выяснено, что въ новый годъ, передъ вечеромъ она топила печь въ той маленькой комнатѣ, въ которой спалъ Василій и въ которой онъ найденъ мертвымъ.

Переходя къ анализу данныхъ этого дѣла, мы прежде всего видимъ, что они совершенно не отвѣчаютъ представленію объ убійствѣ Василія X. выстрѣломъ изъ ружья или пистолета. А въ такомъ случаѣ самъ собою возникаетъ вопросъ—что-же это за измѣненія, хотя-бы только отчасти напоминающія огнестрѣльное раненіе дробью? Передъ подобнымъ

вопросомъ остановился очевидно и судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе. Для разрѣшенія возникшихъ сомнѣній были присланы намъ кусочки кожи съ лѣвой щеки, виска и крыла носа, залитые спиртомъ. Самый большой изъ нихъ, съ наиболѣе толстымъ подкожнымъ слоемъ, соотвѣтствовалъ, по всей видимости, кожѣ щеки. Со стороны эпителіальной поверхности онъ имѣлъ буро-красноватый цвѣтъ. На этой поверхности находились во 1-хъ) маленькія трещины эпителія, длиною отъ 2 до 7 mm., и хотя разбросанныя, но идущія приблизительно въ одномъ и томъ-же направленіи. Края ихъ не расходятся, такъ что онѣ представляются линіями, слегка зигзагообразными и при томъ почти черными; окружены темно-сѣрыми узкими полосками, вслѣдствіе окрашиванія ближайшихъ къ трещинамъ слоевъ ткани; во 2-хъ) маленькія щели, похожія на ранки, отъ 1 mm. до 1, 2 ctm. въ длину. Однѣ изъ этихъ „ранокъ" имѣютъ кругловатыя формы, другія представляются въ видѣ настоящихъ щелей съ двумя острыми углами. Края такихъ щелей расходятся на разстояніи до 2 mm.; даже самыя глубокія изъ нихъ не идутъ однако глубже эпителіальнаго слоя кожи. Дно „ранокъ" почти чернаго цвѣта, а края окрашены въ темно-сѣрый цвѣтъ, вслѣдствіе чего щели представляются окруженными каждая сѣрымъ кольцомъ; но эта окраска, какъ около трещинъ, такъ и около щелей, не зависитъ отъ приставшаго снаружи какого нибудь вещества, вродѣ напр. пороховой копоти—она обусловливается окрашиваніемъ ткани изнутри. Точно такъ же и въ промежуткахъ между трещинами и щелями, на неповрежденной кожѣ, никакихъ постороннихъ веществъ не находится (рис. 7).

7.

На кусочкѣ кожи отъ лѣваго крыла носа замѣчается буроватое окрашиваніе, а также трещинки неправильной формы и „ранки"; послѣднія величиною до чечевицы, пред-

ставляютъ такія-же свойства, какъ и описанныя выше въ кожѣ щеки. Такія-же точно измѣненія находятся въ кускѣ кожи отъ лѣваго виска, съ тою разницею, что щели здѣсь имѣютъ треугольныя или неправильныя формы. Высыханій кожи нѣтъ.

Микроскопическое изслѣдованіе показало, что щели, принятыя за ранки и происшедшія будто-бы отъ дроби или отъ кусковъ поваренной соли, представляютъ разъединеніе (разрывъ) собственно—кожи, т. е. клѣточнаго и сосочковаго слоевъ, а подкожный жирный слой совершенно не поврежденъ и образуетъ дно щелей. Въ окружности ихъ сосуды соединительно-тканнаго слоя кое гдѣ наполнены кровью и то мало, самая-же ткань сплошь окрашена въ красный или буро-красный цвѣтъ. Чѣмъ ближе къ разрыву, тѣмъ окраска ткани темнѣе, и въ ближайшихъ къ разрыву слояхъ доходитъ до темно-бураго цвѣта. Ни кровяныхъ тѣлецъ, ни свернувшагося фибрина въ ткани кожи нѣтъ. Точно такъ-же около щелей не замѣчается ни размятія, ни разрывовъ ткани, а по мѣрѣ удаленія отъ щели соединительно-тканные пучки представляются какъ-бы набухшими и раздвинутыми, такъ что напр. въ срединѣ между двумя щелями слой собственно-кожи представляется гораздо толще, чѣмъ около щелей. Соединительно-тканныя перекладины подкожнаго жирнаго слоя также представляютъ сплошную, красноватую, окраску. Сосуды, заложенные въ нихъ, сильно наполнены кровью буроватаго цвѣта мѣстами-же встрѣчаются и свободнолежащія скопленія кровяныхъ тѣлецъ какъ въ перекладинахъ, такъ и между жировыми клѣтками.

На мѣстахъ трещинъ оказалось разъединеніе только клѣточнаго слоя кожи, безъ нарушенія цѣлости соединительно-тканнаго. И здѣсь участки ткани, прилежащіе къ трещинѣ, окрашены сплошь въ красно-бурый цвѣтъ, который доходитъ до темно-бураго въ слояхъ, составляющихъ дно трещинъ.

Кромѣ этого на нѣкоторыхъ препаратахъ, близко къ поверхности кожи, оказались полости правильной круглой формы, совершенно пустыя. Собственныхъ стѣнокъ эти по-

лости не имѣютъ, а ограничены непосредственно тканью кожи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полости такъ близко подходятъ къ поверхности, что здѣсь ихъ прикрываетъ весьма тонкій слой клѣтокъ. Ткань въ окружности окрашена въ сплошной красноватый цвѣтъ. Картина ясно говоритъ, что если бы разорвался тонкій слой клѣтокъ, составляющій верхнюю стѣнку, полости, то получилась-бы совершенно такая-же щель, какая описана выше.

Никакихъ постороннихъ частицъ въ видѣ напр. пороховой копоти или внѣдрившихся въ кожу, несгорѣвшихъ пороховыхъ зеренъ нигдѣ не найдено. Точно также нѣтъ ни слѣда кристалловъ поваренной соли, которые микроскопъ непремѣнно обнаружилъ бы, если-бы „ранки“ были причинены солью.

Собравъ всѣ эти факты теперь можно сказать, что даже одного макроскопическаго изслѣдованія было достаточно для того, чтобы опредѣлить истинный характеръ найденныхъ измѣненій: одно то обстоятельство, что каждая ранка въ отдѣльности была окружена темнымъ кольцомъ, ясно указываетъ на происхожденіе этого окрашиванія не отъ пороховой копоти; если-бы это была она, то на мѣстѣ 50 ранокъ кожа была-бы сплошь испачкана ею. А если прибавить сюда результаты микроскопическаго изслѣдованія, то на основаніи совокупности всѣхъ данныхъ можно прійти только къ одному заключенію: описанныя поврежденія кожи представляютъ собою не огнестрѣльное раненіе дробью или чѣмъ либо подобнымъ, а разрывы кожи подъ напоромъ изнутри газовъ, развившихся въ ней вслѣдствіе гніенія (трупная эмфизема).

Различный видъ щелей обусловливается ходомъ пучковъ соединительной ткани и соотвѣтственно этому—неодинаковымъ направленіемъ расщепляемости ткани: тамъ, гдѣ пучки идутъ приблизительно въ одномъ направленіи—и щели получились прямолинейныя или слегка зигзагообразныя, а тамъ, гдѣ сходятся пучки различныхъ направленій, образовались щели кругловатыхъ формъ съ надорванными краями.

Но трупная эмфизема является выраженіемъ уже значительной степени гніенія, такой—которая при обыкновенныхъ условіяхъ еще не поступаетъ черезъ 1—1½ сутокъ; поэтому такой промежутокъ времени для развитія гнилостныхъ газовъ и прорыванія ихъ наружу, по первому взгляду можетъ казаться нѣсколько короткимъ. Однако, если принять во вниманіе, что трупъ лежалъ въ маленькой узкой комнаткѣ, безъ всякой вентиляціи и, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе жарко натопленной, то этимъ вполнѣ можетъ быть объяснено быстрое развитіе сказаннаго явленія. Предположеніе о высокой t⁰ комнаты само собою вытекаетъ изъ того обстоятельства, что случай произошелъ зимою, а извѣстно, какъ любятъ крестьяне натапливать свои избы въ холодное время года. Къ тому-же у трупа были караульные, которые едва-ли находили нужнымъ морозить себя въ нетопленной избѣ.

Что касается вопроса—почему же такіе разрывы кожи гнилостными газами появились именно на лѣвыхъ щекѣ, вискѣ и крылѣ носа, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ этихъ частяхъ быстрѣе и сильнѣе развилось гніеніе, а это въ свою очередь зависѣло отъ того, что лѣвая часть лица была открыта, тогда какъ правая сторона и лобъ были погружены въ подушку, слѣдовательно соотвѣтственно открытымъ мѣстамъ и гніеніе должно было пойти гораздо быстрѣе (см. стр. 96).

Что касается „крови“, которою было испачкано лицо и которая „скопилась подъ поломъ“, то это была очевидно кровяная сыворотка, пропитывавшая кожу; когда эту послѣднюю прорвали гнилостные газы, то сыворотка начала мало по малу вытекать наружу. Относительно-же „кровоизліяній въ кожѣ и подъ нею“ изъ протокола вскрытія не видно, чтобы это были дѣйствительно кровоизліянія, а не просто трупное пропитываніе такою же кровянистою сывороткою. А что она въ тѣлѣ была уже дѣйствительно повсюду, видно между прочимъ и изъ того, что вытекала даже изъ лѣваго уха, какъ записано въ протоколѣ. Быстрое гніе-

ніе трупа Василія X. вообще и открытыхъ мѣстъ его въ частности, объясняется также и родомъ смерти покойнаго, причина которой совершенно ясна изъ протокола вскрытія, но которую проглядѣлъ вскрывавшій врачъ. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза розовый цвѣтъ трупныхъ пятенъ на спинѣ (№ 31) и, хотя синеватый, но все-же красный цвѣтъ ихъ на передней поверхности тѣла (№ 12); далѣе—розоватый цвѣтъ глазныхъ яблокъ (№ 17), такой-же цвѣтъ ушныхъ раковинъ (№ 18), надчерепной плевы (№ 37), твердой (№ 40) и мягкой (№ 42) оболочекъ мозга, тонкихъ и толстыхъ кишекъ (№№ 60 и 61), и наконецъ вишнево-красный цвѣтъ легкихъ (№ 51). Окраска всѣхъ этихъ частей зависитъ, конечно, отъ крови: если принять во вниманіе, что вскрытіе было произведено около $7^1/_2$ сутокъ послѣ смерти, при чемъ трупъ находился въ условіяхъ, очень благопріятныхъ для гніенія (на воздухѣ и въ тепломъ помѣщеніи), то ясно, что обыкновенная кровь къ этому времени на столько уже измѣнила-бы свой цвѣтъ вслѣдствіе разложенія, что и сама была-бы бураго цвѣта, и органамъ придавала-бы грязно-бурую окраску. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что въ трупѣ Василія X. кровь была не нормальная. Измѣненіе крови, при которомъ она долго удерживаетъ красный цвѣтъ бываетъ при нѣкоторыхъ отравленіяхъ, обыкновенно-же при отравленіи окисью углерода, т. е. при смерти отъ угара; такая кровь въ тонкихъ слояхъ имѣетъ розоватый цвѣтъ сока красной смородины, а въ толстыхъ слояхъ—вешнево-красный, какой здѣсь представляли напр. легкія.

Смерть отъ угара характеризуется также переполненіемъ органовъ кровью (застойныя гипереміи, въ большей или меньшей степени)—въ настоящемъ случаѣ мы видимъ и это: легкія, мозгъ, печень, кишки, брыжжейка, почки—были „переполнены“ кровью. Правда для безусловнаго доказательства смерти отъ угара въ настоящемъ случаѣ недостаетъ спектральнаго анализа крови, но и безъ него эта причина смерти въ настоящемъ случаѣ болѣе чѣмъ несомнѣнна. Съ этимъ согласуется и установленный дознаніемъ

фактъ, что незадолго передъ тѣмъ, какъ Василій пошелъ спать въ свою комнату, невѣстка его топила въ ней печь, въ которой и могла слишкомъ рано закрыть трубу.

На основаніи всего изложеннаго мнѣніе о причинѣ смерти Василія Х. слѣдовало формулировать такъ:

1) ближайшею причиною смерти должно признать отравленіе окисью углерода—смерть отъ угара;

2) измѣненія кожи на лѣвой сторонѣ лица представляютъ результаты гніенія въ томъ періодѣ его, когда въ тканяхъ развивается трупная эмфизема. Что-же касается пищевой массы въ дыхательныхъ путяхъ, то она несомнѣнно проникла туда уже послѣ смерти Василія Х.; будучи выдавлена изъ желудка въ полость рта гнилостными газами, и не имѣя свободнаго выхода при закрытомъ ртѣ, она проникаетъ изо рта и въ дыхательные пути ([65]).

II. Дѣло объ убійствѣ и зарытіи трупа въ известь.

Еще болѣе характерный и поучительный случай представляетъ собою слѣдующее дѣло объ убійствѣ шорнаго подмастерья въ станицѣ У.-М. Области Войска Донскаго. Приводить всѣ подробности, изученныя мною въ качествѣ эксперта, считаю излишнимъ, и ограничусь только самымъ необходимымъ.

3 Іюня 1897 г. изъ сказанной станицы исчезъ подмастерье шорника Никодимъ С., 20 лѣтъ. Сынъ казака сосѣдней станицы, онъ былъ отданъ въ ученье къ шорнику, нестроевому казаку въ отставкѣ Ивану В. Послѣдніе 2 года получалъ уже жалованье, сначала 60 р. въ годъ, а затѣмъ 80 р.

На другой или третій день послѣ исчезновенія Никодима С. его хозяинъ заявилъ объ этомъ полиціи, но розыски ни къ чему не привели, о чемъ и былъ составленъ протоколъ 2 Іюля 1897 г.

17 Апрѣля 1898 г. т. е. черезъ $10^1/_2$ мѣсяцевъ отъ исчезновенія Никодима, верстахъ въ 10 ниже станицы, по теченію р. Дона, нашли трупъ неизвѣстнаго человѣка. Трупъ лежалъ на лугу въ наносной землѣ, оставшейся послѣ разлива рѣки, верстахъ въ 2-хъ отъ ея русла—по протоколу

слѣдствія; свидѣтельница-же, увидѣвшая трупъ первая, показала, что въ разстояніи не болѣе одной версты; трупъ лежалъ на спинѣ и былъ сильно истлѣвшій, многія кости были обнажены, а многихъ и совсѣмъ недоставало. Такъ—при осмотрѣ трупа урядникомъ оказалось, что на костяхъ черепа и лица совершенно нѣтъ мягкихъ частей, а также недоставало 4-хъ переднихъ зубовъ въ верхней челюсти и 6 переднихъ въ нижней челюсти. Мягкихъ частей шеи, образующихъ ея переднюю и боковыя части, также не было, такъ что шейные позвонки спереди и съ боковъ были обнажены. Тѣло грудной кости и реберные хрящи отсутствовали, оставались костныя дуги реберъ и рукоятка грудины, которая была еще соединена съ ключицами. Не было кисти лѣвой руки и стопы правой ноги. На лѣвой стопѣ былъ башмакъ, но когда потомъ, при вскрытіи его сняли, то и эта стопа разсыпалась на отдѣльныя кости, ее составляющія. Эти остатки трупа скорѣе производили впечатлѣнія скелета, чѣмъ трупа, какъ выразился станичный атаманъ, производившій осмотръ послѣ урядника. Отъ одежды остались только обрывки въ видѣ клочковъ ситцевой рубахи и бязевыхъ подштанниковъ; „шароваръ уже незамѣтно, а также и поддевка истлѣла“, какъ записано урядникомъ въ его протоколѣ.

На шеѣ трупа находилась пѣтля изъ веревки, толщиною въ мизинецъ, устроенная слѣдующимъ образомъ: одинъ

Рис. 8.

конецъ веревки развитъ на составляющія ее пряди (рис. 8 А). Отступя отсюда вершковъ на 9, веревка раскручена, между

ея прядками продѣтъ развитый конецъ (рис. 8 В) и привязанъ въ этомъ мѣстѣ къ веревкѣ своими-же прядями. Объемъ петли таковъ, что ее нельзя было ни одѣть, ни снять черезъ голову; для снятія ее съ шеи трупа надо было отдѣлить голову отъ туловища. Другой конецъ неровный, какой остается при разрывѣ веревки. Длина всего этого куска около $^3/_4$ аршина.

На мѣстѣ груди и живота (которыхъ впрочемъ какъ замкнутыхъ полостей уже не было) лежитъ другой кусокъ веревки, у которой одинъ конецъ также, какъ и свободный конецъ шейной веревки, представлялъ неправильную поверхность разрыва, а на другомъ концѣ сдѣлана простая подвижная петля, въ которой сильно зажата кольцевидная холщовая полоса, шириною въ 4—5 пальцевъ, представлявшая верхнюю, открытую часть мѣшка или сумки. „Кромѣ того, сказано въ протоколѣ урядника, признаки есть на всемъ трупѣ, будто бы онъ лежалъ въ извести; весь трупъ тлѣлый и на маслахъ (мѣстное названіе костей) означаетъ бѣлый цвѣтъ, какъ известь“.

20 Апрѣля произведено было вскрытіе этого трупа, при чемъ оказалось: „трупъ находится на лугу въ наплывѣ изъ куги (водяное растеніе) и палокъ, оставшихся послѣ разлива р. Дона, въ разстояніи отъ русла около 2 верстъ. Лежитъ на спинѣ, правая рука отброшена“. Далѣе идетъ описаніе веревочной петли, о которой уже сказано выше, и того куска веревки, который лежалъ на мѣстѣ живота и груди. Прибавлено только, что „веревка сильно сгнила и рвется“.

„Одѣтъ трупъ въ синюю рубашку съ бѣловатыми звѣздочками, въ остатки бумажнаго, трикового, сѣраго, сильно вылинявшаго платья, такіе-же брюки, бязевые подштанники съ костяной желтой пуговицей съ углубленіемъ въ срединѣ. На ногахъ остатки бумажныхъ карпетокъ, и на лѣвой ногѣ кожаная туфля съ союзкой и съ носкомъ, съ пробитыми въ немъ круглыми отверстіями *). Все платье сгнило на столько, что остались лишь одни клочки, и *сплошь пропитано и*

*) Оказалось, что это было просто украшеніе въ видѣ узора изъ выбитыхъ круглыхъ дырочекъ.

усыпано известкой *). На шеѣ серебряный крестикъ на сѣромъ шнуркѣ **). При предъявленіи трупа сестрѣ Никодима С.— послушницѣ женскаго монастыря Аннѣ С. и рядовому изъ мѣщанъ З. они удостовѣрили самоличность въ трупѣ сына казака Никодима С. по росту, серебряному кресту на шеѣ трупа и сорочкѣ, а свидѣтель З. призналъ въ оставшемся башмакѣ одинъ изъ тѣхъ, которые онъ шилъ именно Никодиму. Анна С. представила образцы—ситцевой матеріи синяго цвѣта съ желтоватыми звѣздочками, и куски сѣраго коленкора, оставшіеся отъ шитья сорочки, найденной на трупѣ,—образцы и подкладка оказались тождественными съ сорочкой и подкладкой на ней подъ воротникомъ и плечами, только матерія сорочки на трупѣ сильно вылиняла".

Съ платья и съ трупа взяты образчики извести, *смѣшаны вмѣстѣ* и помѣщены въ одну баночку.

А. Наружный осмотръ.

Трупъ мужскаго пола, такъ какъ части полового члена сохранились.

Ростомъ около 2 арш. 3½ вершковъ.

Волосы, найденные лишь въ области лобка, русые.

Кожа и мягкія части въ области лица, шеи, груди, часть рукъ и ногъ совершенно разложились и кости обнажены, а мѣстами распались, особенно на груди, рукахъ и ногахъ. Оставшіяся мягкія части *на спинѣ и нижнихъ конечностяхъ* представляютъ *грязно-сѣрую массу, покрытую известкой* и соромъ (наплывомъ), который и окружаетъ трупъ. Какихъ либо поврежденій на нихъ вслѣдствіе разложенія усмотрѣть нельзя.

В. Внутреннее изслѣдованіе.

Кости черепа цѣлы, внутри черепа какихъ либо измѣненій или поврежденій опредѣлить нельзя.

*) Курсивъ вездѣ будетъ нашъ.

**) Шнурокъ шелковый, плотно сплетенный.

Мозгъ разложился.

Внутреннихъ органовъ грудной и брюшной полостей нѣтъ совершенно, а вмѣсто нихъ набитъ соръ, наплывъ отъ половодья.

Кости скелета цѣлы.

Гортани и дыхательнаго горла нѣтъ совершенно.

Переднихъ зубовъ нѣтъ сверху 4-хъ, а снизу 6-ти.

Правая ступня распалась и многихъ костей нѣтъ. Вообще кости скелета тонки и сложеніе трупа ниже средняго.

Мнѣніе.

Въ виду полнаго разложенія трупа Никодима С. причину смерти его опредѣлить нельзя. Поврежденій костей, отъ которыхъ произошла-бы эта смерть, на трупѣ не найдено. Передніе зубы могли быть или выбиты при жизни, безъ нарушенія цѣлости костей челюстей, или-же выпасть вслѣдствіе разложенія трупа и послѣдующихъ толчковъ о твердые предметы, что однако менѣе вѣроятно. По даннымъ освидѣтельствованія трупа можно прійти къ слѣдующему заключенію: 1) что трупъ этотъ принадлежитъ мужчинѣ, 2) что онъ былъ или мужчина молодой, недоразвившійся, на что указываютъ тонкія, слабыя кости, или что онъ слабаго тѣлосложенія; 3) что онъ былъ малаго роста и имѣлъ русые волосы; 4) что трупъ этотъ очень долго сохранялся въ извести, такъ какъ эта послѣдняя весьма плотно пристала какъ къ платью, такъ и къ оставшимся мягкимъ частямъ и костямъ; 5) что смерть его произошла давно, такъ какъ сгнили не только мягкія части организма и многія кости распались, но сгнило и платье; ничто не противорѣчитъ, что она произошла годъ тому назадъ; 6) что въ водѣ трупъ находился сравнительно не долго, такъ какъ известь не отмокла даже отъ поверхностныхъ частей; 7) что есть вѣроятіе предположить, что внутренніе органы изъ трупа были вынуты, такъ какъ отъ нихъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ, хотя между ними есть органы, сильно противостоящіе гніенію, напр. гортань и дыхательное горло, тогда какъ

болѣе слабые органы отчасти сохранились, напр. слѣды мозга, частей полового члена".

При изученіи этого дѣла мы должны нѣсколько измѣнить общій планъ анализа, указанный при анализѣ I-го дѣла; здѣсь мнѣніе первоначальнаго эксперта высказано такъ неопредѣленно, что о самой сути дѣла нельзя составить себѣ понятія. Поэтому въ данномъ случаѣ должно начать съ изученія обстоятельствъ дѣла и той цѣли, которую имѣло въ виду слѣдствіе.

Предположеніе первоначальнаго эксперта о томъ, что у покойнаго зубы были выбиты, а органы грудной и брюшной полостей, гортань и дыхательное горло вырѣзаны, породило мысль объ убійствѣ Никодима С., и подозрѣніе прежде всего пало на его хозяина, шорника В. У него былъ сдѣланъ обыскъ, при которомъ въ подвалѣ, устроенномъ въ нижнемъ полуэтажѣ его собственнаго дома, оказалось около 600 пудовъ извести, частью негашеной, частью гашеной, а также и песокъ; все это было заготовлено для пристройки и передѣлокъ въ домѣ, недавно имъ купленномъ. Входъ въ этотъ подвалъ никогда не запирался и туда свободно входили какъ всѣ домашніе В., такъ и посторонніе, приходившіе иногда купить у него извести. Не смотря на это тотчасъ-же возникло подозрѣніе, что въ этой извести и былъ спрятанъ трупъ убитаго Никодима С., а чтобы трупъ не издавалъ очень сильнаго зловонія, В. вырѣзалъ предварительно всѣ внутренности съ дыхательнымъ горломъ и гортанью. Продержалъ его въ извести почти все время и только весною при разливѣ спустилъ его въ рѣку, привязавъ къ его шеѣ мѣшокъ съ тяжестью для того, чтобы эта тяжесть удерживала трупъ на днѣ рѣки.

Въ извести была даже найдена яма такой величины, что въ ней могъ помѣститься трупъ. По предположенію слѣдствія въ ней именно и хранился трупъ Никодима С., по объясненіямъ же В. эта яма образовалась отъ того, что въ этомъ

мѣстѣ брали известь какъ для своихъ нуждъ, такъ и для продажи желающимъ. Въ этой ямѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ погреба, кромѣ валявшихся здѣсь обрѣзковъ сырыхъ кожъ, ничего особеннаго не найдено.—Отъ этой извести были взяты пробы для судебно-химическаго анализа и сравненія съ известью, взятой съ остатковъ одежды и съ костей трупа.

Для объясненія этого убійства приведена такая характеристика шорника В.: онъ нерѣдко билъ своихъ учениковъ, обыкновенно руками по лицу. Человѣкъ очень вспыльчивый, онъ иногда и значительный проступокъ оставлялъ безъ наказанія, а иногда за незначительный давалъ пощечины.— Одно время былъ преподавателемъ шорнаго мастерства въ мѣстномъ военно-ремесленномъ училищѣ.

При судебно-химическомъ изслѣдованіи того грязновато-сѣраго вещества, которое покрывало кости трупа вмѣсто кожи и другихъ тканей, и которое названо было известью, оказалось, что оно содержало—

12,4% жирнаго вещества,
86,7% песка и
0,9% извести.

Параллельный анализъ извести, взятой изъ погреба В., показалъ, что въ ней—

0% жирныхъ веществъ,
32% песка и
68% извести.

Переходя къ анализу данныхъ настоящаго дѣла, мы должны обратить вниманіе прежде всего на „известь“, покрывавшую кости и остатки одежды трупа, и должны спросить себя—дѣйствительно-ли это была известь? Такое опредѣленіе первоначальной экспертизы рѣшительно ни на чемъ не основано, за исключеніемъ того, что вещество имѣло грязно-сѣрый цвѣтъ, вродѣ цвѣта извести, и такъ пристало—„прикипѣло“—къ одеждѣ и къ костямъ, что вода не могла смыть его. Но достаточно взглянуть на результаты судебно-химическаго изслѣдованія этого вещества и дѣй-

ствительной извести для того, чтобы ясно увидѣть, что вещество, покрывавшее мѣстами кости трупа и содержавшее 12, 11% жира при ничтожномъ процентѣ (0,9) известковыхъ солей—не было известью. Но если это такъ просто и удобопонятно для насъ, то нельзя того-же сказать о тѣхъ, кто слушаетъ эксперта на судѣ: какъ сдѣлать понятнымъ анализъ и его результаты напр. для такихъ присяжныхъ, какіе были въ настоящемъ случаѣ—всѣ 12 человѣкъ простые казаки. Въ такого рода случаяхъ, кромѣ возможной популяризаціи экспертизы приходится прибѣгать къ самымъ простымъ сравненіямъ, аналогіямъ, опытамъ. Именно въ этомъ случаѣ пришлось прибѣгнуть къ слѣдующему опыту: чтобы показать суду, что вещество, похожее на известь, не есть дѣйствительная известь, мы взяли кусокъ чистой бумаги, на нее насыпали немного испытуемаго вещества и нагрѣли надъ пламенемъ свѣчи,—черезъ минуту бумага подъ взятымъ веществомъ оказалась уже сильно промасляною, прозрачною. Произведенное послѣ этого подогрѣваніе извести, взятой изъ погреба обвиняемаго В., не дало ничего подобнаго,--присяжные вполнѣ поняли, что изъ извести нельзя вытопить сала...

Для рѣшенія-же вопроса—что это за вещество, надо обратиться къ тому особому исходу гніенія нѣкоторыхъ тканей трупа, который наблюдается при долгомъ гніеніи въ водѣ или въ очень сырой почвѣ. Это именно то видоизмѣненіе процесса гніенія жира, которое является въ 3-хъ переходныхъ формахъ: прежде всего въ видѣ жировоска, затѣмъ въ видѣ омыленія и наконецъ—въ видѣ объизвествленія.

На судебно-медицинское значеніе жировоска въ практическомъ отношеніи обратилъ особенное вниманіе Kratter, и главнымъ образомъ—на возможность по этому измѣненію судить о времени пребыванія трупа въ водѣ: первые признаки превращенія ткани въ жировоскъ (что выражается набуханіемъ и уплотнѣніемъ жировой подкладки напр. въ кожѣ), никогда не наблюдались раньше 6 недѣль пребыванія трупа въ водѣ или въ очень сырой землѣ. Появленіе его въ болѣе глубокихъ тканяхъ, какъ напр. въ сальникѣ, около-

почечномъ жирѣ и т. п. замѣчается только черезъ 8 мѣсяца. Омыленіе-же трупа, находящагося въ проточной водѣ, начинается не ранѣе, какъ съ 3-го мѣсяца пребыванія его здѣсь, но можетъ начаться и позже, въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій: отъ количества жира въ трупѣ, отъ t° воды, отъ количества растворенныхъ въ ней щелочныхъ земель и другихъ щелочей и т. п., такъ что иногда ясное омыленіе и объизвествленіе трупа можно наблюдать только черезъ 12 мѣсяцевъ пребыванія его въ водѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что если найденный трупъ представляетъ собою дѣйствительно трупъ пропавшаго безъ вѣсти Никодима С., то несомнѣнно—онъ съ самаго исчезновенія изъ станицы находился въ водѣ. Былъ-ли онъ хотя не на долго въ извести—судить нельзя, за отсутствіемъ всякихъ указаній въ этомъ отношеніи. Этотъ выводъ прямо противоположенъ двумъ положеніямъ первоначальной экспертизы, а именно—что „трупъ долго сохранялся въ извести", и что „въ водѣ оставался сравнительно не долго". Но изъ сопостановленія этихъ двухъ положеній первоначальной экспертизы вытекалобы третье—что трупъ сгнилъ въ извести, и слѣдовательно въ извести-же образовались въ немъ жировоскъ, омыленіе и объизвествленіе—это совершенно противорѣчитъ наблюденіямъ надъ трупами, вырытыми изъ известковой почвы: такіе трупы оказывались мумифицированными. Правда, что наблюденій надъ непосредственнымъ дѣйствіемъ извести на трупѣ мы не встрѣчали въ судебно-медицинской литературѣ, но теоретическія соображенія на этотъ счетъ вполнѣ подтвердились прямыми опытами, которые мы предприняли по поводу этого дѣла, и которые описаны уже въ отдѣлѣ трупныхъ явленій.

И такъ—въ извести трупъ не могъ сгнить. Если-же онъ дошелъ до той степени гніенія, какая оказалась при осмотрѣ и вскрытіи его, то это могло произойти только въ водѣ.

Но можетъ быть трупъ, мумифицировавшійся въ извести, будучи опущенъ въ воду, тѣмъ скорѣе разлагается въ ней? Наоборотъ—разъ высохшіе ткани разбухаютъ и сгни-

вають въ водѣ неизмѣримо медленнѣе, чѣмъ безъ предварительнаго высыханія. Да наконецъ, если-бы даже онѣ гнили такъ-же, какъ и невысохшія раньше, то остатки ихъ на трупѣ не были бы похожи на известь: высохшія, мумифицированныя ткани имѣютъ темно-бурый цвѣтъ и при размачиваніи въ водѣ почти не отбѣливаются.

Переходимъ къ мысли объ убійствѣ Никодима С.; на чемъ оно основано? Прямымъ поводомъ послужило отсутствіе нѣсколькихъ зубовъ въ обѣихъ челюстяхъ, а косвеннымъ—вырѣзываніе внутренностей изъ трупа. Что касается отсутствія зубовъ, то въ мнѣніи, какъ мы видѣли, это обстоятельство оговорено осторожно: „передніе зубы могли быть или выбиты при жизни безъ нарушенія цѣлости костей челюстей, или же выпасть вслѣдствіе разложенія трупа и послѣдующихъ толчковъ о твердые предметы, что однако менѣе вѣроятно“. Но на судѣ экспертъ совершенно отрицалъ возможность выпаденія зубовъ вслѣдствіе одного только гнилостнаго размягченія частей, связывающихъ ихъ съ челюстями, и если допускалъ это, то при томъ непремѣнномъ условіи, что „зубы должны были быть расшатаны ударомъ при жизни“. На чемъ-же основано утвержденіе о прижизненномъ выбитіи зубовъ? Если допустить это, то надо признать, что они выбиты однимъ или нѣсколькими ударами въ день убійства, такъ какъ многіе свидѣтели, видѣвшіе Никодима С. наканунѣ дня его исчезновенія, удостовѣрили, что у него передніе зубы были цѣлы и самъ онъ никому не жаловался до того, чтобы когда нибудь В. выбилъ у него хотя одинъ зубъ. Но чтобы выбить въ одинъ разъ 10 переднихъ зубовъ, для этого надо было нанести очень сильный ударъ въ обѣ челюсти спереди. Между тѣмъ, по категорическому заявленію первоначальнаго эксперта на судѣ, у Никодима С. не только обѣ челюсти, но даже и луночки всѣхъ выбитыхъ зубовъ были совершенно цѣлы, не было нигдѣ ни малѣйшей трещинки. Если еще можно допустить, что ударъ не повредилъ самыхъ челюстей, то этого рѣшительно нельзя отнести къ луночкамъ, которые никоимъ образомъ не могли

остаться цѣлыми при такомъ ударѣ: каждый зубъ, при ударѣ спереди, долженъ былъ податься назадъ, въ полость рта; но такъ какъ корень его плотно сидитъ въ луночкѣ, то чтобы податься назадъ, зубъ неизбѣжно долженъ растянуть заднюю стѣнку луночки, а при этомъ она также неизбѣжно должна треснуть.

Очевидно—зубовъ нѣтъ не потому, что они выбиты. а по какой-то другой причинѣ; такою естественною и простою причиною является именно выпаденіе ихъ вслѣдствіе гнилостнаго разрушенія мягкихъ частей, связывающихъ зубъ съ луночкой, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ недоставало какъ разъ тѣхъ зубовъ, которые легче всего могутъ выпасть, такъ какъ имѣютъ прямой и клинообразный корень. Тѣ-же зубы, у которыхъ корни изогнутыя и расходящіеся, всѣ оказались на мѣстѣ. Что касается вопроса—могли-ли за это время сгнить всѣ связи зуба съ луночкой, то какое-же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе, когда сгнили такіе связочные аппараты, какъ у ступней ногъ, у кистей рукъ, у тѣла грудины съ рукояткой ея...

Относительно вырѣзыванія внутренностей—есть-ли какія нибудь основанія утверждать это? Такое предположеніе, сдѣланное первоначальнымъ экспертомъ, является совершенно произвольнымъ, такъ какъ никакихъ указаній на вырѣзываніе нѣтъ. Для того чтобы вынуть изъ трупа брюшныя внутренности, надо вскрыть брюшную полость и для этого надо разрѣзать переднюю стѣнку ея, т. е. кожу живота, а на это нѣтъ никакихъ указаній, такъ какъ нѣтъ и самыхъ стѣнокъ живота. Для удаленія изъ трупа грудныхъ внутренностей надо вскрыть грудную клѣтку, т. е. перерѣзать всѣ реберные хрящи и такимъ образомъ удалить грудину, тогда только черезъ образовавшееся отверстіе и можно удалить органы грудной полости. Въ настоящемъ-же случаѣ хотя и не было грудины, но зато не было и реберныхъ хрящей, такъ что нѣтъ никакой возможности судить о томъ—были ли они перерѣзаны для удаленія грудины; слѣдовательно—

нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на вскрытіе грудной полости съ цѣлью удаленія грудныхъ внутренностей.

Не оказалось гортани и дыхательнаго горла—но развѣ по одному только отсутствію ихъ можно утверждать, что они были вырѣзаны? Не оказалось и большей части остальнаго содержимаго шеи—почему же тогда не сказать, что и оно вырѣзано? Во всякомъ случаѣ о вырѣзываніи изъ шеи дыхательнаго горла и гортани мы могли-бы судить только по продольному разрѣзу кожи и мягкихъ частей шеи, безъ чего сказанныхъ органовъ шеи удалить нельзя.

И такъ—ни на чемъ не основанное предположеніе о вырѣзываніи изъ трупа внутренностей должно быть замѣнено просто фактомъ отсутствія ихъ, да еще рядомъ съ отсутствіемъ почти всѣхъ остальныхъ мягкихъ частей, за исключеніемъ незначительнаго остатка ихъ въ нижней части живота и на задней поверхности тѣла.

Предположеніе о вырѣзываніи внутреннихъ органовъ не только ни на чемъ не основано, но наоборотъ—есть указанія на то, что ни грудная клѣтка, ни брюшная полость не были вскрываемы: первоначальный экспертъ, въ дополненіе къ своему протоколу вскрытія, добавилъ на судѣ, что нижняя часть передней стѣнки живота сохранилась въ видѣ пояска, шириною пальца въ 4—5, „а можетъ быть и больше". Этотъ поясъ „состоялъ частью изъ грязно-сѣраго вещества, изъ перемычекъ и мышечныхъ влагалищъ", объяснилъ экспертъ на судѣ. Если такъ, то очевидно—кожу живота не разрѣзывали для извлеченія брюшныхъ внутренностей, такъ какъ въ противномъ случаѣ ее разрѣзали-бы вплоть до симфиза, чтобы легче было извлечь органы, а не остановили-бы разрѣза не доходя 4—5 поперечныхъ пальцевъ до симфиза.

Точно также есть признаки, противорѣчащіе мысли о вскрытіи грудной клѣтки: когда ее вскрываютъ, то удаляютъ всю грудину, вырѣзывая оба сочлененія ея рукоятки съ

ключицами. На трупѣ-же не оказалось только тѣла грудины, а рукоятка осталась на своемъ мѣстѣ въ соединеніи съ ключицами.

На все сказанное противъ вырѣзыванія внутренностей, при желаніи можно возразить, что производившій эту операцію могъ поступить иначе: не разрѣзывая брюшную стѣнку продольно—отъ мечевидного отростка грудины до симфиза, вырѣзалъ переднюю и боковыя части живота, продѣлавъ, такъ сказать, большое окно въ брюшную полость; черезъ это окно онъ могъ извлечь внутренности живота, а затѣмъ уже вырѣзалъ грудо-брюшную преграду, и черезъ это нижне-грудное отверстіе извлекъ органы грудной клѣтки не нарушая цѣлости ея.—Конечно, такого способа нельзя признать невозможнымъ, но въ данномъ случаѣ онъ прямо невѣроятенъ: онъ гораздо труднѣе обыкновеннаго вскрытія грудной и брюшной полости, и прибѣгать къ нему въ настоящемъ случаѣ не было никакого смысла. Операторъ могъ прибѣгнуть къ нему только въ томъ случаѣ, если-бы имѣлъ въ виду замаскировать способъ убійства, или симмулировать что-либо, какъ это напр. было въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, анализъ котораго будетъ въ свое время приведенъ. Здѣсь-же оперировавшій могъ имѣть въ виду только самое извлеченіе внутренностей, и чѣмъ проще сдѣлать это, тѣмъ для него было-бы лучше.

И такъ—изученіе данныхъ дѣла при ихъ естественномъ свѣтѣ, а не при искусственномъ освѣщеніи отъ совершенно побочныхъ фактовъ, приводитъ къ заключенію, что трупъ, приписанный исчезнувшему Никодиму С., гнилъ въ водѣ и пробылъ въ ней не менѣе 10—11 мѣсяцевъ.

Такой выводъ при дальнѣйшемъ анализѣ приводитъ логически къ вопросу—какимъ образомъ трупъ попалъ въ воду? Есть-ли это убійство, послѣ котораго убитый былъ брошенъ въ рѣку для скрытія преступленія, или же это самоубійство путемъ утопленія? Третья возможность—неосторожное попаданіе въ воду—здѣсь исключается тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что къ шеѣ былъ привязанъ мѣшокъ очевидно—съ тяжестью.

Было-ли здѣсь убійство—судить нельзя, такъ какъ кости не даютъ никакихъ указаній, а тканей и органовъ тѣла, которые прежде всего могли-бы дать указанія—въ изслѣдуемомъ трупѣ нѣтъ. Но что-же значитъ привязанный къ шеѣ мѣшокъ съ тяжестью? Несомнѣнно, что это обстоятельство должно вызывать у неврача мысль о преступленіи. Дѣйствительно, такой пріемъ употребляется убійцами: желая скрыть свое преступленіе, они бросаютъ трупъ жертвы въ рѣку, озеро и т. п., а для того, чтобы трупъ не всплылъ на поверхность, навязываютъ что нибудь тяжелое на его шею. Но наблюденія показываютъ, что такая предосторожность принимается не одними убійцами, что къ ней прибѣгаютъ нерѣдко и самоубійцы, чтобы обезпечить себѣ задуманное, чтобы не измѣнить самому себѣ въ послѣднюю страшную минуту и чтобы лишить себя возможности инстинктивно искать спасенія. Съ этою то цѣлью они также или привязываютъ къ себѣ различныя тяжести, или набиваютъ себѣ карманы камнями и т. п. тяжелыми предметами. Такимъ образомъ—присутствіе на шеѣ трупа мѣшка съ тяжестью нисколько не исключаетъ возможности самоубійства утопленіемъ. Въ данномъ случаѣ является лишь нѣсколько страннымъ устройство петли на шеѣ, а именно: петля такъ устроена, что непремѣнно вызываетъ вопросъ—могъ-ли покойный самъ сдѣлать себѣ на шеѣ такую петлю?

Изъ протокольнаго описанія можно заключить, что петля сдѣлана послѣ наложенія веревки на шею, а не раньше: врачъ повидимому имѣлъ въ виду именно это обстоятельство, когда описывалъ узкость петли и невозможность снять ее съ шеи черезъ голову. Если-бы это было такъ, то конечно данная петля могла-бы являться подозрительной, но и то лишь до нѣкоторой степени; исключить вполнѣ всякую возможность сдѣлать такую петлю, наложивъ прежде веревку на шею и слѣдовательно—не глядя на процессъ завязыванія ее—рѣшительно нельзя; это можетъ быть неудобно, и по-

требовало-бы больше времени, чѣмъ если-бы петля была сдѣлана раньше и уже готовая надѣта на шею черезъ голову. Но человѣкъ, умѣющій дѣлать такія петли, и подготовивъ веревку для нея заранѣе, несомнѣнно можетъ безъ особеннаго труда завязать узелъ, набросивъ подготовленную веревку на шею и руководствуясь осязаніемъ. Кромѣ того въ настоящемъ случаѣ даже и этого предполагать нѣтъ особенной надобности; петля могла быть сдѣлана раньше и настолько просторная, что ее можно было надѣть на шею черезъ голову; если же при осмотрѣ трупа ее нельзя было снять тѣмъ-же путемъ, то это еще ничего не доказываетъ: извѣстно, что веревки, канаты и т. п. предметы изъ льна или пеньки, будучи смочены водою, сильно сокращаются. Этимъ свойствомъ ихъ пользуются для сдвиганія съ мѣста такихъ тяжестей, которыя не поддаются человѣческой или лошадиной силѣ. Поэтому весьма возможно, что петля, одѣтая на шею черезъ голову, въ водѣ сократилась на-столько, что ее уже нельзя было снять тѣмъ-же путемъ.

Такимъ образомъ—относительно причины смерти Никодима С., истинный логическій выводъ будетъ такой: на убійство нѣтъ никакихъ указаній, причемъ нисколько не исключается возможность самоубійства путемъ утопленія.

Однако, хотя судебно-медицинскія данныя не отвѣчаютъ убійству, а скорѣе говорятъ за самоубійство, тѣмъ не менѣе экспертъ долженъ провѣрить свои выводы также немедицинскими данными т. е. обстоятельствами случая—нѣтъ-ли между ними такихъ, которыя указывали бы на то или другое?

Здѣсь прежде всего должны быть поставлены данныя, которыя собраны слѣдствіемъ для указанія на возможность убійства Никодима С. его хозяиномъ. Въ числѣ этихъ данныхъ первое мѣсто занимаетъ указаніе на то, что В. подъ пьяную руку билъ своихъ служащихъ. Но много-ли найдется между нашими ремесленниками такихъ, которые не дрались-бы, особенно въ пьяномъ видѣ, со своими учениками и подмастерьями? Такъ что дѣло не въ томъ, что В. дрался, а въ томъ—на сколько онъ жестокій человѣкъ, и были-ли случаи,

чтобы онъ увѣчилъ своихъ учениковъ? Нѣтъ, этого не бывало—билъ по лицу руками, и никогда ни одного случая увѣчья не было. Наконецъ, если-бы онъ былъ извергъ, и дошелъ до того, что убилъ своего подмастерья, то едва-ли такое дѣло скрыли-бы его другіе ученики, которые на себѣ должны были испытывать раньше тяжесть побоевъ хозяина,—это психологически невѣроятно.

Второе мѣсто занимаетъ нахожденіе извести въ погребѣ В. Этотъ фактъ получилъ значеніе вслѣдствіе того, что экспертъ призналъ вещество, покрывавшее трупъ—за известь. Но это оказалось совершенно невѣрнымъ, слѣдовательно фактъ нахожденія извести у В. самъ по себѣ не можетъ имѣть никакого значенія.

Не нашли-ли въ этой извести какихъ либо указаній на то, что въ ней былъ зарытъ трупъ? Никакихъ, за исключеніемъ ямы, которая однако, по объясненію В. и свидѣтелей, произошла отъ того, что известь давно уже брали по немногу изъ одного и того-же мѣста. Больше никакихъ данныхъ слѣдствіе не собрало.

Теперь посмотримъ—нѣтъ ли какихъ либо данныхъ, которые говорили-бы за возможность самоубійства? Слѣдствіе, увлеченное мыслью объ убійствѣ, не имѣло въ виду такого вопроса, и въ этомъ направленіи не собирало данныхъ, но кое-что все-же вошло въ акты слѣдствія, это именно—краткая характеристика исчезнувшаго Никодима С. и его семьи: самъ онъ былъ юноша слабосильный, не сообщительный, со слабою памятью. Отецъ его покончилъ съ собою самоубійствомъ; мать очевидно была со странностями, если въ противность мѣстнымъ понятіямъ и обычаямъ, едва похоронивъ мужа, безъ видимой нужды вышла опять замужъ, имѣя 8 человѣкъ дѣтей. По поводу этого о ней тамъ иначе не говорили, какъ о сумасшедшей. Что-же невѣроятнаго въ томъ, что и Никодимъ С. былъ не совсѣмъ психически здоровый человѣкъ, и пожалуй—съ наслѣдственнымъ стремленіемъ къ самоубійству. (В. былъ оправданъ).

ЛИТЕРАТУРА.

Основными пособіями при составленіи этого руководства служили:

I. v. Maschka, Gutachten, 1853—1867.

II. Casper,—Gerichtliche Leichenöffnungen—Berlin, 1853.

III. Krahmer,—Handb. d. ger. Med.,—Braunschweig, 1857.

IV. Wald,—Gerichtliche Medicin,—Leipzig, 1858.

V. Böcker,—Lehrb. d. der. Med.,—Jserlohn, 1857.

VI. v. Samson—Himmelstirn,—Mittheilungen,—Riga, 1862.

VII. Pölchau,—Gutachten,—Riga, 1868.

VIII. Buehner,—Gerichtl. Medicin, 9 Aufl., München, 1872.

IX. Schürmayer,—Lehrb. d. ger. Medic., 4 Aufl., Erlangen, 1874.

X. Schauenstein,—Lehrb. d. ger. Medic.,—Wien, 1875.

XI. Casper-Liman,—Lehrb. d. ger. Medic., 8 Aufl., Berlin. 1889.

XII. v. Maschka,—Handb. d. ger. Medic.,—Tübingen, 1881—82.

XIII. Ed. v. Hofmann,—Lehrb. d. ger. Medic., Wien, 1895.

XIV. A. Lesser,—Atlas d. ger. Medic., 1884—1892.

XV. Becker,—Sammlung gerichtsärztlichen Gutachten,—Berlin, 1893.

XVI. Kautzner,—Gerichtsärztliche Fälle,—Gratz, 1893.

XVII. Seydel,—Leitfaden der gerichtl. Medicin,—Berlin, 1895.

XVIII. Dambre,—Traité de médecine légale,—Gand, 1859.

XIX. Briand et Chaudé,—Méd. lég.,—6 édit., Paris, 1858.

XX. Clemant,—Conférences,—Paris, 1880.

XXI. Legrand du Saulle, Berryer et Pouchet,—Traité de médec. lég., Paris, 1886.

XXII. Vibert,—Précis de médec. lég., Paris, 1886.

XXIII. Taylor,—Princ. and pract. of medical jurisprud.,—London, 1865.

XXIV. Guy and Ferrier,—Princ.,– London, 1875.
XXV. Woodman and Tidy,—Handbook,—London, 1877.
XXVI. Ogston,—Lectures,—1878.
XXVII. Wharton and Stillé,—Medical jurisprud., – Philadelphia, 1882.
XXVIII. Taylor-Stevenson, — Medical jurisprud., – London, 1891.
XXIX. Engel,—Leichenerscheinungen,—1854.
XXX. Ed. Hofmann,—Leichenersch.—Eulenburg's Jahrschr. f. ger. Med., N. F. XXV, H. 1.
XXXI. J. Maschka,—Leichenersch., Handb. der gerichtl. Med., Bd. III, 1882.
XXXII. Pickarsky,—Leichenersch. Virchow's Iahrb., 1857, II.
XXXIII. Falk,—Zur Histologie verwesender Organe, — Med. Centralbl., 1866 и 67.

По частнымъ вопросамъ.

(къ 1-му выпуску).

1) Prof. Jul. Kratter,—die Aufgaben der gerichtl. Med. in Lehre u. Forschung.
2) Janowsky,—Handb. d. gericht. Med.. herausg. v. Maschka, I Bd. 1881.
3) Дриль,—Преступность и преступники,—Юрид. библіотека 1895, № 5.
4) Lavater,—Essai sur la physiognomie etc., Zürich, 1781.
5) Gall,—Anatomie et physiol. du syst. nerveux etc., 1810—1820.
6) Cabanis,—Rapports du phisique et du moral de l'homme,—1796.
7) P. Lucas,—Traité philosophique de l'heredité, 1847.
8) Morel,—Traité de Dégénérescences de l'espèce humaine,—Paris, 1857.
9) Despine,—Psychologie naturelle,—1868.
10) Thomson,—Psychologie of criminals, 1870.
11) Wilson,—The moral Imbecility of Habitual Criminals, 1869.
12) Morel,—De la formation du type dans les variétés dégénérées,—Paris, 1864.

13) Bourneville et Leflaive,—Hystero-Epilepsie,—rech. clin. et therap. de l'epilepsie,—1885.
14) Martin,—De l'alcoholisme des parents comme cose de l'Epilepsie chez leur descendants,—1879.
15) Edm. Fournier,—Stigmates dystrophiques de l'Herido-Siphilis.
16) Ricochon,—Revue de la tuberculose, 1894.
17) Hertwig,—Ueber pathol. Veränd. des Kerntheilungsprocess in Folge exper. Eingriffe,—Virchow's Festschr., 1891.
18) Herbst,—Experim. Untersuch. üb. d. Einfl. d veränd. chemisch. Zusammensetzung des umgebend. Mediums auf die Entwich d. Thiere,—Zeitschr. f. wissenschaft. Zoologie, LV, 1893.
19) Driesch,—Exogastrula und Anenteria,—Mittheil. aus d. Zool. Station zu Neapel,—XI, 1893.
20) Hertwig,—Die Entwick. d. Froscheies,—Arch. f. Mikroskop. Anat., 1895, XLIV.
21) Tol et Karinsky,—Recherches expérim. sur la cause de quelques monstruosités simples et de divers processus embryol.,—Revue Zool. suisse,—1883, I.
22) Dareste,—Rech. s. la production artif. des monstruisités,—Paris, 1891.
23) Kollmann,—Ueber Spina bifida u. Canalis Neurentericus,—Verh. d. Anat. Geselsch., 1893.
24) Gley et Charrin,—Soc. de biolog.,—Fevr. 1896.
25) Arnault,—Arch. de biologie, 1895.
26) Féré,—Société de biolog.,—Fevr. 1895.
27) Manouvrier,—Questions préalables à l'étuge Comparée des Criminels etc., Actes du 3-me Congres Bruxelles, 1892.
28) Parent-Duchatelet,—De la prostitution dans la ville de Paris.
29) Ferrero,—La morale primit. e l'atavismo del dellito,—въ Архивѣ Lombroso.
30) Kurella,—Naturgeschichte des Verbrechers,—1893.
31) Д. Зерновъ,—Критич. очеркъ анатомич. основаній криминальной теоріи Lombroso.—Москва, 1896.

32) v. Liszt,—Actes de 3-me congrès d'antropol. crim.,—стр. 95.
33) П. Н. Тарновская,—Женщины-убійцы,—антропол. изслѣд.,—СПБ. 1902.
34) Lentz,—De l'alcoolisme et de ses diverses matifestations,—Bruxell.
35) Magnan,—Récherches sur les centres nerveux, II ser., Paris, 1893.
36) Его-же.—Leçon faite à l'asile S-te Anne etc.,—Arch. de neurolog., vol. XXIII nº 69, 1892.
37) Tarde,—Criminalité comparée, 1886.
38) Lombroso,—Nouveaux récherches de Psychiatrie.
39) Lefort,—Le type criminel d'après les savants et les artistes,—1892.
40) Benedict,—Anatomische Studien an Verbrechergehirnen,—1879.
41) Проф. Владиміровъ,—Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ,—часть особенная. Харьковъ, 1886.
42) Mittermeier,—Gerichtssaal,—1861.
43) Bichat,—Récherches physiolog. sur la vie et la mort,—1800.
44) Martin,—Arch. d'Antropol. crim. etc. 1896.
45) Falck u. Schroff,—см. Leichenersch. Hofmann'a, Vierteljahrschr. f. ger. Med. XXV, 236.
46) Nysten,—Récherches de physiol. et chémie pathol.,—Paris, 1811.
47) Sommer,—De signis mort. hom. etc., 1833.
48) Kühne,—Arch. d. Anat. u. Physiol.,—1859.
49) Миловзоровъ,—Микроскопическія измѣненія поперечно-полосатыхъ мышцъ при трупномъ окоченѣніи,—Дисс. СПБ. 1888.
50) Brücke,—Vorles, üb. Physiol. d. Muskeln. nach dem Todt,—1875.
51) Maschka,—Vierteljahrschr. f. ger. Med. 1883. B. 38.
52) Casper,—Gerichtl. Leichenöfnungen,—Berlin, 1853.
53) Riecke,—Ueber d. Einfluss des Verwesungsdünste u. s. w.,—Stuttgart, 1848.

54) Toussaint,—Die Mumification der. Leichen,—Casper's Vierteljahrsch. Bd. XI, 1857.
55) Schauenstein,—Später auftretende Leichenveränderungen,—Handb. d. ger. Med., herausg. v. Maschka, Bd. III, 1882.
56) Thouret,—Rapport sur les exhumations du cimetière et de l'église des Saints-Innocens, Paris, 1789.
57) Fourcroy,—Mémoirs sur les différ. états des cadavres etc.,—lus à l'acad. des sciences,—Paris, 1789.
58) Kratter,—Studien über Adipocire,—Zeitschr. f. Biolog.,—1880, XVI.
59) E. Ludwig,—Leichenfett,—Eulenburg's Encyclop., 1887, 2 Aufl., XI.
60) Reinhardt,—Fettwachsbildung,—Elfter Iahresber. üb. d. Medicinwesen auf. d. Iahr 1880.
61) Aetzmann,—Zur Kenntniss der Fettwachsbild.,—Vierteljahr. f. ger. Med. 1882, XXXVII.
62) Strassmann,—Lehrb. d. ger. Med.,—Stuttgart, 1895, стр. 572.
63) Zillner,—Zur Kenntniss des Leichenwachses,—Vierteljahrschr. f. ger. Med. N. F., 1885, т. 42.
64) Ф. Патенко,—Къ вопросу о судебно-медицинскомъ значеніи трупныхъ явленій (трупная эмфизема)—газ. Медицина, 1891.
65) Бурцевъ,—Трупныя измѣненія.—Диссерт. СПБ. 1870.
66) См. у Briand,—Manuel complet de médec. lég.,—9-me édit., Paris, 1874.
67) Ferrai,—Vierteljahrschr. f. ger Med. XXI, 2.